

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

7

Выпуск (901)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

7
Issue (901)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 7 (901)

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Минский государственный лингвистический университет (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 7 (901)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osminina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Minsk State Linguistic University (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вербализация сенсорного опыта и анализ данных: построение статистических моделей БАРЫШНИКОВ П. Н., ВЕЛИС Л. А.	9
Нейтрализация расово-этнической дискриминации в современном английском языке БЕЛОВА А. В.	18
Эволюция заголовков в эпоху цифровых средств массовой информации: семантика, синтаксис, прагматика (на материале итальянских заголовков) ГОРБЫЛЕВА А. В.	25
Воздействующая функция авторской ремарки-сеттинга англоязычной пьесы: динамика современной драматургии ГРИЩЕВА В. В.	33
Политический плакат как форма взаимодействия между обществом и властью: визуальная и вербальная составляющие ГУЛИНОВ Д. Ю., ГАЙБАЛИЕВА Э. Э.	40
Лингвистический статус письменной фиксации специфических для сообщества глухих лексических единиц русского жестового языка ЖАДАН А. В., СОКОЛОВА В. Л.	47
Взаимодействие компонентов креолизованного текста (на примере информационных ресурсов Вооруженных сил Италии) ЗОТОВА С. В.	53
Реакция как собирательный образ эмодзи в конфликтном интернет-дискурсе (на материале интернет-комментариев) КАТЕРМИНА В. В., ВУЛЬФОВИЧ Б. Г.	60
Концептуальная внутренняя форма иероглифического знака как отражение образа мышления носителя китайского языка (на примере существительных-зоонимов) КРАСИКОВА Е. А., МИРОНЕНКО К. Н.	68
Фразеологические единицы в коммуникации неслышащих: поиски корреляций с русским звучащим языком ЛЕШКОВА Я. Н.	75
Трилингвизм Псалтири Эдвина МУХИН С. В., МОРОЗОВА Е. Б.	84
Тенденция к аналитизму в современном итальянском языке: лингвоэкологические аспекты НАЗАРЕНКО А. И.	92

СОДЕРЖАНИЕ

Названия улиц полилингвальных регионов: законодательные установки и именословная практика
(на примере белорусского и итальянского приграничья)

ПАНТЕЛЕЕНКО О. А. 99

Информационный узел как средство реализации профессионального дискурса

ПИСАРИК О. И. 107

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Робин Гуд в зеркале Реформации: модификация образа на рубеже Елизаветинской и Яковинской эпох

КОЛОСОВА Е. И. 114

Изучение творчества Дж. Р. Р. Толкина как методологическая проблема

МИНЦ М. М. 122

Соматическая топика в поэтическом сборнике Г. Адамовича «Чистилище»

ПЕРЕВЕРТОВА К. Н. 129

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Репрезентация конфликта в содержании белорусских средств массовой информации
для женской аудитории

СМИРНОВА О. В., БОЙКО В. Н., ИЛЬЧЕНКО Д. С. 138

Концепт «любовь» в русской и китайской лингвокультурной традиции

ЦЗЯСИН Х., ШИЖАО Л., ТАКАЗОВ В. Д. 146

LINGUISTICS

Verbalization of Sensory Experience and Data Analysis:
Building Statistical Models

BARYSHNIKOV P. N., VELIS L. A. 9

Eliminating Racial and Ethnic Discrimination in Modern English

BELOVA A. V. 18

Evolution of Headlines in the Digital Media Era: Semantics, Syntax, Pragmatics
(based on Italian headlines)

GORBYLEVA A. V. 25

The Impacting Function of the Setting Stage Direction in English Play: the Dynamics of Modern Dramaturgy

GRISHCHEVA V. V. 33

Political Poster as a Form of Interaction Between Society and Power: Visual and Verbal Components

GULINOV D. YU., GAIBALIEVA E. E. 40

Linguistic Status of the Written Record of Russian Sign Language Units
Specific to the Deaf Community

ZHADAN A. V., SOKOLOVA V. L. 47

Interaction of Creolized Text's Components
(on the example of information resources of the Italian Armed Forces)

ZOTOVA S. V. 53

Reaction as a Collective Image of Emoji in Conflictive Internet Discourse
(based on Internet comments)

KATERMINA V. V., VULFOVICH B. G. 60

The Conceptual Internal Form of a Hieroglyphic Sign as a Reflection of the Mindset
of a Chinese Language Speaker (on the example of noun-zoonyms)

KRASIKOVA E. A., MIRONENKO K. N. 68

Phraseological Units in Russian Sign Language: Looking for the Correlation
with Spoken Russian Language

LESHKOVA Y. N. 75

Trilingualism of the Eadwine Psalter

MUKHIN S. V., MOROZOVA E. B. 84

CONTENTS

Analytical Tendencies in the Contemporary Italian Language: Linguo-Ecological Aspects NAZARENKO A. I.	92
Street Names of Polylingual Regions: Legislative Guidelines and Naming Practice (on the example of Belarusian and Italian borderland) PANTELEENKO A. A.	99
The Information Node as a Tool for Implementing Professional Discourse PISARIK O. I.	107

LITERARY STUDIES

Robin Hood in the Mirror of the Reformation: Transformation of the Image During the Elizabethan and Jacobean Eras KOLOSOVA E. I.	114
The Study of J. R. R. Tolkien's Fiction as an Issue of Methodology MINTS M. M.	122
Somatic Topics in the Poetry Collection "Purgatory" by G. Adamovich PEREVERTOVA K. N.	129

CULTUROLOGY

Representation of the Conflict in Belarusian Media for the Female Audience SMIRNOVA O. V., BOYKO V. N., ILCHENKO D. S.	138
The Concept of "Love" in Russian and Chinese Linguocultural Traditions JIAXING H., SHIRAO L., TAKAZOV V. D.	146

Вербализация сенсорного опыта и анализ данных: построение статистических моделей

П. Н. Барышников¹, Л. А. Велис²

^{1,2}Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

¹pnbaryshnikov@pgu.ru

²lolitavelis@yandex.com

Аннотация. В статье исследуется ольфакторная лексика в произведениях В. В. Набокова и Ф. М. Достоевского с использованием методов компьютерной лингвистики. Цель работы – выявить доминирующий фактор в описаниях обонятельного опыта: языковую структуру или индивидуально-авторский стиль. Материалом послужили сборники рассказов обоих авторов, проанализированные с помощью библиотек spaCy, NLTK, pymorphy3. Выявлена существенная разница в характере ольфакторных описаний: у Набокова преобладают дескриптивные характеристики с широким спектром источников запахов, у Достоевского – эмоционально окрашенные метафорические образы преимущественно негативной коннотации.

Ключевые слова: феноменальный опыт, ольфакторный опыт, машинная обработка текста, статистический подход, лингвосенсорика

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00540, <https://rscf.ru/project/24-28-00540>.

Для цитирования: Барышников П. Н., Велис Л. А. Вербализация сенсорного опыта и анализ данных: построение статистических моделей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 7 (901). С. 9–17.

Original article

Verbalization of Sensory Experience and Data Analysis: Building Statistical Models

Pavel N. Baryshnikov¹, Lolita A. Velis²

^{1,2}Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

¹pnbaryshnikov@pgu.ru

²lolitavelis@yandex.com

Abstract. The article examines the olfactory vocabulary in the works of V.V. Nabokov and F.M. Dostoevsky using computational linguistics methods. The aim of the work is to identify the dominant factor in the descriptions of olfactory experience: language structure or individual authorial style. The material was collections of stories by both authors, analyzed using spaCy, NLTK and pymorphy3 libraries. A significant difference in the nature of olfactory descriptions was revealed: Nabokov's descriptions are dominated by descriptive characteristics with a wide range of odor sources, while Dostoevsky's are dominated by emotionally charged metaphorical images of predominantly negative connotations.

Keywords: phenomenal experience, olfactory experience, machine text processing, statistical approach, linguosensory

Acknowledgments. The research was funded by Russian Science Foundation No. 24-28-00540, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00540>.

For citation: Baryshnikov, P. N., Velis, L. A. (2025). Verbalization of sensory experience and data analysis: building statistical models. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 9–17. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Сенсорный опыт человека как неотъемлемая часть познавательных процессов индивида фигурирует в исследованиях, начиная с текстов древнегреческих философов и заканчивая современными когнитивными экспериментальными подходами. Каждый новый виток в развитии науки порождает более сложные методы и направления, и сегодня одним из развивающихся научных направлений является лингвосенсорика – область наук о языке, изучающая формы вербальной репрезентации перцептивного опыта: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния, т. е. вербализации экстероцептивных ощущений. Помимо данных пяти чувств, нередко указывается и важность более сложного сенсорного модуса – интероцептивных (внутрителесных) ощущений [Барышников, Атакуев, 2022]. Согласно А. В. Нагорной, появление лингвосенсорного направления стало возможно благодаря открытиям в таких дисциплинах, как феноменология, когнитивная психология, кросс-культурная лингвистика [Нагорная, 2017]. Исследование сенсорной лексики, с одной стороны, позволяет проследить социокультурную роль вербализации экстероцептивных ощущений, с другой – внести вклад в исследования феноменальных суждений (косвенных описаний субъективного опыта, протекающих в самом сознании [Барышников, 2021]). Прояснение значения языковых выражений в составе феноменальных суждений¹ (которые, в свою очередь, выражают осведомленность о свойствах субъективных переживаний) – важная задача, входящая в общую исследовательскую область философии, лингвистики, когнитивных наук. С сегодняшним повсеместным внедрением прикладных результатов компьютерной обработки естественного языка (Natural Language Processing, сокр. NLP) значительную часть этой области занимают компьютерные науки и методология разработки искусственного интеллекта (далее ИИ).

В данной статье в качестве исследовательского объекта выступают языковые формы представления обонятельного опыта: ольфакторная

лексика и ее контекстуальная семантика. Предметом исследования являются количественные параметры ольфакторной лексики, извлеченные из литературных текстов современными методами обработки естественного языка. Объект исследования – вербализация перцептивного ольфакторного опыта (восприятия запахов) отраженная в статистических частотных и структурных характеристиках. Такой выбор обоснован тем, что, во-первых, из пяти органов чувств обоняние наиболее тесно связано с эмоциями, благодаря чему ольфакторные описания скрыто экспрессивны, ассоциативны и субъективны; во-вторых, запахи менее статичны в сравнении с объектами, воспринимаемыми зрительно или тактильно, и их оценка и именование часто построены на метафорах и ассоциациях. Исходя из вышеперечисленного возникает следующее затруднение: с одной стороны, высокая субъективность переживания ольфакторного опыта порождает приватный язык описаний запахов (языковые знаки указывают на ментальные референты); с другой – существуют ограничения лексической сочетаемости со стороны языка, приводящие к унификации ольфакторной номенклатуры. Ожидается, что статистические параметры ольфакторной лексики и ее семантического окружения позволят экспериментально сопоставить норму и «аномалии» ольфакторных описаний, т. е. прояснить, что оказывает наибольшее влияние на структуру и содержание этого типа предложений, ограничения языка с его устоявшимися описаниями или субъективно-авторские построения.

Развитие компьютерной лингвистики позволяет применить количественные методы к большим объемам с меньшей затратой времени, поскольку многие процессы (например, статистический подсчет слов, классификация и др.) теперь осуществляются автоматически, что облегчает и ускоряет получение данных и их дальнейшую интерпретацию. Исследования на больших объемах, в свою очередь, нередко выявляют и подтверждают закономерности, которые прежде были не видны или оставались на уровне теорий [Курузов, 2010; Winter, 2019; Степанова, 2024]. В рамках данной работы предпринимается попытка построить свою статистическую модель, которая включает: обработку текста, поиск ольфакторной лексики по заранее заданным словоформам и выдачу контекстного окружения для дальнейшего анализа.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной работе под анализом данных понимается обработка и анализ языкового материала с помощью компьютерных методов исследования

¹Термин «феноменальные суждения» («phenomenal judgments») был введен в академический дискурс Дэвидом Чалмерсом в его фундаментальной работе «The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory» [Чалмерс, 2013]. Чалмерс разделяет два аспекта сознания: феноменальный аспект (качественный опыт, квалиа), к которому относятся суждения о субъективных переживаниях (например, «я испытываю боль»); психологический аспект (функциональные, когнитивные процессы). Чалмерс подчеркивает, что феноменальные суждения нельзя свести к физическим или поведенческим данным, что составляет суть «трудной проблемы сознания». Этот термин стал ключевым в его теории, акцентируя несводимость субъективного опыта к объективным объяснениям причин, порождающих этот опыт.

естественного языка. Для этого применяются различные библиотеки на языке программирования Python (NLTK, spaCy, pymorphy3 и др.), позволяющие осуществлять анализ и интерпретацию полученных результатов. У каждой библиотеки есть свои достоинства и недостатки.

Библиотека spaCy преимущественно используется для анализа лексики и позволяет применять такие методы, как токенизация, маркировка частей речи (POS) и лемматизация [Горожанов, 2022]. Кроме того, данная библиотека обладает сравнительно высокими показателями скорости и точности, а также позволяет осуществлять синтаксическую разметку на русском языке.

Перед тем как приступить к работе с текстом, необходимо определить, какие данные будут отдаваться на вход для последующей обработки алгоритмом. Текст может храниться в разных кодировках: ASCII, Unicode, UTF-8, UTF-16, Latin-1 и др., что важно учитывать, так как несовпадение кодировок приводит к ошибкам в работе алгоритмов. В качестве экспериментальных данных были взяты сборники рассказов – В. В. Набокова и Ф. М. Достоевского. Оба сборника были загружены в формате TXT с кодировкой UTF-8. В качестве поискового токена использовалось слово *запах*.

Следующим этапом после подготовки данных является их предобработка, или нормализация, т. е. «трансформация текста в такой вид, который был бы удобен для автоматической обработки с помощью специализированного программного обеспечения» [Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2022, с. 8]. В нашем случае предобработка включала в себя:

- преобразование текста в нижний регистр;
- токенизацию;
- удаление знаков;
- удаление стоп-слов;
- стемминг и / или лемматизацию.

В зависимости от задач исследования данный список может быть сокращен или дополнен. Для качественной обработки регистр имеет значение, поэтому преобразование текста в нижний регистр необходимо для упрощения анализа и уменьшения объема словаря. При работе с русским и английским языками данный этап необходим.

В задачи токенизации входит разделение текста / предложения на слова, поэтому она также необходима для анализа, если мы хотим работать с отдельными лексическими единицами. К остальным этапам стоит быть более внимательными. Например, при анализе следующих тестовых предложений:

Ярко-янтарные пряди летели Вану в лицо, вея запахом давнего лета (В. В. Набоков. *Ада, или Радости страсти. Семейные хроники*).

Хоть я и обожаю этот её опьяняющий каштановый запах, всё же мне кажется, что ей бы следовало кое-когда вымыть волосы (В. В. Набоков. *Лолита*).

Она носила коричневые, как следовало по званию няньки, платья и источала лёгкий, но незабываемый запах кофе и тлена (В. В. Набоков. *Память, говори*).

Мы можем получить различные результаты в зависимости от того, оставляем ли мы знаки препинания или полностью убираем¹.

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ МАШИННОГО АНАЛИЗА
БЕЗ ПОЛНОЙ ПРЕДОБРАБОТКИ

	Выборка с оставленными знаками	Выборка с удаленными знаками
Количество глаголов	3 – вея ¹ , обо-жаю , источала	3 – летели , обо-жаю , источала
Количество прилагательных	2 – каштановый, легкий	3 – каштановый, легкий, незабываемый
Количество существительных	2 – лета, кофе	2 – лета, кофе

Из данных результатов видно, что наличие пунктуации может как помогать при морфосинтаксическом анализе (в выборку попадают такие слова, как *вея* и *летели*), так и приводить к затруднениям и ошибкам (*незабываемый*).

В нижеприведенных текстовых примерах виден еще один нюанс, связанный с пунктуацией:

Уже обрадованная, чужа запах лёгкой добычи, она ускорила шаг (С. Минченкова. *Старая кошка*).

От агрегата за моей спиной идёт слабоватый запах керосина (А. Полярный. *Обрывки мудрости*).

На столе нетронутый чай, в комнате противный запах бабушкиных капель. Мягкий чарующий голос плыл по комнате, смешиваясь с запахом чая, мяты и цитруса, преобразуя всё вокруг, делая пространство светлее, ярче, больше, и замер на самой пронзительной нежной ноте (О. Басюк. *Осколки жизни*).

¹Здесь и далее жирным шрифтом выделены ошибочные и / или подходящие вхождения.

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ МАШИННОГО АНАЛИЗА С ПОЛНОЙ ПРЕДОБРАБОТКОЙ

	Выборка с оставленными знаками	Выборка с удаленными знаками	Удалены все знаки, кроме точки
Количество глаголов	3 – идет, комнате , смешиваясь	3 – идет, идет , смешиваясь	3 – идет, столе , смешиваясь
Количество прилагательных	2 – обрадованная , противный	1 – противный	1 – противный
Количество существительных	4 – добычи, керосина, капель, чая	6 – добычи, керосина, столе , чай , капель, чая	4 – добычи, керосина, капель, чая

Как видно из примера, в обоих случаях есть проблемы с синтаксическим разбором, однако в таблице 2, где были удалены абсолютно все знаки препинания, погрешность стала больше. Если точка в конце предложения позволяет разделить текст на токены и искать синтаксические связи внутри одного предложения, то во втором случае алгоритм «видит» текст как одно длинное предложение (так как знаков препинания нет). Возможно, для решения данной проблемы наиболее оптимальным вариантом является удаление всей пунктуации, за исключением точки в конце предложения.

При удалении стоп-слов на этапе предобработки текста нужно обратить внимание на следующее: используется ли готовый стоп-словарь или он подготавливается вручную. Дело в том, что готовые стоп-словари часто не ограничиваются только служебными частями речи и могут включать в себя такие лексемы, как *to be*, поскольку в английском языке данный глагол выступает в роли грамматического признака. В результате в предложениях со структурой «N + to be + adj» (*The smell was pleasant*) глагол не отобразится. Решением в данном случае может быть собственная выборка стоп-слов.

Лемматизация служит для преобразования всех лексем в их начальную форму. Пожалуй, единственной проблемой данного метода может быть неправильно подобранная форма. В данном исследовании, в связи с тем что мы отказались от удаления символов на этапе предобработки, удаление стоп-слов и лемматизация были также оставлены на завершающий этап. Поэтому условно весь процесс анализа текста можно обозначить следующей схемой:

1. Этап предобработки:
 - 1.1. Подача текста.
 - 1.2. Удаление повторяющихся предложений – в выборке из НКРЯ предложения могут повторяться. Одной из целей исследования является статистический анализ, поэтому данные необходимо очищать

от дубликатов, чтобы минимизировать погрешности результата анализа.

- 1.3. Преобразование текста в нижний регистр и токенизация.

2. Основной этап.

Формирование списка глаголов, существительных и прилагательных, связанных с леммой *запах*, при помощи синтаксической разметки частей речи (POS) библиотеки *sraCy*. На данном этапе алгоритму подавалось ключевое слово (*запах*), потом формировался список синтаксически зависимых лексем с последующим разделением их на части речи.

3. Заключительный этап.

- 3.1. Приведение списков глаголов и прилагательных к начальной форме (лемматизация).

- 3.2. Удаление стоп-слов.

- 3.3. Подсчет одинаковых форм.

- 3.4. Визуализация.

Сегодня визуализация данных не представляется сложной технической задачей, так как существует достаточно библиотек и способов визуализации. Библиотека *matplotlib* позволяет визуально отображать числовые зависимости статистических параметров. Среди них наиболее удобные для визуализации статистических параметров языка гистограмма и круговая диаграмма (*pie chart*).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Разберем некоторые особенности работы с автоматическим анализатором. Возьмем для примера выборку Набокова. В результате анализа сборника рассказов было обнаружено, что из 12 672 предложений только 26 включают прямое описание запаха (в тексте фигурирует лемма *запах*). При этом выборка глаголов, существительных и прилагательных состоит из следующих словоформ:

- 15 глаголов: *обдавать, хороший, подбодрял, новый, плыть, слышится, свежий, обдало,*

- задыхаться, вдыхая, издать, пропитать, почуял, веять;
- 19 прилагательных: *звериный, острый, теплый, горячий, земляной, нежный, липкий, сильный, миндальный, густой, дегтярный, мутный, медовый, сахаристый, сырой, мятый, тонкий, сухой, глуховатый*;

- 19 существительных: *табаку, душком, гвоздик, досок, меха, духов, бензина, листвы, одеколона, толп, листьев, духов, глоболя, мази, мух, дня, прошлого, мороза, прошлого*.

В ходе ручной перепроверки выяснилось, что в данной выборке есть некоторые неточности (выше они выделены жирным).

Таблица 3

РЕЗУЛЬТАТЫ МАШИННОГО АНАЛИЗА С КОММЕНТАРИЯМИ К ЗАТРУДНЕНИЯМ

№	Текстовый пример	Выборка окружения к лемме запах	Комментарий
1.	...обдавая меня запахом табаку и собственным крепким старческим душком, Мартын Мартыныч мне... (В. В. Набоков. <i>Говорят по-русски</i>)	<i>обдавая</i> – глагольная группа <i>табаку</i> – существительное <i>душком</i> – существительное	Ошибка в синтаксическом разборе
2.	...я смотрел на тебя, слушал фугу, дождь, – и росло во мне чувство свежее, как запах мокрых гвоздик, что стекал... (В. В. Набоков. <i>Звуки</i>)	<i>свежее</i> – глагольная группа <i>гвоздик</i> – существительное	Данную проблему в синтаксическом разборе, как нам кажется, можно объяснить сложной структурой предложения
3.	Но дракон всё шел и шел, ничего не замечая; издали тянуло горячим запахом сосредоточенных человеческих толп – и туда-то он и стремился (В. В. Набоков. <i>Дракон</i>)	<i>издали</i> – глагол <i>горячим</i> – прилагательное <i>толп</i> – существительное	В данном случае произошла неправильная лемматизация и распознавание слов, так как слово <i>издали</i> алгоритм воспринял как глагол <i>издавать</i>
4.	Как хорош был земляной, влажный, слегка фиалковый запах вялых листьев, покрывавших панель... (В. В. Набоков. <i>Возвращение Чобра</i>)	<i>хорош</i> – глагол (может объясняться тем, что это именное составное сказуемое) <i>земляной</i> – прилагательное <i>листьев</i> – существительное	Проблема в том, что остальные однородные члены не учитываются. Решением могла бы быть полная предобработка текста (т. е. с удалением знаков препинания), однако такой подход может породить ошибки в иных формах сложных предложений, из-за чего он не применялся
5.	...и только одно было в ней новое (но и это новое неожиданно напомнило самую глубину детства, – когда она играла на рояле) – сильный, нарядный запах духов... (В. В. Набоков. <i>Звонок</i>)	<i>новое</i> – глагол <i>сильный</i> – прилагательное <i>духов</i> – существительное	Слово <i>новое</i> ошибочно попадает в список глаголов, а <i>нарядный</i> игнорируется. Аналогично предыдущему примеру
6.	...несмотря также на густой дегтярный запах мази от мух, тусклый слепень или овод с переливчатыми глазами навывате... (В. В. Набоков. <i>Обида</i>)	<i>густой, дегтярный</i> – прилагательные <i>мази</i> – существительное <i>мух</i> – существительное	Ошибка в синтаксической разметке, слово <i>мух</i> должно относиться к <i>мази</i>
7.	...во впадине его названия мне слышится сахаристо-сырой запах мелкого, темного, самого мятого из цветов, и не в тон, хотя внятное... (В. В. Набоков. <i>Весна в Фиальте</i>)	<i>слышится</i> – глагол <i>сахаристо</i> – прилагательное <i>сырой</i> – прилагательное <i>мятой</i> – существительное	Тут происходит не только ошибка в поиске зависимого существительного, но и проблема с распознаванием сложных прилагательных (т. е. вместо одного <i>сахаристо-сырой</i> в выборке мы получаем два)

Остальные примеры неточностей аналогичны примерам 4 и 5, где из-за наличия запятых или союза не распознаются однородные члены.

Если учесть, что 6 из 53 слов попали в выборку ошибочно, то можно говорить о сравнительно небольшой погрешности морфосинтаксического анализатора (около 10 %). Однако стоит учитывать, что количество не попавших в выборку слов тоже имеет свой вес (12 лексем), особенно для редко описываемого ольфакторного опыта.

Таким образом, после полной ручной обработки текстов Набокова и Достоевского итоговая выборка была распределена в таблице 4.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Приступая к рассмотрению результатов, необходимо сразу указать на то, что подсчет статистических параметров не может считаться исчерпывающим. Во-первых, несмотря на то, что в анализируемые нами сборники вошли 41 рассказ у Набокова и 27 рассказов у Достоевского, в исходных данных отсутствуют тексты с богатыми ольфакторными описаниями («Дар», «Подвиг», «Король, дама, валет», «Преступление и наказание» и др.). Следовательно, при полном собрании текстов данная выборка, пусть

и незначительно, но изменится, что может повлиять на итоговый результат анализа. Во-вторых, в данном исследовании поиск проводился по одному из ключевых слов: запах, вонь, зловоние и смрад, что также не позволяет характеризовать весь «зафиксированный» ольфакторный словарь автора.

Из полученного результата на примере существительных видно, что описания Набокова достаточно разнообразны и не всегда тривиальны: запах прошлого, запах дня, запах глоболя¹ и т. д. И тем не менее большая часть существительных относится к наиболее пахучим предметам повседневной реальности (духи, одеколон, бензин, различные виды растительности: листья, цветы, гвоздики и т. д.).

Интереснее в этом смысле выглядит набор прилагательных. Несмотря на то, что ольфакторный опыт тесно связан с эмоциональным и гедонистическим аспектом, в данных рассказах авторы ни разу не использовали наиболее частотные: *приятный, неприятный*. При этом в описаниях В. В. Набокова преобладают мультисенсорные прилагательные, которые можно классифицировать следующим образом:

¹Гель немецкой марки «Globol» для уничтожения тараканов и других ползающих насекомых в помещениях обладает легким «шоколадным» запахом.

Таблица 4

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРКИ ОЛЬФАКТОРНОГО ОКРУЖЕНИЯ

Автор	В. В. Набоков			Ф. М. Достоевский		
Общий объем	41 рассказ (12 672 предложения), 307 607 слов			27 рассказов (35 015 предложений), 780 392 слова		
	Глагол	Существительное	Прилагательное	Глагол	Существительное	Прилагательное
Запах	обдавать, был хорош, подбодрял, плыть, слышится, напоминать, тянуть, задыхаться, вдыхать, пропитать, почуять, вей	духов, прошлого, табаку, гвоздик, досок, меха, бензина, листы, одеколона, толп, листьев, глоболя, мази, дня, мороза, цветов, смолы	сладкий, звериный, острый, тёплый, горячий, земляной, нежный, липкий, сильный, миндальный, густой, дегтярный, мутный, медовый, сахаристый, тонкий, сухой, глуховатый, сырой, влажный, затхловатый, вездесущий, фиалковый, нарядный	обличал, есть, послышался, припахивает, заподозрить, в, слышаться, быть	дегтя, деревьев, лекарств, листьев, березняка, цветка	тяжелый, ароматный, фиалковый, удушливый, сильный, особенный, простонародный, собственный, посконный, дурной, квасной, сырой, смолистее, удушающий, больничный, удивительный, капустный
Вонь	смешаться	чернил	–	слышать, слышится	души	–
Зловоние	–	–	–	–	–	страшное
Смрад	–	–	–	задохнуться от, избавиться от, стесниться до	раны	–

- вкусовые ощущения: *сладкий, острый, медовый, сахаристый*;
- тактильные ощущения: *теплый, горячий, тонкий, липкий, нежный, густой, влажный, сырой*;
- зрительные ощущения: *мутный*;
- слуховые ощущения: *глуховатый*.

В то время как описания Ф. М. Достоевского чаще направлены на:

- источник: *капустный, квасной, собственный, больничный, простонародный*;
- эмоции: *дурной, удивительный*.

Интересно, что в данных работах не прослеживается закономерности в употреблении ольфакторной лексики, как, например, у А. П. Чехова, который чаще всего, согласно Л. В. Карасеву, в описании ольфакторного опыта использовал два, реже три прилагательных [Карасев, 2013]. Оба автора используют как простые описания, так и осложненные однородными членами; порядок слов варьируется от прямого до обратного. В выборке лексемы практически не повторяются (наибольшее число вхождений одной и той же леммы у Набокова – глагол *обдавать* – 3 раза, у Достоевского – *слышаться* и производные от него). Данный факт можно интерпретировать двумя способами: 1) автор старался быть оригинальным и избегал использования похожих описаний ольфакторного опыта; 2) автор не уделял особого внимания ольфакторному опыту, поэтому описания запахов имеют скорее случайный характер. Вторая интерпретация кажется менее логичной, как минимум потому, что в текстах описание ольфакторного опыта часто не просто изображает окружение, но и несет метафорический смысл.

Примечательно еще и то, что если у Набокова слова с отрицательной коннотацией (*смерд, вонь*) практически не встречаются, то в текстах Достоевского лексемы этого типа нередко употребляются не только для описания общего состояния окружающей среды, но и для метафорических описаний:

Вся семья по случаю свадьбы приютилась в задних комнатах и стеснилась там до смрада (*Ф. М. Достоевский. Скверный анекдот*).

Я вас никогда не любила, и если решилась выйти за вас, то единственно, чтоб хоть куда-нибудь уйти отсюда, из этого проклятого города, и избавиться от всего этого смрада... (*Ф. М. Достоевский. Дядюшкин сон*).

Он именно про обоняние заметил, что тут вонь слышится, так сказать, нравственная... (*Ф. М. Достоевский. Бобок*).

Вонь будто бы души, чтобы в два-три этих месяца успеть спохватиться... и что это, так сказать, последнее милосердие... (*Ф. М. Достоевский. Бобок*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из центральных аспектов проведенного исследования было выявление доминирующего фактора в описаниях ольфакторного опыта – языковой структуры или индивидуально-авторского стиля. Количественный анализ полученных данных демонстрирует относительное равномерное распределение лексем. Данное обстоятельство не позволяет сделать однозначный вывод о преобладании шаблонных описаний в вербализации обонятельных восприятий.

Анализ выборки показывает, что профиль ольфакторных описаний у Ф. М. Достоевского и В. В. Набокова имеет существенные различия и ограниченное количество точек пересечения, что свидетельствует об использовании различных средств описания и номинации запахов. При этом не исключается влияние экстралингвистических факторов, таких как временной период, географическая среда проживания и социальное окружение авторов. Мы видим, что индивидуальный авторский стиль наиболее явно проявляется не на уровне синтаксических конструкций, повторяемость которых не была зафиксирована в исследуемой выборке, а в характере источников запахов и целей их упоминания. В произведениях В. В. Набокова наблюдается широкий спектр ольфакторных описаний, охватывающий различные сферы: от антропоцентрических характеристик до природных и бытовых аспектов. Такой подход преимущественно носит дескриптивный характер и направлен на реконструкцию атмосферы повествования. В то время как в творчестве Ф. М. Достоевского ольфакторные образы приобретают выраженную эмоциональную и символическую окраску, часто в негативной коннотации. Выявленные особенности могут служить индикатором авторских предпочтений: эстетической доминанты у Набокова и психологической глубины у Достоевского.

Следует отметить, что полученные результаты требуют дальнейшей верификации путем расширения корпуса анализируемых текстов, включения произведений с ольфакторными описаниями и совершенствования методологии автоматического анализа. Только комплексный подход позволит достичь более точных и надежных выводов о специфике вербализации обонятельного опыта в художественной литературе. Необходимо совершенствование алгоритма обработки текста через

разработку более точных методов синтаксического разбора сложных предложений, улучшение обработки однородных членов предложения и создание специализированного словаря ольфакторной лексики для повышения точности морфологического анализа. На данном этапе исследовательская группа проводит эксперименты по применению больших языковых моделей в анализе реляционной базы данных ольфакторной лексики текстов русской литературы. Методологические улучшения также могут включать расширение списка поисковых токенов за счет синонимов и родственных слов, внедрение контекстного анализа для выявления неявных ольфакторных описаний и разработку методов учета метафорических и ассоциативных описаний запахов. Требуется дальнейшее развитие количественного и качественного анализа через внедрение более сложных статистических моделей обработки данных, разработка

методов оценки эмоциональной окраски ольфакторных описаний и исследование взаимосвязи ольфакторных образов с другими сенсорными описаниями.

Перспективными представляются интеграция с результатами когнитивных исследований восприятия запахов, сравнительный анализ с данными психологических экспериментов и исследование культурно-исторических аспектов вербализации обонятельного опыта.

Реализация этих направлений позволит повысить точность и глубину анализа ольфакторной лексики, а также расширить возможности исследования вербализации сенсорного опыта. Данное исследование демонстрирует продуктивность междисциплинарного подхода к изучению вербализации сенсорного опыта и открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области лингвосенсорики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барышников П. Н., Атакуев М. Н. Семантика суждений о внутрителесном опыте: от нормы к аномалиям // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 2. С. 218–233.
2. Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований. М.: ИНИОН РАН, 2017.
3. Барышников П. Н. Метафорика феноменальных суждений и проблема социальной верификации // Семиотические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 14–18.
4. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории: Философия сознания. М.: УРСС : Либроком, 2013.
5. Кутузов А. Б. Частотные характеристики лексики как инвариант перевода (на материале перевода романа К. Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. № 1. С. 175–183.
6. Winter B. Sensory Linguistics: Language, perception and metaphor. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019.
7. Степанова Д. В. Презентация существительных семантического ряда «традиционные энергоносители» в современных СМИ ФРГ (на материале текстов газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг») // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сборник научных трудов. Краснодар: КубГУ, 2024. С. 136–140.
8. Горожанов А. И. Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563.
9. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смок и Малыш») // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2022. № 4 (119). С. 7–13.
10. Карасев Л. В. Запахи и звуки у Чехова: власть приема // Новый мир. 2013. № 11. С. 149–159.

REFERENCES

1. Baryshnikov, P. N., Atakuev, M. N. (2022). Semantics of judgments about intra-corporeal experience: From norm to anomalies. *Epistemology and Philosophy of Science*, 59(2), 218–233. (In Russ.)
2. Nagornaya, A. V. (2017). *Lingvosensorika kak perspektivnoe napravlenie sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy*. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
3. Baryshnikov, P. N. (2021). Metaphorics of Phenomenal Judgments and the Problem of Social Verification. *Semiotic Studies*, 1(1), 14–18. (In Russ.)
4. Chalmers, D. (2013). *Soznayushchij um: V poiskah fundamental'noj teorii: Filosofiya soznaniya*. Moscow: URSS : Librokom. (In Russ.)

5. Kutuzov, A. B. (2010). Frequency characteristics of vocabulary as a translation invariant (based on the translation of K. Vonnegut's novel "Slaughterhouse-Five, or the Children's Crusade". Bulletin of Tyumen State University, 1, 175–183. (In Russ.)
6. Winter, B. (2019). Sensory Linguistics: Language, Perception and Metaphor. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
7. Stepanova, D. V. (2024). Prezentaciya sushchestvitel'nyh semanticheskogo ryada "tradicionnye energonositeli" v sovremennyh SMI FRG (na materiale tekstov gazety "Frankfurter Allgemeine Zeitung"). Filologicheskie nauki v XXI veke: aktual'nost', mnogopolyarnost', perspektivy razvitiya (pp. 136–140): collection of papers. Krasnodar: KubGU. (In Russ.)
8. Gorozhanov, A. I. (2022). Building a linguistic corpus based on natural language processing tools: planning software solutions. Philology. Theory & Practice, 15(10), 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563. (In Russ.)
9. Gorozhanov, A. I., Guseinova, I. A., Stepanova, D. V. (2022). Standardized procedure for obtaining statistical parameters of a text (on the material of the stories by J. London "Smoke Bellew. Smoke and Shorty"). Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology, 4(119), 7–13. (In Russ.)
10. Karasev, L. V. (2013). Smells and Sounds in Chekhov: the Power of Reception. Novy Mir, 11, 149–159. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышников Павел Николаевич

доктор философских наук, доцент
профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии
Пятигорского государственного университета

Велис Лолита Андреевна

ассистент кафедры германистики и межкультурной коммуникации
Института романо-германских языков, информационных и гуманитарных технологий
Пятигорского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Baryshnikov Pavel Nikolaevich

Doctor of Philosophy, Associate Professor
Professor of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology
Pyatigorsk State University

Velis Lolita Andreevna

Assistant Professor of the Department of Germanic Studies and Intercultural Communication
at the Institute of Romano-Germanic Languages, Information and Humanitarian Technologies
Pyatigorsk State University

Статья поступила в редакцию	16.05.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	05.06.2025	approved after reviewing
принята к публикации	12.06.2025	accepted for publication

Нейтрализация расово-этнической дискриминации в современном английском языке

А. В. Белова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gingerhead@list.ru*

Аннотация. Цель работы – определить в английском языке группы наименований, которые приводят к распространению расистской идеологии, и предполагаемые пути преодоления этого явления в языке. Для решения поставленных задач используются методы дефиниционного и контекстуального анализа и описательный метод. Материал исследования составили свыше 180 как политкорректных, так и более недопустимых английских слов и выражений, связанных с расово-этнической тематикой. В результате проведенного анализа выявлены способы преодоления расово-этнической дискриминации в современном английском языке, в частности, на уровне лексики. Использование данных приемов нейтрализации расизма могло бы содействовать снятию социального напряжения в обществе.

Ключевые слова: политкорректность, этнические стереотипы, лингвистическая апроприация, этнонимы, расово-этнические эвфемизмы, расово-этнические прозвища

Для цитирования: Белова А. В. Нейтрализация расово-этнической дискриминации в современном английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 18–24.

Original article

Eliminating Racial and Ethnic Discrimination in Modern English

Anna V. Belova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gingerhead@list.ru*

Abstract. The article aims to study the regulation of racial bias in the English language, which implies singling out groups of lexis contributing to the spread of racist ideology, as well as identifying ways of fighting racism in the language. To this end the author resorts to contextual analysis in addition to definitional and descriptive methods of research. The material under analysis comprises over 180 English words and phrases, related to racial and ethnic discrimination. These include politically correct items as well as lexical units that are no longer acceptable. The conducted research allows to reveal ways of combating racism in Modern English, at the lexical level in particular. Resorting to the ways of erasing racial bias described in the article could contribute to the overall decrease in social tension.

Keywords: political correctness, ethnic stereotypes, linguistic appropriation, ethnonyms, racial and ethnic euphemisms, racial and ethnic nicknames

For citation: Belova, A. V. (2025). Eliminating racial and ethnic discrimination in Modern English. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 18–24. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия английский язык претерпевает значительные изменения под воздействием идеологии политкорректности и используется как инструмент распространения идей толерантности и равенства, в том числе расово-этнического. Дело в том, что, несмотря на антидискриминационные меры общественного и правового порядка, расизм остается одной из наиболее острых проблем современного общества. Борьба с расизмом предполагает продвижение новой идеологии инклюзивности как на законодательном уровне, так и посредством языка. Последний, как известно, не только фиксирует любые изменения, происходящие в окружающем нас мире, и отражает систему взглядов, принятых в говорящем на нем сообществе, но одновременно формирует наши представления о тех или иных социальных процессах и явлениях и навязывает своим носителям определенные стереотипы и модели поведения. По выражению Э. Сепира, человеческий язык – это своеобразный путеводитель в социальной действительности [Сепир, 2003]. Поэтому неудивительно, что язык регулярно используется как мощное средство идеологического воздействия. Как отмечает в этой связи С. Г. Тер-Минасова: «язык и идеология взаимодействуют друг с другом: идеология оказывает большое влияние на язык, но и язык влияет на идеологию» [Тер-Минасова, 2000, с. 121].

В задачи данного исследования входит: 1) выявить группы наименований, которые посредством как прямых, так и непрямых ассоциаций приводят к распространению расизма в англоязычном обществе; 2) определить и описать возможные способы противодействия расово-этнической дискриминации в английском языке, в частности, на лексическом уровне. Для решения поставленных задач используются методы дефиниционного и контекстуального анализа, а также описательный метод.

Актуальность работы определяется важностью изучения лингвистических способов регулирования расового вопроса, что способствует преодолению расистской идеологии в обществе. Следует отметить, что работы, так или иначе связанные с расизмом в английском языке, весьма многочисленны и касаются таких актуальных проблем современного языкознания, как лингвистическая апроприация [Себряк, 2019], вербализация этно-стереотипов [Крысин, 2005; Панин, 2005; Степанова, 2007; Горшунова, 2009], особенности метафоризации английских колоронимов с компонентами *white* и *black* [Фефелов, 2017; Эльжуркаева, 2019], увеличение расово-этнических эвфемизмов под влиянием идеологии политкорректности [Белова, 2024]

и др. Однако данные исследования рассматривают лишь отдельные аспекты проявления расовой дискриминации в языке.

Новизна проведенного исследования обусловлена комплексным подходом к изучению нейтрализации расизма в языке. Рассмотрение существующих лингвистических работ по этому вопросу, а также самостоятельный анализ, предпринятый в рамках данного исследования, позволяют выявить целый ряд точек напряжения в современном английском языке, связанных с нарушением принципов расово-этнического равноправия, и определить способы преодоления расовой дискриминации на уровне лексики.

Объектом исследования послужили свыше 180 как политкорректных, так и недопустимых в современном инклюзивном обществе английских слов и выражений, так или иначе связанных с расово-этнической тематикой. Указанные наименования выявлены в результате анализа более 80 электронных источников, включающих публикации англоязычных новостных изданий и онлайн-платформ («The New York Times», «The Guardian», «The Atlantic», «Forbes», CNN, BBC), англоязычных толковых словарей, а также различных неновостных интернет-сайтов, блогов и форумов, посвященных вопросам проявления и искоренения расизма в современном англоязычном обществе.

Данная работа имеет практическую ценность: собранный в ней материал и сделанные выводы могут использоваться в курсах и спецкурсах по лексикологии английского языка и переводоведению, занятиях по лингвострановедению и межкультурной коммуникации, а также они важны для формирования вторичной языковой личности у изучающих английский.

СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАСОВОЙ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Как показывает проведенное исследование, пожалуй, наиболее очевидным способом борьбы с расизмом в современном английском языке является признание недопустимости некоторых наименований расово-этнических меньшинств (например, *nigger*, *Negro*, *coloured*, *(Red) Indian*, *Eskimo*, *Oriental* и т. д.), исторически и ассоциативно связанных с жестокой дискриминацией данных сообществ со стороны белого большинства. В толковых словарях («Collins Online Dictionary», «Cambridge Dictionary» и «Merriam-Webster Dictionary» и др.) такого рода единицы отмечены как устаревшие (*old-fashioned* / *dated*) и оскорбительные (*offensive*). Следует заметить, что некоторые

из перечисленных выше наименований, будучи неприемлемыми для описания представителей той или иной расово-этнической группы, могут использоваться в отношении различных элементов культуры данного сообщества или в названии отдельных организаций. Так, слово *oriental* не несет отрицательной коннотации в таких словосочетаниях, как *oriental music* или *oriental garden*, а наименование *Negro* сохраняется в названии американской благотворительной организации «United Negro College Fund», которая выделяет стипендии для темнокожих студентов.

Взамен устаревших и оскорбительных наименований в языке создаются многочисленные политкорректные аналоги, используемые по отношению к ранее дискриминированным сообществам, проживающим на территории США, а именно: коренному населению (*American Indians, Native Americans, American aborigines, First Nations, Original peoples* и т. д.), афроамериканцам (*black, African Americans, Americans of African origin, American descendants of slavery* и т. д.), гражданам латиноамериканского происхождения (*Hispanic, Latino, residents of Latin American descent* и т. д.) и выходцам из стран Азии (*Asian, person of Asian descent, Vietnamese American* и т. д.). Кроме того, существует целый ряд зонтичных терминов, относящихся к представителям нескольких расово-этнических групп одновременно (*non-white, people of colour, underrepresented racial groups, ethnic minorities* и т. д.) [Белова, 2024].

Такого рода эвфемистические наименования отличаются друг от друга определенными смысловыми нюансами (например, слово *Hispanic* не тождественно слову *Latino*, поскольку применимо как к латиноамериканцам, так и испанцам, а также в отличие от *Latino* не относится к тем выходцам из Латинской Америки, чей родной язык португальский) и географией использования (например, если в США для обозначения эскимосов, проживающих на Аляске, принято использовать эвфемизмы *Native Alaskan* или *Alaska Native*, то за канадскими эскимосами закрепилось название *Inuit*). Вместе с тем все они представляют собой важный фактор самоопределения обозначаемых ими расово-этнических групп и служат средством предупреждения возможного социального напряжения.

Еще одним способом противодействия расизму в английском языке является признание недопустимости расово-этнических прозвищ, под которыми понимаются разговорные, неофициальные названия рас и этносов, отражающие существующие в обществе расово-этнические стереотипы – стандартные обобщенные представления о характерных чертах того или иного народа [Крысин, 2005]. В отличие от официальных наименований рас

и этносов такого рода единицы несут, как правило, отрицательный эмоционально-оценочный заряд и выполняют роль расово-этнического ярлыка [Панин, 2005; Степанова, 2007].

Проведенный анализ английских прозвищ афроамериканцев показывает, что данные наименования акцентируют внимание на определенных внешних отличиях, таких как цвет кожи (*sooty, spade, smoked Irishman, powder burn, tea bag, tar baby* и т. д.), тип волос (*fuzzies, fuzzy-wuzzy, burrhead*), черты лица (*bootlips, thicklips*), и напоминают о когда-то низком статусе представителей данной расовой группы (*cotton-picker*), описывая их как людей ненадежных и продажных (*choc-ice, coon, Uncle Tom, Aunt Lemima, oreo*). Значительная часть данных единиц образована посредством метафорического переноса и уподобляет афроамериканцев животным (*ape, monkey*) и различным неприглядным предметам окружающего мира (*shitskin*), что не может не унижать, дискредитировать и дегуманизировать представителей данной расы.

Следующим способом преодоления расовой дискриминации мог бы стать отказ от использования так называемых апроприированных лексических единиц. Под лингвистической апроприацией понимается неуместное и неуважительное использование доминирующей нацией языковых элементов расово-этнического меньшинства. В отличие от заимствования и ассимиляции термин «апроприация» подразумевает захватническое отношение к элементам другого языка: они бездумно присваиваются, искажаются и используются ненадлежащим образом членами доминантной группы, порой вопреки четко озвученной воле представителей языка-донора. По утверждению Дж. Хилла, «кража» языкового капитала может сопровождаться переиначиванием семантики и оценочной коннотации «захваченного» слова как знака инокультурного бытия. При этом в дальнейшем таким образом освоенные языком-реципиентом лексические единицы начинают навязываться носителям языка-донора через подконтрольные языковому большинству СМИ, учебные заведения и органы власти. Подобное заимствование позволяет белым американцам «наращивать ценности» американской идентичности и как бы «примерить на себя» культуру расово-этнического меньшинства, отвергая при этом культурные и социальные основы его жизни [Hill, 2008].

Примером лингвистической апроприации может послужить наименование *spirit animal* – *тотемное животное*, заимствованное в английский из языка индейцев, где оно используется для обозначения священного животного, которое считается частью общины, ее наставником,

покровителем и родоначальником. Несмотря на то, что в своем переносном значении наименование *spirit animal* используется исключительно в положительном ключе и обозначает человека, с которым говорящий ощущает особую духовную связь, или предмет, который олицетворяет внутренний мир кого-либо из коммуникантов, в результате метафоризации данная лексема лишается глубокого сакрального смысла, заложенного в ней изначально. Как отмечается в некоторых источниках¹, подобное словотворчество оскорбительно для культуры индейцев и вместо данного наименования рекомендуется употреблять близкие по смыслу выражения, например: *kindred spirit*, *role model*, *soul sister* / *twin* / *mate*² и т. д.

Следует заметить, что многие апроприированные слова и выражения пришли в английский из афроамериканского диалекта AAVE (African American Vernacular English) [Себрюк, 2019] и относятся к области слэнга, например: *bae* (= *babe*), *on fleek* – *безупречный*, *lit* – *крутой*, *straight up* – *честный*, *fam* (= *family*), *sis* (= *sister*), *chile* (= *child*) и т. д. Безусловно, подобные заимствования по большей части объясняются растущей популярностью афроамериканской культуры, а также распространением идей глобализации и инклюзивности. Однако нельзя забывать, что диалект афроамериканцев долгое время считался стилистически сниженным, а использующие его люди – необразованными и невежественными. Поэтому, когда такого рода слова и фразы возникают в речи не носителей афроамериканской культуры, это может вызывать возмущение представителей афроамериканского сообщества и восприниматься как пародия. Для некоторых из них это сравнимо с употреблением белыми американцами грамматически неверных фраз типа: *No can do*; *Long time no see*; *We good* – для того, чтобы посмеяться над неграмотностью представителей отдельных расово-этнических меньшинств (в данном случае – американских индейцев и иммигрантов из Китая).

Одним из способов нейтрализации расовой дискриминации в английском языке может стать осознанный отказ от употребления тех лексических единиц, которые исторически, этимологически или ассоциативно связаны с расизмом. Так, идиома *off the reservation* – *поступить неожиданно, вопреки заведенным порядкам*, исторически связана с вытеснением индейцев с их исконных земель в резервации: те, кто был не согласен с новыми правилами

и выходил за границы выделенной им территории, т. е. в буквальном смысле оказывался за пределами резервации, подвергали свою жизнь опасности; а выражение *sold down the river* – *предать кого-л. ради собственной выгоды* напоминает о ситуации на рабовладельческом юге США в середине XIX века, когда провинившихся рабов продавали для работы в низовья Миссисипи, где условия жизни были более суровыми. Такого рода наименования сохраняют прочные ассоциации с расистскими порядками прошлого и могут восприниматься как оскорбление представителями расово-этнических меньшинств, о чем, в частности, свидетельствует информация, размещенная на сайте CNN³.

Следует заметить, что толковые словари далеко не всегда фиксируют расистские ассоциации некоторых слов или выражений, которые тем не менее подтверждаются различными современными интернет-источниками, в том числе авторитетными новостными изданиями и веб-платформами. Так, в онлайн-словарях «Cambridge Dictionary» и «Collins Dictionary» в словарных статьях к слову *uppity* – *наглый, дерзкий, бесцеремонный* отсутствует информация, размещенная на сайтах CNN и The Atlantic и подтверждаемая данными словаря «Merriam-Webster Dictionary»⁴. Составители последнего, в частности, рекомендуют воздержаться от использования прилагательного *uppity* для описания представителей расово-этнических меньшинств, в особенности афроамериканцев. Такого рода предостережение связано с тем, что в прошлом данное слово часто употреблялось по отношению к темнокожим американцам и, как следствие, имеет прочными расистскими ассоциациями. Учитывая вышесказанное, становится понятным, почему, когда в 2021 году в США решили издавать серию детских книг британского писателя Роджера Харгрэйвса *Mr. Men*, впервые опубликованную в Великобритании в 1972 году, имя одного из персонажей – *Mr. Uppity* – заменили на *Mr. Snooty*.

В некоторых случаях слово, оставаясь расово-нейтральным в своем основном значении, развивает дополнительное значение, уничижительное для представителей тех или иных расово-этнических меньшинств. Так, прилагательное *urban* в американском английском может не только означать *расположенный в городе* и служить антонимом к слову *rural* – *сельский*, но и выступать в качестве синонима к слову *black*, как, например, в словосочетании *urban music*. Данный термин возник в 70-е годы прошлого столетия как альтернатива

¹URL: <https://www.wellandgood.com/lifestyle/spirit-animal-native-american> (дата обращения: 25.03.2025).

² URL: <https://www.distractify.com/p/why-is-spirit-animal-offensive> (дата обращения: 26.03.2025); <https://brainwisemind.com/is-saying-spirit-animal-racist/> (дата обращения: 26.03.2025).

³URL: <https://edition.cnn.com/2020/07/06/us/racism-words-phrases-slavery-tmd/index.html> (дата обращения: 15.03.2025).

⁴URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/uppity> (дата обращения: 15.03.2025).

наименованию *black music* и использовался для обозначения различных жанров электронной музыки, включая РЭП и R&B, написанной темнокожими музыкантами. Однако на сегодняшний день выражение *urban music* считается устаревшим и расистским, поскольку замалчивает о том, что такого рода музыка создается представителями темнокожего населения и тем самым умаляет их вклад в музыкальную культуру¹. Отрицательные коннотации слова *urban* в описанном выше значении подтверждает и онлайн-словарь «Urban Dictionary»².

Интересно, что под влиянием идеологии политкорректности пересмотру подвергаются даже те лексические единицы, которые напрямую с расистскими практиками никак не связаны. Это, в частности, касается слов типа *master bedroom / bathroom*, которые вошли в английский язык в первой трети XX века для обозначения самой большой (обычно хозяйской) спальни или ванной комнаты в доме. Поскольку у некоторых носителей языка первый компонент *master* ассоциируется с рабством (так в прошлом называли владельца рабовладельческой плантации), взамен данных наименований предлагается использовать нейтральные *primary bedroom / bathroom* или *owner's bedroom*³. В этой связи не удивительно, что разработчики языков программирования *Django*, *Drupal*, *Python*, *MySQL* и др., постепенно перестали использовать в своих кодах термины *master / slave* (букв. 'хозяин / раб'), заменив их на политкорректные: *primary / replica*, *leader / follower*, *source / replica*, *parent / child*, *main / worker*, *server / helper* и т. д.⁴

Еще одним шагом в направлении искоренения расизма в английском языке может стать отказ от использования идиом, в состав которых входят названия расово-этнических меньшинств. Фразеологизмы с этнонимами, подобно вышеописанным расово-этническим прозвищам, выступают важным фактором формирования этнических стереотипов – устойчивых, заведомо упрощенных, шаблонных, иногда более неактуальных или в принципе несоответствующих действительности образов о представителях той или иной расово-этнической группы – и оказывают, как правило, негативное влияние на межкультурные отношения [Панин, 2005].

Действительно, проведенный анализ идиом с компонентом *Indian* позволяет утверждать, что посредством данных наименований у носителей

языка формируется представление об индейцах, как о людях, находящихся в зависимом положении (*too many chiefs and not enough Indians* употребляется в ситуации, когда готовых руководить много, а выполнять работу некому), замкнутых и молчаливых (*wooden Indian* – человек с непроницаемым лицом; так когда-то называли деревянную фигуру индейца, которую ставили в рекламных целях рядом с табачным магазином), нечистоплотных (*to go Indian* – не мыться в течение долгого времени), хитрых (*Indian giver* употребляется о человеке, который берет обратно свой подарок или ожидает в ответ равноценное подношение), опасных (*to put an Indian sign on smb* – навести порчу, сглазить), агрессивных (*to get one's Indian up* – отомстить) и склонных к употреблению алкоголя (*Indian drunk* – совершенно пьяный, до бесчувствия). Вместе с тем английский язык располагает сходными по значению расово-нейтральными наименованиями, которые не приводят к созданию негативного представления о данной расово-этнической группе. Например, помимо выражения *Indian file* – колонной по одному, которое считается потенциально оскорбительным⁵, так как создает стереотипное представление о поведении американских индейцев, в английском языке существует синонимичное расово немаркированное обозначение *single file*.

Замене могут подвергаться и те идиомы, которые содержат этонимы, но согласно словарю, отрицательно-оценочного заряда не несут. Например, некоторые носители английского языка вместо идиомы *Indian summer* – бабье лето предпочитают использовать выражение *second summer*⁶, в котором расово-этнический компонент отсутствует, аргументируя это тем, что выражение *Indian summer* было введено колонизаторами и не имеет ничего общего с культурой коренных американцев⁷.

Способом поддержания расово-этнического равенства в английском языке мог бы стать также пересмотр фразеологических единиц с компонентами *white* и *black*. Как отмечается в ряде современных исследований [Фефелов, 2017; Эльжуркаева, 2019; Тер-Минасова, 2000], английские фразеологизмы-метафоры с колоронимом *white* имеют во многих случаях позитивную окраску (например, *white knight* – тот, кто приходит на помощь другому человеку, *white list* – список объектов, которым по умолчанию разрешен доступ к определенной системе или ресурсу, поскольку все объекты

¹URL: <https://www.forbes.com/sites/jemimamcevoy/2020/06/10/heres-how-urban-a-term-plagued-by-racial-stereotypes-came-to-be-used-to-describe-black-musicians/> (дата обращения: 11.03.2025).

²URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=urban> (дата обращения: 11.03.2025).

³URL: <https://www.nytimes.com/2020/08/05/realestate/master-bedroom-change.html?ysclid=m90hst37a919030295> (дата обращения: 12.03.2025).

⁴URL: <https://www.vice.com/en/article/masterslave-terminology-was-removed-from-python-programming-language/> (дата обращения: 12.03.2025).

⁵URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/single%2FIndian+file> (дата обращения: 22.03.2025).

⁶URL: <https://www.cleveland.com/data/2022/10/why-are-warm-fall-days-now-called-second-summer-rather-than-indian-summer.html> (дата обращения: 22.03.2025).

⁷URL: <https://radicalcopyeditor.com/2020/10/12/thirty-everyday-phrases-that-perpetuate-the-oppression-of-indigenous-peoples/> (дата обращения: 22.03.2025).

из списка считаются безопасными) в то время, как обозначения с компонентом *black*, как правило, содержат отрицательно-оценочный заряд (например, *black sheep of the family* – паршивая овца, *to paint smth. black* – изображать в мрачном свете; *black ox* – несчастье, старость, *black dog* – хандра, скука). Такого рода аксиологическая асимметрия отражает традиционные представления о символике белого и черного цветов, исторически сложившиеся в лингвокультурах европейских народов: белый цвет автоматически воспринимается как нечто хорошее, тогда как черный ассоциируется с чем-то мрачным, опасным, злым и т. д.

Необходимо отметить, что традиционная метафорика белого и черного возникла еще в доколониальный период и с идеологией расизма никак не связана [Тер-Минасова, 2008]. Сторонники равенства и инклюзивности видят в ней проявление скрытого расизма или так называемой микроагрессии, под которой психолог Д. Сю понимает повседневные, как намеренные, так и неосознанные, унижения и оскорбления, которым подвергаются представители различных дискриминируемых групп населения, в том числе расово-этнических меньшинств [Sue, 2010]. Еще в 1975 году американский ученый Али Мазруи в своей работе «Политическая социология английского языка» говорил о необходимости принять срочные меры в отношении метафорики английских колоронимов, а именно: создать новые альтернативные метафоры хотя бы для африканских вариантов английского языка [Mazrui, 1975].

Как отмечается в блоге онлайн-словаря «Cambridge Dictionary»¹, важно не то, имеет ли идиома с компонентами *white* и *black* какое-либо отношение к расизму или нет, а то, что ощущает при ее использовании собеседник. В языке существует достаточно средств, чтобы можно было выразить мысль иначе и при этом не ранить чувства других участников коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет выявить целый ряд способов очищения английского языка от расизма. Данные способы касаются определенных групп лексики и предполагают отказ от использования или преобразование некоторых слов и выражений, которые задевают чувства представителей различных расово-этнических меньшинств и умаляют их достоинство: расово-этнических прозвищ, обросших отрицательными коннотациями, лингвистически апроприированных наименований некоторых идиом, содержащих этнонимы или колоронимы *white* и *black*, а также любых других лексических единиц, которые исторически, этимологически или ассоциативно связаны с расистскими практиками. Использование описанных в работе языковых способов преодоления расово-этнических предрассудков могло бы содействовать снятию социального напряжения в обществе.

¹URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org/2020/07/08/are-idioms-that-use-black-and-white-offensive/> (дата обращения: 24.03.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Языки как образ мира. М.: АСТ, 2003. С. 127–138.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
3. Себрюк А. Н. Лингвистическая дискриминация и лингвистическая апроприация как примеры феномена двойственного сознания в США // Вестник Нижегородского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 1. С. 134–148.
4. Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языкознании: к постановке проблемы // Философские лингвотурологические проблемы толерантности: коллективная монография 2005. С. 450–455.
5. Панин В. В. Средства выражения этнических стереотипов в английском языке // Известия УрГПУ. Политическая лингвистика. 2005. № 15. С. 208–212.
6. Степанова Н. Г. Этнические прозвища как показатель развития межэтнических отношений // Известия РГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 36. С. 139–142.
7. Горшунова Е. Ю. Этнические стереотипы англоговорящего социума и их вербализация в англо-американской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Бирск, 2009.
8. Фелелов А. Ф. Типы реализации переносной семантики цветообозначений «black» / «white» в мейнстримных СМИ США // Вестник Нижегородского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 4. С. 52–67.
9. Эльжуркаева М. Я. Особенности употребления фразеологических единиц с прилагательными «black» и «white» // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 177–180.
10. Белова А. В. Расово-этнические эвфемизмы как средство реализации принципа политической корректности в современном английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 8 (889). С. 17–23.

11. Hill J. The Everyday Language of White Racism. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2008.
12. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008.
13. Sue D. W. Microaggressions in everyday life: race, gender and sexual orientation. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc., 2010.
14. Mazrui Ali. A. The Political Sociology of the English Language. An African Perspective. The Hague: Mouton & Co., 1975.

REFERENCES

1. Sepir, E. (2003). Status lingvistiki kak nauki = The status of linguistics as a science. Languages as an image of the world (pp. 127–138). Moscow: AST. (In Russ.)
2. Ter-Minasova, S. G. (2000). Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya = Language and Intercultural communication. Moscow: Slovo. (In Russ.)
3. Sebryuk, A. N. (2019). Linguistic Discrimination and Linguistic Appropriation as the Examples of Double Consciousness in the U.S. Vestnik of Novosibirsk State University. Humanities, 17(1), 134–148. (In Russ.)
4. Krysyn, L. P. (2005). Jetnostereotypy v sovremenom jazykoznanii: k postanovke problemy = Ethnic stereotypes in modern linguistics: defining the problem. Filosofskiye lingvokulturologicheskiye problemy tolerantnosti (pp. 450–455): The digest of articles. (In Russ.)
5. Panin, V. V. (2005). Sredstva vyrazheniya jenicheskikh stereotipov v anglijskom jazyke = Means of expressing ethnic stereotypes in the English language. USLU Izvestia journal. Political Linguistics, 15, 208–212. (In Russ.)
6. Stepanova, N. G. (2007). Jetnicheskie przhvishha kak pokazatel' razvitiya mezhjetnicheskikh otnoshenij = Ethnic nicknames as a marker of the development of interracial relationships. RSPU Izvestia journal. Social and liberal sciences, 36, 139–142. (In Russ.)
7. Gorshunova, E. Y. (2009). Etnicheskiye stereotypy anglogovoryashchego sotsiuma i ih verbalizatsiya v anglo-amerikanskoy lingvokulture = Ethnic stereotypes of English-speaking community and their verbalization in the English and American linguistic culture: PhD thesis in Philology. Birk. (In Russ.)
8. Fefelov, A. F. (2017). Semantic patterns of interpreting the symbolic meanings of color terms black / white in some US mainstream media. Vestnik of NSU. Linguistics and Intercultural Communication, 15(4), 52–67. (In Russ.)
9. Elzhurkaeva, M. Y. (2019). Use of phraseological units with the adjectives 'black' and 'white'. Baltic Humanitarian Journal, 8–1(26), 177–180. (In Russ.)
10. Belova, A. V. (2024). Racial and ethnic euphemisms as means of implementing the principle of political correctness in Modern English. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(889), 17–23. (In Russ.)
11. Hill, J. (2008). The everyday language of white racism. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
12. Ter-Minasova, S. G. (2008). Voina i mir yazykov i kultur = War and peace of languages and cultures. Moscow: Slovo. (In Russ.)
13. Sue, D. W. (2010). Microaggressions in everyday life: race, gender and sexual orientation. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc.
14. Mazrui, Ali. A. (1975). The Political Sociology of the English Language. An African Perspective. The Hague: Mouton & Co.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белова Анна Владимировна

кандидат филологических наук

доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belova Anna Vladimirovna

PhD (Philology)

Associate Professor of the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.05.2025
02.06.2025
12.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Эволюция заголовков в эпоху цифровых средств массовой информации: семантика, синтаксис, прагматика (на материале итальянских заголовков)

А. В. Горбылева

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
a.gorbyleva@dipacademy.ru*

Аннотация. Цель исследования – выявить тенденции в изменениях заголовков в итальянской прессе в цифровую эпоху и пути их адаптации к современным медиаформатам. Для достижения этой цели использованы методы структурного, семантического и прагматического анализа заголовков. Материалом исследования послужили заголовки ведущих итальянских изданий. На основе установленных структурных изменений заголовков, особенностей тема-рематической организации и роли пунктуации в их оформлении, разработана типология номинальной темы и установлены ее структурные модели (односоставные, двусоставные и трехсоставные) и ключевые особенности: экспрессивность и коммуникативная автономность.

Ключевые слова: заголовки, итальянская пресса, тема-рематическая организация, цифровая журналистика, актуальное членение предложения, пунктуация, заголовочное чтение, новостной дискурс

Для цитирования: Горбылева А. В. Эволюция заголовков в эпоху цифровых средств массовой информации: семантика, синтаксис, прагматика (на материале итальянских заголовков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 25–32.

Original article

Evolution of Headlines in the Digital Media Era: Semantics, Syntax, Pragmatics (based on Italian headlines)

Anastasia V. Gorbyleva

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
a.gorbyleva@dipacademy.ru*

Abstract. The paper analyzes the structure of headlines in the Italian press in the digital era. The goal is to identify trends in headline transformation and their adaptation to modern media formats. To achieve this goal, we employed methods of structural, semantic and pragmatic analysis of headlines. The research material consists of headlines of Italian media. The findings reveal structural changes in headlines, their theme-rheme organization features and the role of punctuation in their composition. The study develops a typology of nominal themes, identifying structural models of themes (single-component, two-component, and three-component). Key trends include increased expressiveness and communicative autonomy.

Keywords: headlines, Italian press, theme-rheme organization, digital journalism, functional sentence perspective, punctuation, headline reading, news discourse

For citation: Gorbyleva, A. V. (2025). Evolution of headlines in the digital media era: semantics, syntax, pragmatics (based on Italian headlines). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 25–32. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Современная журналистика претерпела значительные трансформации под влиянием цифровых технологий, социальных сетей и новых моделей потребления информации. Традиционные газетные формы, рассчитанные на внимательное погруженное чтение, уступили место динамичным, кратким и часто сенсационным материалам, адаптированным под новые цифровые платформы.

Одним из наиболее заметных аспектов этих изменений стала эволюция заголовков. В традиционных газетах заголовки служили преимущественно информационной функции, обеспечивая читателя кратким, но емким представлением о содержании статьи. Однако в условиях цифровой среды заголовки, которые всегда играли важную роль в привлечении внимания читателя, стали не просто анонсом текста, но самостоятельным инструментом манипулирования вниманием и восприятием информации. Они приобрели дополнительные функции: привлечение внимания, увеличение кликабельности, оптимизация под алгоритмы поисковых систем и социальных сетей. Эти трансформации во многом обусловлены феноменом «заголовочного чтения» (*headline reading*), когда аудитория потребляет новости преимущественно по заголовкам, не углубляясь в основной текст [Boczkowski, Mitchelstein, Matassi, 2018]. В результате произошел сдвиг в языковых и стилистических особенностях журналистских текстов. Современные заголовки стали короче и эмоциональнее, а сами статьи – более фрагментированными и ориентированными на быстрое потребление. Как отмечает А. И. Назаренко, «одной из особенностей языка итальянских средств массовой информации является постоянно усиливающаяся тенденция к его превращению в своего рода метаязык, понимание которого становится труднодоступным для большинства читателей и телезрителей» [Назаренко, 2024, с. 73].

Цель исследования – анализ синтаксических, семантических и прагматических особенностей заголовков в современных итальянских СМИ под влиянием цифровых технологий и изменения моделей потребления информации. Исследование основано на комплексном подходе, включающем следующие методологические подходы:

- структурный анализ: исследование синтаксических особенностей заголовков и их тема-рематической организации;
- семантический анализ: использования ключевых слов, экспрессивной лексики и эмоционально окрашенных выражений;
- прагматический анализ: выявление коммуникативных стратегий, направленных на

привлечение внимания аудитории, манипуляцию читательским восприятием и адаптацию заголовков к цифровой среде.

Материалом исследования послужили заголовки итальянской прессы, опубликованные на официальных сайтах таких ведущих национальных изданий, как «ANSA», «Il Sole 24 Ore» и «RaiNews». Для анализа были отобраны заголовки, освещающие преимущественно политические, а также экономические и социальные события. В качестве вспомогательных данных использовались отчеты и исследования, посвященные влиянию заголовочного чтения на восприятие информации.

ЗАГОЛОВОК КАК НЕЗАВИСИМАЯ ЕДИНИЦА

Заголовок в журналистике традиционно рассматривался как часть статьи, вводящая читателя в ее содержание. В эпоху цифровых СМИ заголовки приобрели определенную автономию, так как они стали существовать отдельно от основного текста, функционируя как самостоятельные носители информации. Это обусловлено рядом факторов, связанных с их лингвистическими, когнитивными и прагматическими функциями.

Во-первых, исследования показывают, что значительная часть пользователей социальных сетей делится новостями, основываясь исключительно на заголовках, не читая полный текст статьи. Так, исследование 2016 года, проведенное учеными из Колумбийского университета и Французского национального института, выявило, что 59% ссылок, которыми делятся в социальных сетях, распространяются без фактического прочтения содержимого [Gabielkov et al., 2016]. Это явление усиливает роль заголовков как самостоятельных носителей информации, способных формировать мнение аудитории без необходимости обращения к полному тексту статьи.

Во-вторых, заголовки могут быть адаптированы под разные платформы и социальные сети, а основной текст остается неизменным. Согласно «Digital News Report 2023» от исследовательского института Рейтер (Reuters Institute), современные читатели чаще сталкиваются с новостями через социальные сети и агрегаторы, что приводит к изменению стратегий заголовочного оформления [Reuters Institute Digital News Report, 2023]. В отчете отмечается, что заголовки адаптируются для максимального вовлечения пользователей, включая персонализированные формулировки и акцент на эмоциональность. В то же время основной текст статьи остается неизменным, что подчеркивает важность заголовков как самостоятельных единиц информации.

В-третьих, исследования показывают, что заголовки формируют первичное впечатление о новости и могут влиять на восприятие фактов независимо от содержания статьи [Molyneux, Coddington, 2019].

В результате журналисты вынуждены конструировать заголовки так, чтобы они не просто отражали суть материала, но и сами по себе создавали эффект заверщенного высказывания.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Современные заголовки часто ориентированы не только на передачу информации, но и на эмоциональное воздействие на аудиторию. Итальянские журналисты в борьбе за клики используют слова, вызывающие тревогу, любопытство или возбуждение: *shock, incredibile, allarme, ecco la verità (шок, невероятно, тревога, вот правда)*. Кликеры представляют собой количество нажатий пользователем на заголовок или ссылку, а кликабельность (CTR – Click-Through Rate) измеряет соотношение числа кликов к числу показов заголовка:

Allerta rossa in Calabria e Sardegna. Danni per milioni di euro alle Eolie (RaiNews. 18.01.2025). – Красный уровень опасности в Калабрии и Сардинии. Ущерб на миллионы евро на Эолийских островах¹.

Чем выше кликабельность, тем больше пользователей переходит на статью, что делает заголовки важным инструментом в конкуренции за внимание аудитории. Этот подход увеличивает число кликов, но снижает достоверность новостей и способствует распространению дезинформации [Zhou et al., 2020].

ТЕМА-РЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Актуальное членение предложения играет ключевую роль в формировании заголовков в итальянской прессе, определяя, какая информация представляется как известная (тема), а какая – как новая (рема). Эта структура влияет на восприятие и интерпретацию читателем содержания статьи.

В итальянском языке порядок слов относительно свободен, что позволяет журналистам манипулировать структурой заголовка для выделения ключевой информации. Несмотря на гибкость порядка слов, в итальянских заголовках часто сохраняется тематическая препозиция для обеспечения ясности и прямоты сообщения:

La Turchia pianifica un muro al confine con Grecia e Bulgaria (ANSA. 05.03.2025). – Турция планирует построить стену на границе с Грецией и Болгарией.

Здесь *La Turchia* – тема, *a pianifica un muro* – рема.

Функции запятой и двоеточия

в актуальном членении заголовков

Одной из наиболее заметных особенностей итальянских заголовков является частое использование запятой или двоеточия, которые структурируют информацию, помогая выделять тему и ремю. Таким образом, для итальянских СМИ характерны сложные заголовки, состоящие из двух сегментов, разделенных запятой, двоеточием, реже – точкой. При этом первый сегмент обычно представляет тему – информацию, которая вводит читателя в контекст и часто выражена именем существительным (номинальная структура). Второй сегмент – рема, содержащая новую информацию, которая может быть выражена либо существительным (номинальная рема), либо глагольной конструкцией (вербальная рема).

Запятая создает эффект быстрой подачи информации, характерной для газетных заголовков. Такой формат помогает быстро воспринимать информацию и делает заголовок более компактным. Например:

Mar Rosso, Marina italiana assume comando task force (ANSA. 05.04.2024). – Красное море, итальянский флот принимает командование оперативной группой.

Темой выступает место события *Mar Rosso (Красное море)*, а ремой – событие.

Двоеточие в подобной структуре выполняет функцию разъяснения или отделяет говорящего от его заявления, например:

Mattarella: 'Serve un ordine mondiale libero, aperto, inclusivo' (ANSA. 05.03.2025). – Маттарелла: Нужен свободный, открытый и инклюзивный мировой порядок.

Темой выступает автор высказывания – в данном случае президент республики Серджо Маттарелла. Рема – его высказывание. Здесь двоеточие как бы заменяет слова *Маттарелла заявил, что...* или *Маттарелла сказал, что...*, делая заголовок более лаконичным.

Точка в заголовках используется реже, так как она создает более жесткое разделение между частями фразы и снижает связность. Например:

In Italia coalizioni divise. Vertice da Meloni con i vice (ANSA. 04.03.2025). – В Италии разногласия в коалиции. Встреча Мелони с вице-премьерами.

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Г.

Здесь тема – утверждение о том, что коалиции в Италии разделены. Рема – дополнительная информация: в связи с этим у Дж. Мелони проходит встреча с вице-премьерами. Точка делает заголовок более выразительным, создавая эффект краткого, но информативного сообщения. Если заменить ее запятой, предложение станет более мягким и потеряет часть своей драматичности.

Десять типов номинальной темы в итальянских заголовках

Первая часть заголовка, как правило, представлена существительным, которое может быть именем собственным, и определяет тему. Это помогает быстро сориентировать читателя в контексте сообщения.

Borsa: Milano peggiora ancora e cede il 3 % (ANSA. 04.03.2025). – Биржа: Милан снова ухудшает позиции и теряет 3 %.

Borsa – это общий тематический указатель (в данном случае – фондовый рынок), *Milano peggiora ancora e cede il 3 %* – основное сообщение, поясняющее, что именно происходит на рынке Милана.

Первая часть заголовка зависит от контекста и содержания статьи. В связи с этим мы выделили несколько типов номинальной темы.

1. **Название страны или региона** используется для обозначения новостей, связанных с определенным государством, например:

Messico, 'risultato senza precedenti sospensione dazi Usa' (ANSA. 06.03.2025). – Мексика, «беспрецедентный результат – приостановка пошлин США».

В данном случае топоним (Мексика) служит вводным элементом, указывающим на место действия.

2. **Название двух стран.** Нередко журналисты для введения темы используют двойную структуру, соединенную дефисом, образуя конструкцию «место + место». Этот прием часто встречается в итальянской прессе и служит для обозначения международных встреч, переговоров и дипломатических отношений между двумя странами, например:

Italia-Israele, l'arrivo del presidente Herzog a Palazzo Chigi per l'incontro con Meloni (ANSA. 19.02.2025). – Италия – Израиль: прибытие президента Герцога в Палаццо Киджи для встречи с Мелони.

Первая часть заголовка указывает на тематику: речь идет о взаимодействии между Италией и Израилем. Вторая часть раскрывает суть новости:

прибытие президента Израиля Ицхака Герцога в Палаццо Киджи для встречи с Джорджией Мелони.

Italia-Emirati Arabi Uniti, l'arrivo di Meloni e Zayed a Palazzo Chigi (ANSA. 24.02.2025). – Италия – Объединенные Арабские Эмираты: прибытие Мелони и бин Заида в Палаццо Киджи.

Тема заголовка указывает на двусторонний формат: встреча между Италией и ОАЭ. Рема раскрывает содержание. Двойная конструкция сразу дает читателю понять, о каком международном взаимодействии идет речь, и подчеркивает дипломатический контекст заголовка, объединяя две страны в рамках одного события. Такие заголовки демонстрируют специфический дипломатический стиль, который подчеркивает важность двусторонних отношений. Это позволяет быстро ориентироваться в новостной повестке и мгновенно понять, какие страны и лидеры задействованы в событии.

3. **Название города** обозначает события, происходящие в конкретном городе, например:

Mosca, 'Macron è disconnesso dalla realtà' (ANSA. 06.03.2025). – Москва: «Макрон оторван от реальности».

Тема указывает на источник высказывания – Москва, т. е. российские власти или официальные представители. В этом контексте под Москвой подразумевается официальная позиция России по отношению к Э. Макрону. Рема представляет собой прямую речь, содержащую оценочное суждение в адрес президента Франции Э. Макрона. Фраза *disconnesso dalla realtà* (оторван от реальности) несет негативный оттенок, подразумевая, что Макрон неадекватно воспринимает ситуацию. Этот заголовок является классическим примером информационно-оценочного заголовка в итальянской прессе. Он лаконичен, структурирован и привлекает внимание за счет краткости, цитаты и политического контекста.

4. **Фамилия человека.** Главным объектом сообщения является известная личность, будь то политик, артист, спортсмен или другой публичный деятель, например:

Macron, 'dazi imposti da Stati Uniti sono incomprensibili' (ANSA. 05.03.2025). – Макрон: «Пошлины, введенные Соединенными Штатами, необъяснимы».

Scholz, rivedere regole Patto per garantire spese difesa (ANSA. 06.03.2025). – Шольц: «Необходимо пересмотреть правила Пакта для обеспечения оборонных расходов».

5. **Фамилия двух людей.** В ряде заголовков выделяется двойная структура темы «лидер + лидер», создаваемая за счет использования двух имен собственных в первой части заголовка. Примеры:

Mattarella a bin Zayed, amicizia e più intensa collaborazione (ANSA. 24.02.2025). – Маттарелла – бин Заид: дружба и более тесное сотрудничество

Mattarella a Vucic, rafforziamo rapporti fra Italia e Serbia (ANSA. 05.03.2025). – Маттарелла Вучич: укрепим отношения между Италией и Сербией

Первый элемент темы – субъект, от которого исходит действие (президент Италии Серджо Маттарелла), второй элемент темы – адресат (президент ОАЭ Мухаммед бен Заид или президент Сербии Александр Вучич). Предлог подчеркивает направление общения, указывая, что речь идет о дипломатическом диалоге между двумя лидерами. Рематическая часть раскрывает основное сообщение – дружба и усиление сотрудничества между Италией и ОАЭ в первом случае или намерение укрепить отношения между странами во втором случае. Использование абстрактных понятий *amicizia*, *collaborazione* (дружба, сотрудничество) создает позитивную дипломатическую тональность. Использование глагола *rafforziamo* (укрепим) делает заголовок более динамичным. Двойная структура темы «лидер – лидер» подчеркивает равноправие сторон и важность двустороннего сотрудничества.

6. **Фамилия человека и название города (места)** – это еще один подтип двойной номинальной структуры – «лидер + место», например:

Tajani a Riad, summit con Blinken su Gaza (ANSA. 29.04.2024). – Таяни в Эр-Рияде, саммит с Блинкеном по Газе.

Первый элемент темы указывает на главного субъекта новости – министра иностранных дел Италии Антонио Таяни. Второй элемент темы указывает место события – Эр-Рияд (столицу Саудовской Аравии). Предлог *a* подчеркивает физическое присутствие политика в данном месте, что важно для дипломатических встреч. В реме основное событие представлено через ключевое слово *summit*, что подчеркивает высокий статус встречи. Двойная конструкция темы «лидер + место» подчеркивает важность физического присутствия политика в локации.

7. **Название организации или органа** подчеркивает, что основным объектом новости является какая-либо официальная или общественная структура, например:

Fmi, dazi Ue su auto elettriche cinesi pesano su Pil (ANSA. 24.10.2024). – МВФ: пошлины ЕС на китайские электромобили негативно сказываются на ВВП.

Упоминание МВФ в качестве темы придает новости авторитетность и глобальное значение. Сообщение о влиянии пошлин на экономический рост (ВВП) составляют ключевой элемент ремы.

Unicef, acqua pulita per 364.000 bambini nell'est del Congo (ANSA. 05.03.2025). – ЮНИСЕФ: чистая вода для 364 000 детей на востоке Конго.

Используется название организации в качестве темы. Число 364 000 делает новость более конкретной и подчеркивает масштаб инициативы.

Governo, sulla giustizia aperti al dialogo con magistrati (ANSA. 25.02.2025). – Правительство: открыты к диалогу с судьями по вопросам правосудия.

Использование общего термина *governo* (правительство) вместо конкретных фамилий подчеркивает официальную позицию. Фраза *aperti al dialogo* (открыты к диалогу) смягчает тон новости, создавая впечатление гибкости и готовности к обсуждению.

Cremlino, d'accordo con Rubio, stop alla guerra per procura (ANSA. 06.03.2025). – В Кремле согласились с призывом Рубио остановить прокси-войну.

Тема выражена названием Кремля, обозначая официальную позицию России. Упоминание М. Рубио (американского политика) делает заголовок резонансным, указывая на неожиданное совпадение мнений.

Все четыре заголовка следуют тема-рематической модели, начинаясь с ключевого субъекта (организация, институт). Эта модель может применяться для разных видов новостей, в зависимости от содержания темы: организации – для международных гуманитарных новостей, органы власти – для официальных политических заявлений.

8. **Название события или происшествия** – заголовок обращается к событию, которое становится темой новости.

G20, Giorgetti a Città del Capo per "cogliere opportunità e capire rischi" (ANSA. 26.02.2025). – G20: Джорджетти в Кейптауне, чтобы «воспользоваться возможностями и понять риски».

Тема содержит главный элемент контекста – саммит «Большой двадцатки», что подчеркивает глобальный масштаб новости. В реме вводится цель визита и обозначаются позитивный аспект *opportunità* (возможности) и предостерегающий аспект *rischi* (риски). Таким образом, создается баланс, отражающий двойственную природу обсуждаемых вопросов.

9. Название события и фамилия человека. В ряде заголовков тема обладает двойной конструкцией «событие + лидер», создаваемой за счет сочетания названия события и имени собственного политика, например:

Vertice di Londra, Starmer: “Momento importante per la sicurezza dell’Europa” (ANSA. 02.03.2025). – Лондонский саммит, Стармер: «Важный момент для безопасности Европы».

Первый элемент темы указывает на основное событие – саммит в Лондоне, второй элемент содержит имя Кира Стармера, лидера Лейбористской партии Великобритании. Двоеточие после фамилии вводит прямую речь.

10. Название события и фамилии двух людей. Некоторые заголовки используют трехсоставную модель темы «событие + лидер + лидер», например:

G20, Meloni a Lula: imprese italiane pronte a investire 40 mld euro (Il Sole 24 Ore. 17.11.2024). – G20, Мелони – Лула: итальянские компании готовы инвестировать 40 миллиардов евро.

Первый элемент темы указывает контекст события – «саммит G20», что сразу задает международную перспективу. Второй и третий элементы обозначают ключевых участников встречи: адресант – Джорджия Мелони, премьер-министр Италии, и адресат – Луис Инасиу Лула да Силва, президент Бразилии. Использование трехсоставной конструкции темы «событие + лидер + лидер» подчеркивает дипломатический уровень новости и двусторонний характер переговоров.

Номинальная и вербальная ремы

Рема – это основное сообщение, передаваемое после темы и несущее новую информацию. Выделяются два типа ремы. Номинальная рема выражена существительным. Она представляет собой сущностное утверждение, без действия, например:

Guterres, Gaza parte integrante di uno Stato palestinese (ANSA. 05.03.2025). – Гутерриш: Газа – неотъемлемая часть палестинского государства.

В реме передается утверждение о статусе Сектора Газа. Структурно оно выражено двумя конструкциями «существительное + прилагательное»: 1) констатация *parte integrante* (неотъемлемая часть) и 2) пояснение *di uno Stato palestinese* (часть палестинского государства). Такой тип ремы часто используется в дипломатических заявлениях, где не предполагается активное действие, а выражается позиция. Этот тип ремы делает заголовок формальным и нейтральным. В данном случае новость просто передает мнение А. Гутерриша, а не говорит о конкретных шагах или требованиях.

Вербальная рема выражена глагольной конструкцией и сообщает о действии.

Ultimatum di Trump: ‘ Hamas liberi i rapiti e lasci Gaza’ (ANSA. 07.03.2025). – Ультиматум Трампа: «ХАМАС должен освободить заложников и покинуть Газу»

Ядром ремы в данном примере выступают два глагола *liberi* (освободить) и *lasci* (покинуть). Использование глаголов делает утверждение динамичным, указывая на конкретные действия, а форма сослагательного наклонения задает требовательный тон. В данном случае Д. Трамп не просто делает заявление, а требует действий. Такой тип ремы делает заголовок динамичным и эмоциональным, создавая ощущение срочности, ультимативности, давления. Это типично для заголовков, отражающих конфликты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что заголовки в итальянской прессе претерпели значительные изменения под влиянием цифровых технологий, адаптируясь к новой модели потребления информации. Заголовки стали более автономными, приобрели самостоятельную коммуникативную ценность и активнее воздействуют на восприятие читателя. Эти изменения были рассмотрены с трех аспектов: синтаксического, семантического и прагматического.

Синтаксический аспект демонстрирует, что заголовки обладают высокой степенью структурной автономности, существуя независимо от основного текста статьи. Разделение элементов заголовка с помощью пунктуационных знаков (запятая, двоеточие, точка) играет важную роль в структурировании информации, помогая выделять смысловые акценты. Структура заголовков в итальянской прессе определяется тема-рематической организацией, где первый сегмент (тема) вводит читателя в контекст, а второй (рема) содержит основное сообщение. В ходе анализа разработана

типология номинальной темы: 1) страна, 2) город, 3) место + место, 4) лидер, 5) лидер + лидер, 6) лидер + место, 7) организация, 8) событие, 9) событие + лидер, 10) событие + лидер + лидер; типы объединяются в структурные модели: односоставные, двусоставные и трехсоставные.

Семантический анализ позволил выявить, что современные заголовки приобрели экспрессивность и эмоциональную насыщенность. Использование оценочной лексики служит для привлечения внимания. Отмечено активное применение номинативных конструкций для лаконичного представления информации. Семантическая структура заголовков направлена на формирование первичного

восприятия статьи, что особенно важно в условиях «заголовочного чтения».

Прагматический анализ показал, что заголовки не только информируют, но и управляют вниманием читателя, формируя определенное восприятие события еще до прочтения статьи. Они адаптируются под алгоритмы поисковых систем и особенности социальных сетей.

Таким образом, заголовки в цифровую эпоху стали не просто кратким анонсом статьи, а мощным инструментом влияния на аудиторию. Понимание этих процессов важно для журналистики, медиаменеджмента и цифрового маркетинга, что делает данное исследование актуальным и практически значимым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Boczkowski P.J., Mitchelstein E., Matassi M. News comes across when I'm in a moment of leisure: Understanding the practices of incidental news consumption on social media // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20 (10). P. 3523–3539. DOI 10.1177/1461444817750396.
2. Назаренко А. И. Экономичность выражения смысла в языке итальянских средств массовой информации // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. Вып. 6 (887). С. 72–77.
3. Gabielkov M. et al. Social Clicks: What and Who Gets Read on Twitter? / M. Gabielkov, A. Ramachandran, Au. Chaintreau, A. Legout // *ACM SIGMETRICS Performance Evaluation Review*. 2016. Vol. 44 (1). P. 179–192. DOI: 10.1145/2964791.2901462.
4. Reuters Institute Digital News Report 2023 / N. Newman et al. Reuters Institute for the Study of Journalism, 2023. DOI 10.60625/risj-p6es-hb13.
5. Molyneux L., Coddington M. Aggregation, clickbait and their effect on perceptions of journalistic credibility and quality // *Journalism Practice*. 2019. Vol. 14 (4). P. 429–446.
6. Zhou X. et al. Fake News Early Detection: A theory-driven model / X. Zhou, A. Jain, V. V. Phoha, R. Zafarani // *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*. 2020. Vol. 1. No. 1. P. 1–25. DOI 10.48550/arXiv.1904.11679.

REFERENCES

1. Boczkowski, P. J., Mitchelstein, E., Matassi, M. (2018). News comes across when I'm in a moment of leisure: Understanding the practices of incidental news consumption on social media. *New Media & Society*, 20(10), 3523–3539. DOI 10.1177/1461444817750396.
2. Nazarenko, A. I. (2024). Manifestation of the Economy Principle in the Italian media discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(887), 72–77. (In Russ.)
3. Gabielkov, M., Ramachandran, A., Chaintreau, Au., Legout, A. (2016). Social clicks: what and who gets read on Twitter? *ACM SIGMETRICS Performance Evaluation Review*, 44(1), 179–192. DOI 10.1145/2964791.2901462.
4. Newman, N. et al. (2023). Reuters Institute Digital News Report 2023. Reuters Institute for the Study of Journalism. DOI: 10.60625/risj-p6es-hb13.
5. Molyneux, L., Coddington, M. (2019). Aggregation, clickbait and their effect on perceptions of journalistic credibility and quality. *Journalism Practice*, 14(4), 429–446.
6. Zhou, X., Jain, A., Phoha, V. V., Zafarani, R. (2020). Fake News Early Detection: A Theory-Driven Model. *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*, 1(1), 1–25. DOI 10.48550/arXiv.1904.11679.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбылева Анастасия Васильевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры европейских языков

Дипломатической академии МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorbyleva Anastasia Vasilevna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of European Languages

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	12.05.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	30.05.2025	
принята к публикации	12.06.2025	

Воздействующая функция авторской ремарки-сеттинга англоязычной пьесы: динамика современной драматургии

В. В. Грищева

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
walya86@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается специфика реализации воздействующего потенциала ремарки в современной англоязычной драме с точки зрения смыслоформирования. Целью исследования стал анализ вербализации авторского ракурса для установления маркеров прагматической направленности в дискурсивном пространстве современной пьесы. Материалом для исследования послужила пьеса драматурга XXI века Дж. Баттеруорта «Салонная песня» (2008). В работе автор применил контекстуальный, лингвистический и дискурсивно-стратегический анализы. Полученные результаты позволяют понять роль когнитивных доминант, оказывающих влияние на читательскую аудиторию.

Ключевые слова: драматургический текст, современная пьеса, авторская ремарка, воздействующая функция, когнитивная доминанта

Для цитирования: Грищева В. В. Воздействующая функция авторской ремарки-сеттинга англоязычной пьесы: динамика современной драматургии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 33–39.

Original article

The Impacting Function of the Setting Stage Direction in English Play: the Dynamics of Modern Dramaturgy

Valentina V. Grishcheva

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
walya86@mail.ru*

Abstract. The article considers the specifics of realization of stage direction impacting potential in modern English drama from the perspective of meaning formation. The purpose of the study is to analyze the verbalization of the author's vision which enables to identify pragmatic markers in discursive space of modern play. The material of the research was the play of the modern playwright Jez Butterworth "Parlour Song" (2008). In the interpretation of the materials the following methods were used: contextual, linguostylistic, critical discourse analysis. The results suggest that cognitive dominants play a significant role in producing linguopragmatic effect on the readership.

Keywords: drama text, modern play, stage direction, impacting function, cognitive dominant

For citation: Grishcheva, V. V. (2025). The impacting function of the setting stage direction in English play: the dynamics of modern dramaturgy. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 33–39. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Процесс интерпретации и понимание современной пьесы потенциальным читателем существенно отличается от канонических форм взаимодействия между автором и аудиторией посредством текста. В связи с этим учет общегуманитарного знания и текущего социокультурного контекста позволяет констатировать, что формируется особое дискурсивное пространство пьесы. Следовательно, образуется новая парадигма научных исследований для изучения лингвистической спецификации и типологических особенностей современной драмы, что определяет актуальность настоящего исследования.

В дальнейшем эта мысль получает свое развитие в определении роли современного драматурга, который оказывается перед вызовами времени в меняющихся условиях действительности, влияющих на текстопостроение и текстовосприятие пьесы. Таким образом, в русле исследований последних лет становится очевидной необходимость в изучении проблемы прагматической направленности драматургической коммуникации в ее тесной и неразрывной связи с глубинными процессами смыслообразования. Материалом исследования стала пьеса современного английского драматурга Джеза Баттеруорта «Салонная песня» (J. Butterworth «Parlour song»), написанная в 2008 году. При анализе реализации воздействующей функции были применены методы контекстуального, лингвостилистического, дискурсивно-стратегического анализа. Целью исследования стал анализ вербализации авторского ракурса для установления маркеров прагматической направленности в современной англоязычной пьесе.

Задачи исследования включают выявление приемов и механизмов, которые используются в современной британской драме с целью наибольшего воздействия на потенциальную читательскую аудиторию. Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что в нем впервые изучается лингвопрагматический потенциал авторской ремарки в современном дискурсивном пространстве англоязычной драмы с точки зрения формирования в ней когнитивных доминант. Практическая ценность работы определяется предлагаемым новым взглядом на рассмотрение когнитивно-прагматических аспектов драматургического дискурса, в то время как полученные выводы и результаты могут быть применены при дальнейшем изучении лингвистической спецификации современной англоязычной драматургии.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДРАМЫ В КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Исходной точкой размышлений относительно изменений, которые проявляются в драматургическом дискурсивном пространстве англоязычной пьесы, является обращение к такому основополагающему компоненту драмы, как авторская ремарка. Эволюция функционального потенциала и статуса ремарки в меняющихся реалиях современности обуславливает метаморфозы в литературном жанре пьесы и, как следствие, способствует появлению новых жанровых форм в дискурсивном пространстве драмы, поэтому подчеркнем, что важность ремарочного пласта в процессе смыслообразования в современной пьесе увеличивается.

При существующем количестве исследований, посвященных изучению авторской речи в драме, их многоаспектности и обширности, многие свойства и механизмы формирования ремарочного пласта еще познаются и требуют дополнительного рассмотрения. Думается, что в современной драме происходит некое смещение текстовых акцентов, при котором в фокусе внимания читателя оказывается именно речевой план, относящийся непосредственно к авторским комментариям. В этой связи остановимся на ряде исследований, в которых приводится доказательство в пользу того, что в контексте современного драматургического действия наблюдается расширение прагматической направленности, реализуемой ремарками. Так, например, по словам И. Б. Лимановской, изучающей роль, место, а также динамику изменений авторских комментариев с позиции малоформатного текста, «авторские ремарки англоязычных пьес современного английского периода более не являются текстами, наделенными вспомогательной функцией, но стремятся создавать собственное пространство, способное конкурировать с диалогической частью драматургического произведения» [Лимановская, 2011, с. 17]. Иными словами, применяя терминологию настоящего исследования, ремарочный пласт, образующий меньшую и незначительную часть пьесы в структурно-композиционном плане, приобретает особую важность в ее смысловом пространстве. Данное атрибутивное свойство авторских включений в пьесе, главным образом, связано со стремлением современного драматурга обозначить и расширить степень своего присутствия в пьесе, что способствует максимальному воздействию на читательскую аудиторию посредством ремарок. Суть вышеизложенного сводится к тому, что в современной пьесе дополнительно создается иллюзия авторского вмешательства. Таким образом, целесообразно предположить, что авторская

ремарка выступает в качестве когнитивного продукта, в котором фиксируется особая форма авторского самовыражения, поскольку драматург управляет процессом восприятия текстовой информации и своеобразным образом фокусирует внимание читателя. Добавим, что в дискурсивном пространстве пьесы фактически постоянно создаются условия, которые способствуют оптимизации усилий читателя по декодированию смысла и интерпретации информации [Грищева, 2024].

Итак, наше предварительное и ключевое предположение состоит в том, что в современной англоязычной пьесе основная функция ремарок – воздействующая, которая обуславливает когнитивные аспекты обработки драматургического текста и конкретного драматургического действия. Воздействующая сила авторских комментариев выражается в том, что они выступают в качестве когнитивного аттрактора, который привлекает внимание читателя и фокусирует его на главных смысловых лейтмотивах. Другими словами, речь идет о формировании когнитивных доминант в ремарочном тексте, вокруг которых конденсируется основная содержательно-смысловая информация. В этой связи отмечается, что приемы, используемые во вспомогательной авторской речи, не имеют чисто прикладной характер, более того, в ремарках «попутные замечания автора могут неожиданно обнажить смысл ситуации, выявить в ней совершенно иное содержание» [Кондратова, Салтанова, 2022, с. 25].

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса обратимся к научным изысканиям последних лет. Так, в качестве причины, обуславливающей дискурсивные характеристики пьесы, называется влияние социокультурных факторов. Трансформация драмы XXI века является ответом на кризис тематического и сюжетного репертуара и появление совершенно нового читателя и зрителя, что ведет к «кристаллизации» новых направлений в драматургии. При этом исследователь особо подчеркивает, что масштабный сдвиг произошел не просто с точки зрения «разрушения привычной структуры драматургического текста» [Черняк, 2020, с. 89], он отразился в лингвистической выраженности ремарок, а также проявился в новых драматургических ракурсах. Затрагивая вопрос тенденций, которые складываются в современной англоязычной драматургии, целесообразно заметить, что воздействующая функция авторских ремарок на данном этапе развития драматургического дискурса находит отражение в высокой степени выразительности, в некоторых случаях достигающей гипертрофированных форм. Об этой характеристике также свидетельствуют недавние работы,

написанные специалистами в области драматургии. Для настоящего исследования актуальным является вывод, подтверждающий взаимосвязь между выразительностью и смыслопорождением, которые «поддерживают друг друга, хотя каждое стремится выйти за собственные рамки: смыслопорождение стремится найти новые способы выражения, <...> а выразительность стремится приобрести иные функциональные характеристики» [Логинова, 2023, с. 77]. Исследователь А. А. Ржешевская аналогично характеризует возросший потенциал выразительности, который проявляется в формировании образности, при этом фокусируясь на невербальных средствах ее создания [Ржешевская, 2024]. Выразительность, таким образом, способствует более точной передаче авторского замысла, а значит, создает воздействие на реципиента, что порождает смысловые проекции и оптимизирует понимание смысла интерпретатором.

В подтверждение данного тезиса приведем также замечания исследователей, которые акцентируют внимание на том, что ремарка призвана выражать авторскую позицию, реализуя «смыслопорождающую функцию и выполняя роль дополнительного канала связи между автором произведения, персонажами и аудиторией» [Багдасарян, 2019, с. 62]. Подобная точка зрения позволяет утверждать, что ремарочный пласт в современной драме приобретает еще больший вес с точки зрения лингвопрагматических характеристик. Он становится достаточно важной текстовой зоной в пьесе, в которой репрезентируется авторское участие. Более того, учеными подчеркивается, что в авторских комментариях «заключены большие потенциальные возможности» [Биль, Заманова, Половнева, 2023, с. 3312]: они могут приобретать личностно ориентированный характер, отражать индивидуальный авторский стиль, выражать субъективность автора, его отношение к описываемому.

Продолжая логику рассуждений, отметим, что новая полоса изысканий в области изучения трансформации драматургического текста, обусловленная созданием современного социокультурного контекста, предполагает формирование иного научного взгляда на пьесу и требует научного осмысления вербального и невербального потенциала авторского ракурса в дискурсивном пространстве драмы. Драматургия так называемой новой волны существенно отличается не только тематическим наполнением, которое отражает восприятие актуальных событий в целом и преобладающих реалий, в частности, но и «постоянными обновлениями лингвокогнитивной матрицы драматургических произведений» [Харьковская, 2024, с. 8], что отвечает вызовам современной антрополингвистики. Наблюдается

кардинальный сдвиг, связанный с пересмотром роли авторских комментариев и понимания их воздействующего потенциала, что способствует формированию современной парадигмы исследования ремарок как малоформатного текста с обозначением принципиально новых функционально-прагматических характеристик [Черкунова, Пономаренко, 2024].

Направленность пьесы на сценическую постановку традиционно является ключевой характеристикой в интерпретации воздействующего потенциала авторской ремарки, поскольку «театральная конвенциональность накладывает отпечаток на характер представления содержательно-смысловой информации в тексте» [Грищева, 2024, с. 34]. Однако в настоящее время обращается внимание именно на правильное прочтение пьесы. Известно, что авторский текст трансформируется из вербальной формы, присущей текстовой версии, в невербальную, характерную для театра. Таким образом, незримость автора и закадровое звучание его голоса в драме наделяет ремарки особой силой и воздействующим эффектом в современном дискурсивном пространстве драмы. Так, существует несколько смысловых инстанций драматургического текста: первый этап подразумевает прочтение пьесы и имеет исключительную важность, поскольку предопределяет смысловую основу будущего спектакля [Коньков, Соломкина, 2020]. В связи с этим выявленное в данном исследовании формирование когнитивных доминант в авторских ремарках способствует более точному прочтению пьесы с точки зрения интерпретации смысловых лейтмотивов.

Подытоживая, отметим, что ремарочный пласт пьесы XXI века обладает не просто описательной функцией, которая состоит в дескрипции места действия, обстановки, времени, персонажей, но приобретает другую направленность, связанную с потенциалом ремарок производить сложный когнитивный, коммуникативный и прагматический эффект.

АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЬЕСЕ

Возвращаясь к центральному тезису данного исследования, обратимся к понятию когнитивной доминанты, которая способствует реализации воздействующей функции авторских комментариев в условиях формирования современного дискурса англоязычной драмы. Мы опираемся на толкование термина, предложенное Е. А. Огневой, которая полагает, что когнитивные доминанты

в художественном произведении выступают в качестве значимых компонентов когнитивно-сюжетной матрицы, которые в структуре текста проецируются когнитивными узлами, другими словами, смысловыми аттракторами, своего рода смысловыми маяками [Огнева, 2020], что в контексте настоящего исследования позволяет глубже изучить лингвопрагматический эффект, закладываемый автором в канву драматургического произведения.

Уместно обратить внимание на то, что в сеттинге пьесы объективируется и раскрывается авторское стремление повлиять на интерпретацию событий в драме. Итак, рассмотрим вербальную репрезентацию когнитивных доминант на примере фрагмента из пьесы Дж. Баттеруорта «Салонная песня»:

Darkness. Silence. Spotlight on: DALE. It started small. Blackout. – Темнота. Тишина. Включается прожектор: Дейл: Всё начиналось с малого.

In the air, apocalyptic visions appear: buildings, towers, skyscrapers *crashing* to the ground; office blocks, factories, entire community projects *collapsing*; histories *imploding, destroyed, erased forever, disappearing* in dust as the music swells to utter darkness and silence. – Темнота. В воздухе появляются апокалиптические образы: здания, башни, небоскребы разрушаются до самого основания; офисные здания, заводы, отдельные общественные строительные объекты разваливаются; целая история взрывается, уничтожается, стирается с лица земли навсегда, исчезая в пыли, когда музыка постепенно усиливается и наступает полная темнота и тишина.

Предварительно дадим несколько комментариев относительно предложенной для анализа пьесы. Итак, главными действующими лицами выступают супруги Нэд и Джой в возрасте сорока лет. Нэд, представленный как специалист по сносу зданий, подозревает свою жену в воровстве, что приобретает звучание некой семейной паранойи. Действие пьесы разворачивается в новом районе Лондона, застроенным одинаковыми домами.

Когнитивная доминанта в конструировании пространства драматургического текста, которая реализуется в данном отрывке, непосредственно связана с ощущением хаоса и разрушения, которое воспроизводится посредством обращения к различным языковым средствам, способствующим формированию негативного образа. Так, основная характеристика места действия фокусируется на референции к сценическому звуку и свету. Данные элементы являются важными

составляющими драматургического и сценического действия, что трансформирует их из зрительных в смысловые аттракторы, удерживающие внимание читателя.

Далее, было замечено, что внимание читателя удерживается за счет использования лексической единицы, указывающей на крошечную тьму *darkness* (темнота). Причем стоит отметить, что эффект воздействия усиливается при помощи акцентуации свойства полной, абсолютной темноты и отсутствия источника света в используемом экспрессивно-выразительном прилагательном *utter darkness* (крошечная тьма), что позволяет читателю визуализировать происходящее действие и, как следствие, интерпретировать ключевые смысловые аспекты произведения. Когнитивная доминанта в передаче данной информации также проявляется в референции к временному отсутствию и резкому выключению сценического света *blackout* (темнота).

В качестве маркера когнитивной доминанты также была выделена звуковая составляющая. В тексте пьесы она реализуется драматургом как за счет номинативных лексических единиц, передающих значение отсутствие звука или его появление *silence* (тишина), *music* (музыка), так и за счет косвенных маркеров, указывающих на возникновение звука, что в данном примере представлено резким появлением Дэйла, который является соседом семейной пары, и произнесением им короткой реплики:

It started small. – Всё начиналось с малого.

Подобные частные наблюдения позволяют говорить об особой содержательной роли технических средств, например светозвукового оборудования как инструмента трансляции когнитивных доминант.

Анализ показал, что важную роль в актуализации когнитивной доминанты смысловыми звуковыми аттракторами играют ассоциативно-связанные представления, «запускаемые» глаголами и глагольными формами, которые относятся к общему семантическому полю «разрушение» *crashing* (разрушаются), *collapsing* (разваливаются), *imploding* (взрываются), *destroyed* (уничтожаются), *erased* (стирается с лица земли), *disappearing* (исчезает). Анализируемые лексические единицы не указывают прямо на воспроизведение звука, но имплицитно сильный шум, грохот, взрывы, возникающие в процессе крушения зданий, описание которого содержится в сеттинге пьесы. Эмоциональный отклик у читателя в данном случае

вызывает общая негативная коннотация, которая содержится в представленных деталях.

При формировании когнитивной доминанты в тексте драмы происходит максимальная интеграция и синкретизация образа посредством дополнительных описательных деталей, которые также конденсируют основную смысловую направленность авторской ремарки-сеттинга. Так, в репрезентации пространства в приведенном фрагменте в центре внимания оказываются описательные единицы *apocalyptic* (апокалиптический) и *dust* (пыль), которые поддерживают общее ощущение краха и разрушения. Последовательное перечисление существительных, обозначающих различные строительные объекты *buildings* (здания), *towers* (башни), *skyscrapers* (небоскребы), *office blocks* (офисные здания), *factories* (фабрики), *entire community projects* (целые общественные строительные объекты), и глаголов «разрушения» нагнетает атмосферу и обеспечивает выстраивание синергетического образа, поскольку оказывается воздействие как на слуховое восприятие, так и на визуальное.

Воздействующий потенциал авторской ремарки реализуется также за счет конструкции самого сеттинга, в котором когнитивная доминанта представлена в кольцевой структуре, резкой смене и переплетении смысловых аттракторов, репрезентирующих звук и свет *darkness* (темнота), *silence* (тишина), *spotlight on* (прожектор включен), *blackout* (темнота), *visions appear* (образы появляются), *music* (музыка), *utter darkness* (полная темнота), *silence* (тишина).

Таким образом, исследование подтверждает гипотезу о смыслообразующей роли авторской ремарки-сеттинга, которая, с одной стороны, формирует когнитивную доминанту текста, с другой – выступает в качестве своеобразной инструкции для использования светозвукового оборудования в сценической постановке: так формируется потенциальное единство восприятия пьесы читателем и зрителем, на которых воздействует либо текст, либо его трансляция в виде технических аспектов театрального действия.

Вышеизложенное дает основание в качестве ключевых результатов проведенного исследования отметить, что когнитивные доминанты в драматургическом тексте связаны с гипертрофированной формой реализации авторского намерения, что поддерживается набором различных маркеров и языковых средств. Они реализуют прагматическую направленность и обеспечивают наибольшую силу воздействия на потенциального читателя и зрителя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, можно сказать, что современный драматург сталкивается с уникальными вызовами, обусловленными динамикой социокультурных изменений и запросами читателя и зрителя XXI века, что отражается в изменении функционального статуса авторской ремарки в направлении приобретения ею наибольшей значимости в дискурсивном пространстве современной англоязычной пьесы. В статье были проанализированы особенности формирования смысла в драматургическом сеттинге, в котором выражается авторский подход с точки зрения воздействующего потенциала. Было доказано, что ремарки в современном драматургическом произведении содержат когнитивные

доминанты-стимулы, способствующие интерпретации заложенного смысла. В результате изучения воздействующей функции авторской ремарки была определена роль и проанализирована лингвистическая специфика когнитивных доминант. Мы выделили маркеры когнитивной доминанты, которыми являются такие элементы языка и текста, как описание мрака, тишины, звуковых эффектов и пространственного размещения персонажей пьесы. В проанализированном материале они выступают в качестве смысловых аттракторов, образно передающих последствия разрушительных действий и создающих эффект напряжения. Проведенное исследование открывает перспективы дальнейшего изучения особенностей выражения авторского ракурса в современной англоязычной пьесе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лимановская И. Б. Динамика авторских ремарок в англоязычной драме XVI–XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара. 2011.
2. Грищева В. В. Лингвопрагматические аспекты когерентности в драматургическом тексте (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М. 2024.
3. Кондратова Т. И., Салтанова Н. Ю. Функция ремарок и вспомогательной авторской речи: на примере анализа драмы Цао Юя «Гроза» // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 3 (47). С. 22–34.
4. Черняк М. А. Новая драма для новых тинейджеров: к вопросу о типологических чертах современной драматургии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 87–94.
5. Логинова Е. Г. Выразительность в театре как технология смыслопорождения и роль жеста в ее реализации // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 2. С. 67–82.
6. Ржешевская А. А. Невербальные средства создания образности в драматургическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–1 (58). С. 572–576.
7. Багдасарян А. Г. Особенности взаимодействия дискурсов в пространстве драматургического текста: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2019.
8. Биль О. Н., Заманова И. Ф., Половнева М. В. «Авторский» голос в драматургическом дискурсе Л. Петрушевской // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 10. С. 3312–3317.
9. Харьковская А. А. Многомерность исследований англоязычного драматургического дискурса // Англоязычный драматургический дискурс: динамика и вариативность научных подходов: коллективная монография / отв. ред. А. А. Харьковская. Самара: САМАРАМА, 2024. С. 8–13.
10. Черкунова М. В., Пономаренко Е. В. Малоформатные компоненты англоязычного драматургического дискурса в контексте лингвосинергетики // Англоязычный драматургический дискурс: динамика и вариативность научных подходов: коллективная монография / отв. ред. А. А. Харьковская. Самара: САМАРАМА, 2024. С. 14–47.
11. Грищева В. В. Смысловые аспекты визуализации в британском драматургическом тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 8 (889). С. 32–37.
12. Коньков В. И., Соломкина Т. А. Формирование смысла драматургической речи // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 147–155.
13. Огнева Е. А. Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров. М.: Эдитус, 2019.

REFERENCES

1. Limanovskaya, I. B. (2011). *Dinamika avtorskikh remarok v angloyazychnoi drame XVI–XXI vekov* = The Dynamics of Author's Stage Directions in English-Language Drama of the 16th–21st Centuries: abstract of PhD thesis in Philology. Samara. (In Russ.)

2. Grishcheva, V. V. (2024). Lingvopragmaticcheskie aspekty kogerentnosti v dramaturgicheskom tekste (na materiale angliiskogo yazika) = Linguopragmatic aspects of coherence in drama text (on the material of English drama): PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Kondratova, T. I., Saltanova, N. Yu. (2022). The function of remarks and auxiliary speech: on the example of Cao Yu's drama "The Thunderstorm". MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education, 3(47), 22–34. (In Russ.)
4. Chernyak, M. A. (2020). New drama for new teenagers: revisiting typological features of modern drama. Proceedings of Petrozavodsk State University, 42(7), 87–94. (In Russ.)
5. Loginova, E. G. (2023). Expressiveness in the theatre as a meaning-making technology and the role of gestures in its realization. Slovo.ru: baltiiskij akcent, 14(2), 67–82. (In Russ.)
6. Rzheshesvskaya, A. A. (2024). Non-verbal means of imagery construal in drama discourse. Cognitive studies of language, 2-1(58), 572–576. (In Russ.)
7. Bagdasaryan, A. G. (2019). Osobennosti vzaimodejstviya diskursov v prostranstve dramaturgicheskogo teksta = Features of the interaction of discourses in the space of a dramatic text: PhD thesis in Philology. Stavropol. (In Russ.)
8. Bil, O. N., Zamanova, I. F., Polovneva, M. V. (2023). The "author's" voice in L. Petrushevskay's dramatic discourse. Philology. Theory & Practice, 16(10), 3312–3317. (In Russ.)
9. Kharkovskaya, A. A. (2024). Mnogomernost' issledovaniy angloyazychnogo dramaturgicheskogo diskursa = Multidimensionality of Research in English-Language Dramatic Discourse. In Kharkovskaya, A. A. (Ed.), Angloyazychnyi dramaturgicheskii diskurs: dinamika i variativnost' nauchnykh podkhodov (pp. 8–13): collective monograph. Samara: SAMARAMA. (In Russ.)
10. Cherkunova, M. V., Ponomarenko, E. V. (2024). Maloformatnye komponenty angloyazychnogo dramaturgicheskogo diskursa v kontekste lingvosinergetiki = Small-scale components of English-language dramatic discourse in the context of linguosynergetics]. In Kharkovskaya, A. A. (Ed.), Angloyazychnyi dramaturgicheskii diskurs: dinamika i variativnost' nauchnykh podkhodov (pp. 14–47): collective monograph. Samara: SAMARAMA. (In Russ.)
11. Grishcheva, V. V. (2024). Semantic aspects of visualization in British drama. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(889), 32–37. (In Russ.)
12. Konkov, V. I., Solomkina, T. A. (2020). The formation of dramaturgic speech meaning. Verhnevolzhskii Philological Bulletin, 3(22), 147–155. (In Russ.)
13. Ogneva, E. A. (2019). Kontsepty-dominanty kak informativnye konstrukty tekstovykh mirov = Dominant concepts as informative constructs of text worlds. Moscow: Editus. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Грищева Валентина Вячеславовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grishcheva Valentina Vyacheslavovna

PhD (Philology)

Associate professor of the Department of English Stylistics

Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

14.05.2025
02.06.2025
14.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Политический плакат как форма взаимодействия между обществом и властью: визуальная и вербальная составляющие

Д. Ю. Гулинов¹, Э. Э. Гайбалиева²

^{1,2}Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹satellite74@yandex.ru

²gaibalieva.eva@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – анализ визуальной и вербальной составляющих политических плакатов, характерных для медиаурбанистического пространства Франции в период предвыборной президентской кампании 2022 года. Материалом для исследования послужили политические плакаты, выпущенные французским брендом «Ziggi». При работе с языковым материалом применялись методы сплошной и целенаправленной выборки и дефиниционного анализа, а также элементы дискурс-анализа. Вербальная составляющая проанализированных плакатов носит лояльный характер, что способствует диалогу между обществом и властью. Кроме того, авторы плакатов используют аллюзии и языковую игру для достижения комического эффекта.

Ключевые слова: политический дискурс, политический текст, политический плакат, креолизованный текст, медиаурбанистика

Для цитирования: Гулинов Д. Ю., Гайбалиева Э. Э. Политический плакат как форма взаимодействия между обществом и властью: визуальная и вербальная составляющие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 40–46.

Original article

Political Poster as a Form of Interaction Between Society and Power: Visual and Verbal Components

Dmitriy Yu. Gulinov¹, Evelina E. Gaibalieva²

^{1,2}Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

¹satellite74@yandex.ru

²gaibalieva.eva@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to analyze the visual and verbal components of political posters typical of the media urban space of France during the presidential election campaign of 2022. The research material includes political posters produced by the French brand Ziggi. The following research methods were used: the continuous sampling method, the method of purposive sampling, the method of definitional analysis, elements of discourse analysis. It was found that the verbal component of the analyzed posters is loyal, which contributes to the dialogue between society and the authorities. In addition, the authors use allusions and language play to attain a comic effect.

Keywords: political discourse, political text, political poster, creolized text, media urbanism

For citation: Gulinov, D. Yu., Gaibalieva, E. E. (2025). Political poster as a form of interaction between society and power: visual and verbal components. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 40–46. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В лингвистическом поле широкое распространение получают исследования манипулятивных стратегий и тактик в выступлениях политических деятелей. Манипулятивные модели общения наблюдаются как в межличностной коммуникации политиков, так и в коммуникации власти с народом. Безусловно, эксплуатация манипулятивных стратегий тесно связана с легитимацией власти, однако подобная коммуникация не только не благоприятствует развитию кооперации, но и противоречит инициальной идее выстраивания диалога между властью и обществом [Гулинов, Федоров, 2024].

Весомый вклад в становление взаимоотношений между властью и обществом вносят средства массовой информации. Неоспорим тот факт, что с появлением электронных СМИ степень опосредованности взаимоотношений в связке власть – общество значительно снизилась, однако данная система сотрудничества на сегодняшний день развита не в полной мере и требует отдельного изучения. Вышесказанное подтверждает актуальность предпринятого исследования.

Реальность такова, что для органов власти различные медиаресурсы становятся площадками для трансляции четко отфильтрованной информации, а также действенным инструментом при формировании определенного политического имиджа. Кроме того, опыт последнего десятилетия ярко демонстрирует суггестивный потенциал СМИ, который в наибольшей степени реализуется в таких феноменах, как фальшивые новости (fake news) или же поддельное аудио- или видеоизображение (deep fake) [Желтухина, Бородин, 2015].

Тем не менее общественность испытывает острую потребность в выражении своей позиции по отношению к социально важным вопросам и высказывает свое мнение о правящих элитах или принятых ими решениях, будь то посредством медиаплощадок или же, напротив, прибегая к более традиционным способам.

Научная новизна настоящего исследования заключается в уточнении роли политического плаката как формы диалога между обществом и властью, а также в анализе визуальной и вербальной составляющих политических плакатов, характерных для медиаурбанистического пространства Франции в период предвыборной президентской кампании 2022 года.

Среди ученых, которые внесли определенный вклад в изучение политического текста и политического плаката, нужно отметить прежде всего работы А. Г. Алтуняна, Е. Е. Анисимовой, Ю. М. Лотмана, Т. С. Магеры, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал [Алтунян,

2006; Анисимова, 2004; Лотман, 1999; Магера, 2006; Чудинов, 2001; Шейгал, 2000].

Поставленная цель достигается нами путем решения следующих задач:

- изучить смежные понятия политического плаката и политического текста;
- уточнить роль политического плаката как формы диалога между обществом и властью;
- описать приемы визуализации политической информации, изображенной на плакате;
- выявить способы достижения комического эффекта политического плаката.

Практическая ценность данной работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в вузовском образовательном процессе, например, в курсах стилистики и политической лингвистики.

Корпус практического материала исследования составили французские политические плакаты 2022 и 2023 годов в количестве 23 единиц, которые были отобраны методом сплошной выборки. Среди них были выделены агитационные плакаты, подготовленные для кандидатов на президентский пост, и политические плакаты, адресованные электорату.

В данном исследовании анализируются 4 плаката французской компании «Ziggy»¹, увидевшие свет в 2022 году в период предвыборной президентской кампании во Франции (см. рис. 1–4). «Ziggy» специализируется на производстве корма для животных. Она предложила политические плакаты с аллюзиями как на известных французских политиков, так и на некоторые политические события.

Полагаем, что полученные результаты не являются окончательными, поскольку могут послужить перспективой для дальнейшего исследования, связанного, например, с изучением воздействующего потенциала политических плакатов.

На различных этапах работы нами применялись следующие методы:

- методы сплошной и целенаправленной выборки для сбора фактического материала;
- метод дефиниционного анализа для исследования ключевых терминов;
- элементы дискурс-анализа для выявления визуальной и вербальной составляющих политических плакатов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИСКУССИЯ

В современной политической лингвистике особое внимание уделяется изучению политических плакатов. Первые политические плакаты датируются

¹URL: <https://ziggyfamily.com/pages/campagne-felinentielle> (дата обращения: 10.04.2025).

XIX веком. Слово плакат имеет неоднозначную этимологию: данное слово пришло из немецкого языка в конце XVII – начале XVIII века. Бытует мнение о том, что впервые термин появился в XVI веке в Нидерландах, а его происхождение связывают с глаголом *plaken* – *приклеивать* [Вальтер, 2016]. Так, например, в период нидерландской буржуазной революции, сочетавшей антииспанскую национально-освободительную борьбу с борьбой против феодального режима, голландцы размещали на стенах домов соответствующие пропагандистские листовки, именуемые *plakatten*.

Немецкий термин, в свою очередь, образовался от французского *placard* – *объявление, афиша*¹. В толковом словаре С. И. Ожегова зафиксировано следующее определение:

ПЛАКАТ, -а, м. Настенный лист крупный рисунок с пояснительным агитационным, рекламным или учебным текстом².

Политический плакат тесно связан с исследованием политического текста, который Ю. Б. Феденевой определяется как «законченное речевое произведение политической коммуникации, формой реализации которого является политический дискурс» [Феденева, 1998, с. 43].

Кроме того, исследователи сходятся во мнении, что одна из основных функций политического текста – воздействие. В борьбе за власть правящие элиты стремятся не только удержать внимание электората, но и оказать не прямое влияние на общественное сознание.

Так, Т. С. Магера отмечает: «политические тексты – это тексты, обладающие определенной интенцией, под которой понимается общая установка, направленность текста на достижение того или иного результата» [Магера, 2005, с. 24].

Х. Вальтер, в свою очередь, указывает на воздействующую функцию плаката, «текст которого должен привлекать внимание и вызывать интерес, активизировать восприятие, нацеливать в нужном направлении сознание и волю к действию. Плакат стремится к изменению действительности. Это стремление заложено внутри самой структуры» [Вальтер, 2016, с. 145].

Политический текст находит отражение в определенных жанровых разновидностях креолизованного текста. На данный момент среди ученых, занимающихся креолизованными текстами, нет единодушия по вопросу дефиниции. Более того, отличаются не только сами определения, но и терминология: креолизованный, поликодовый, видеовербальный тексты.

¹URL: <https://lexicography.online> (дата обращения: 10.04.2025).

²URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).

В данном исследовании мы придерживаемся мнения Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова, которые используют термин «креолизованный текст» и дают ему следующее определение: «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам)» [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 180].

Среди жанровых разновидностей креолизованного текста политического дискурса стоит отметить политический плакат, политическую карикатуру, агитационную листовку и др.

Как было указано ранее, в центре внимания нашего исследования находится политический плакат. Политический плакат содержит вербальный компонент (сообщение, передаваемое в краткой, но емкой форме) и визуальную составляющую. Стоит отметить, что в большинстве случаев визуализация информации занимает доминирующую позицию, а вербальный компонент применяется для усиления уже имеющегося воздействующего эффекта. Это объясняется тем, что политический плакат, являясь частью медиаурбанистического пространства, находится в открытом доступе для людей и воспринимается как нечто естественное, присущее городской среде.

В нашем исследовании мы опираемся на определение политического плаката, предложенного Х. Вальтером, который трактует его как «коммуникацию посредством визуального образа и слова» [Вальтер, 2016, с. 1].

План выражения и план содержания политического плаката не универсальны и варьируются от случая к случаю как с точки зрения вербальной, так и невербальной составляющих.

Говоря о визуальной стороне политического плаката, стоит отметить широкое употребление разнообразной цветовой и графической организации текстов. Авторы плакатов часто используют смелые цветовые решения, что позволяет привлечь и удержать внимание целевой аудитории. Вербальная составляющая плакатов также обладает рядом характерных признаков, среди которых смысловая наполненность, краткость, экспрессивность, емкость. Нередко в текстах кроются аллюзии на значимых людей или же события уже прошедших лет, которые могут быть релевантны социальному фону в данный момент. К тому же, в текстах политических плакатов всегда отражаются происходящие политические события.

Политические плакаты используются обоими агентами процесса, как государственными деятелями, например, в период предвыборной кампании, так и гражданами, в качестве ответной реакции на то или иное событие государственного масштаба.

Существует несколько форм участия граждан в решении проблем государственного уровня. И. В. Тепляшин утверждает в этой связи, что «основываясь на политической и конституционно-правовой практике, можно обозначить три группы таких форм: классические, перспективные и допустимые» [Тепляшин, 2017, с. 11]. В соответствии с данной точкой зрения, политический плакат – одна из классических форм проявления гражданской вовлеченности в решение проблем государственного уровня.

Особый интерес во Франции проявляется к политическим плакатам периода очередной предвыборной президентской кампании.

Пока потенциальные кандидаты пытаются продвинуть свои кандидатуры на пост главы республики, готовились к предстоящим дебатам и выступали перед электоратом с предвыборными речами, французская компания «Ziggy», специализирующаяся на производстве кошачьего корма, предложила оригинальное решение в отношении нового формирующегося состава руководства страны.

Представленные ниже политические плакаты в значительной степени отличаются от тех, что мы привыкли видеть. Учитывая специфику компании-производителя, стоит отметить и рекламный потенциал данных изображений.

В качестве визуальной составляющей авторы решили поместить на плакаты самых ярких представителей своей целевой аудитории, а именно: котов, одетых в классические костюмы, как и диктуют каноны протокольного дресс-кода. Особенность данных плакатов заключается не только в визуальной, но и в текстовой составляющей.

На рисунке 1 плакат с текстовым сопровождением «La République en sieste!»¹ – «Республика на сиесте»². В данном случае мы видим прямую отсылку к прежнему названию политической партии «Renaissance». (До 5 мая 2022 года партия носила название «La République en Marche!» – «Вперед, Республика!»)

Эмманюэль Макрон – действующий президент Франции был одним из самых инициативных кандидатов на президентский пост. С первого дня своего появления на политической арене он воспринимался общественностью как политик-акселератор. Стремительное развитие политических процессов во всех важных сферах и широкий охват деятельности – отличительные признаки, иллюстрирующие личный стиль правления Э. Макрона. Именно по этой причине авторы плаката модифицируют амбициозное название партии нынешнего президента, добавляя в него более инертный характер. Кроме того, характер президента и его стиль правления явно зафиксированы авторами и в визуальной составляющей плаката. Обратим внимание на внешний вид кота. Привычный костюмный ансамбль переосмысливается с точки зрения амбициозности, склонности к инновациям и нонконформизму Э. Макрона и заменяется на более расслабленный, современный вариант.

В другом примере (рис. 2) политического плаката с котом-кандидатом содержится аллюзия на экс-президента Франции Франсуа Олланда.

22 января 2012 года президент от Социалистической партии выступил со своей предвыборной

¹URL: <https://ziggyfamily.com/pages/campagne-felinentielle> (дата обращения: 10.04.2025).

²Здесь и далее перевод наш. – Д. Г., Э. Г.

Рис. 1

Рис. 2

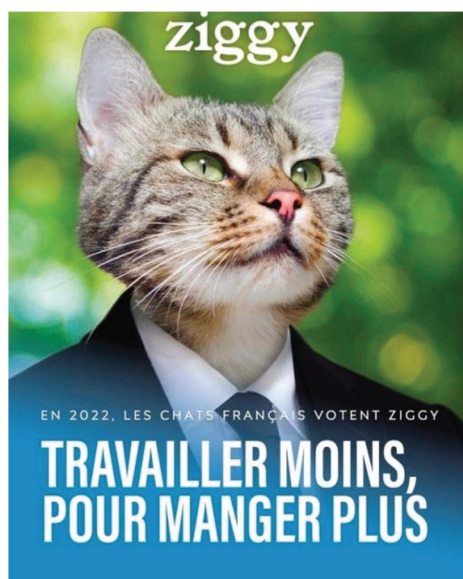

Рис. 3

Рис. 4

программой под названием «Le changement – c'est maintenant».¹ – «Перемены – это сейчас». Обнадеживающий лозунг и 60 обещаний, сделанных политиком, обеспечили ему убедительную победу. Вместе с тем его правление не увенчалось успехом и в первые 100 дней после инаугурации Ф. Олланд стал самым непопулярным президентом.

Компания «Ziggy», в свою очередь, тоже предлагает весьма перспективный внутриполитический курс: «Le changement d'alimentation c'est maintenant». – «Перемены в рационе – это сейчас». Сам же плакат похож на предвыборный плакат Ф. Олланда: поза, устремленный влево взгляд и строгий дресс-код.

На рисунке 3 известный лозунг, модифицированный авторами плаката, а также внешний вид потенциального кандидата отсылает нас к правлению Николя Саркози. Авторы постарались в точности повторить предвыборный плакат политика. В своей версии они учли не только официальный стиль, но и повторили расположение и позу потенциального кандидата.

Николя Саркози, возглавлявший страну с 2007 по 2012 год, в своей предвыборной программе предлагал модернизации, реформы и курс на обновление. Его имя нередко ассоциируют с радикальными реформами, активным сторонником которых он был во время президентского правления.

«Travailler plus, pour gagner plus».² – «Больше работать, чтобы больше получать» – главный

политический лозунг Н. Саркози, который определил вектор проводимой им политики. Лидер неоголлистов называл 35-часовую рабочую неделю главной причиной социально-экономического кризиса и выступал против сокращения рабочей недели, однако подобные заявления вызвали огромную волну социального негодования. К тому же отголоски того общественного порицания слышны до сих пор. Альтернативный вариант выхода из кризисных ситуаций государственного масштаба предлагают представители компании Ziggy – «Travailler moins, pour manger plus». – «Работать меньше, чтобы есть больше».

Еще один пример (рис. 4) отсылает нас к событиям политического характера, произошедшим в мае 1968 года.

В данном случае речь идет о французском протестном движении, развернувшимся во время второго президентского срока Шарля Де Голля. Дух свободы и революции прошел красной нитью по Франции. Национальным союзом студентов Франции была организована серия протестных забастовок в борьбе за свои права. Один из часто употребляемых лозунгов «Sous les pavés, la plage!»³ – «Под булыжниками мостовой – пляж!» Массовые стычки с полицией переросли в построение баррикад, а брусчатка разбиралась на булыжники, которые использовались в качестве оружия. Авторы плаката решили напомнить о важности демократического режима для французского народа, однако фраза данного политического плаката, безусловно, вызвала и комический эффект, поскольку слово *la*

¹URL: <https://ziggyfamily.com/pages/campagne-felinentielle> (дата обращения: 10.04.2025).

²URL: <https://ziggyfamily.com/pages/campagne-felinentielle> (дата обращения: 10.04.2025).

³URL: <https://ziggyfamily.com/pages/campagne-felinentielle> (дата обращения: 10.04.2025).

plage (пляж) из оригинальной фразы заменено на лексему *la litière* (кошачий наполнитель). Это может интерпретироваться следующим образом: не только сами французы, но и французские коты готовы бороться за свои права и свободы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что политический плакат смежен с понятием политического текста. Однако отличительной особенностью политического плаката является наличие как вербальной, так и визуальной составляющей.

Рассмотренные в рамках настоящего исследования примеры в полной мере иллюстрируют попытку французского общества выстроить диалог с властью, а также привлечь внимание к тем вопросам государственного уровня, которые вызывают определенные волнения внутри общества.

Стоит также отметить, что вербальная составляющая проанализированных плакатов организована в достаточно лояльной форме. Авторы плакатов грамотно используют возможность визуализации важной политической информации, а также прибегают к аллюзиям и языковой игре, за счет которых достигается комический эффект.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гулинов Д. Ю., Федоров Ф. Д. Реализация стратегий вежливости и невежливости в испаноязычном политическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. 2023. № 3 (03). С. 25–30.
2. Желтухина М. Р., Бородин С. Н. Стратегии и тактики реализации слухов в иноязычных СМИ и прагматический аспект их взаимодействия // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. 2015. № 1 (96). С. 132–139.
3. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов. М.: Логос, 2006.
4. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999.
6. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.
7. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / РАН Ин-т языкознания, Волгоградский государственный педагогический университет. М. ; Волгоград: Перемена, 2000.
9. Вальтер Х. Политический плакат – зеркало своего времени // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53), 143–149.
10. Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
11. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180–186.
12. Тепляшин И. В. Формы участия граждан в управлении делами государства: классические, перспективные и допустимые // Информационная подборка материалов на основе ресурсов Управления библиотечных фондов (Парламентской библиотеки). 2017. С. 11–15.

REFERENCES

1. Gulinov, D. Yu., Fedorov, F. D. (2023). Realization of politeness and impoliteness strategies and impoliteness in Spanish-language political discourse. Izvestiya of Volgograd state socio-pedagogical university, 3(03), 25–30. (In Russ.)
2. Zheltukhina, M. R., Borodina, S. N. (2015). Strategies and tactics of rumor realization in foreign-language media and pragmatic aspect of their interaction. Izvestiya of Volgograd state socio-pedagogical university, 1(96), 132–139. (In Russ.)
3. Altyunyan, A. G. (2006). Analiz politicheskikh tekstov = Political text analysis. Moscow: Logos. (In Russ.)
4. Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) = Text linguistics and intercultural communication. Moscow: Academia. (In Russ.)

5. Lotman, Yu. M. (1999). Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya = Inside thinking worlds. Human – Text – Semiosphere – History. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
6. Magera, T. S. (2006). Tekst politicheskogo plakata: lingvoritoricheskoe modelirovanie (na materiale regional'nykh predvybornykh plakatov) = The text of the political poster: linguistic modeling (on the material of regional election posters): PhD thesis in Philology. Barnaul. (In Russ.)
7. Chudinov, A. P. (2003). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory = Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor. Ekaterinburg. (In Russ.)
8. Sheigal, E. I. (2000). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moscow; Volgograd: Peremena. (In Russ.)
9. Walter, H. (2016). A political poster is a mirror of its time. Journal of Historical, Philological and Cultural Studies, 3(53), 143–149. (In Russ.)
10. Fedeneva, Yu. B. (1998). Modeliruyushchaya funktsiya metafory v agitatsionno-politicheskikh tekstakh 90-kh gg. XX veka = The modeling function of metaphor in the propaganda and political texts of the 90s of the XX century: PhD thesis in Philology. Ekaterinburg. (In Russ.)
11. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya. Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya = Creolized texts and their communicative function. Optimization of speech impact. Moscow. (In Russ.)
12. Tepljashin, I. V. (2017). Formy uchastiya grazhdan v upravlenii delami gosudarstva: klassicheskie, perspektivnye i dopustimye. Informatsionnaya podborka materialov na osnove resursov Upravleniya biblioteknykh fondov (Parlamentskoi biblioteki) = Forms of citizen participation in the management of State affairs: classical, promising and acceptable. Information selection of materials based on the resources of the Department of Library Collections (Parliamentary Library), 11–15. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гулинов Дмитрий Юрьевич

доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой романской филологии
Волгоградского государственного социально-педагогического университета

Гайбалиева Эвелина Эльшановна

ассистент кафедры романской филологии
Волгоградского государственного социально-педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gulinov Dmitry Yurievich

Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Romance Philology
Volgograd State Socio-Pedagogical University

Gaibalieva Evelina Elshanovna

Assistant Professor of the Department of Romance Philology
Volgograd State Socio-Pedagogical University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.05.2025
06.06.2025
14.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Лингвистический статус письменной фиксации специфических для сообщества глухих лексических единиц русского жестового языка

А. В. Жадан¹, В. Л. Соколова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹anna.valerevna.rsl@gmail.com

²sokolova_mglu@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – определить особенности и лингвистический статус специфических лексических единиц, являющихся средством письменной фиксации русского жестового языка. В ходе исследования использовались методы анкетирования и сплошной выборки, метод лингвистического анализа, метод экстралингвистического анализа и метод комплексного дискурсивного анализа. Материалом исследования послужили примеры, собранные в результате анкетирования глухих и слабослышащих респондентов, а также тексты, написанные носителями русского жестового языка. Результаты исследования позволили ответить на вопрос, являются ли специфические лексические единицы русского жестового языка языковыми заимствованиями или проявлениями письменной формы русского жестового языка.

Ключевые слова: специфические лексические единицы русского жестового языка, калькирующая жестовая речь, письменная форма русского жестового языка, маусинг, видимая артикуляция, немануальный компонент

Для цитирования: Жадан А. В., Соколова В. Л. Лингвистический статус письменной фиксации специфических для сообщества глухих лексических единиц русского жестового языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 47–52.

Original article

Linguistic Status of the Written Record of Russian Sign Language Units Specific to the Deaf Community

Anna V. Zhadan¹, Vera L. Sokolova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹anna.valerevna.rsl@gmail.com

²sokolova_mglu@mail.ru

Abstract. The aim of this research is identifying the peculiarities and the linguistic status of the specific lexical units of Russian Sign Language used for recording Russian Sign Language signs. Among the methods used in the research are the following: questionnaire survey, convenience sampling, linguistic analysis, extralinguistic analysis, complex discourse analysis. The research material includes examples collected in the course of the survey of Deaf and Hard of Hearing respondents, as well as the texts written by the native signers of Russian Sign Language. The research findings enabled the authors to answer the question whether the specific lexical units of Russian Sign Language should be treated as language borrowings or as elements of the written form of Russian Sign Language.

Keywords: specific language units of Russian Sign Language, Russian Signed Language, written form of Russian Sign Language, mouthing, visible articulation, non-manual component

For citation: Zhadan, A. V., Sokolova, V. L. (2025). Linguistic status of the written record of Russian sign language units specific to the Deaf community. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 47–52. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, когда жестовые языки официально признаны полноценными лингвистическими системами во многих странах, в научных исследованиях их взаимодействие со звучащими языками рассматривается только в одном направлении, связанном с влиянием звучащих языков на жестовые. В частности, применительно к русскому жестовому языку (РЖЯ) выделяется калькирующая жестовая речь (КЖР), которая существует параллельно с национальным жестовым языком и, как отмечают С. И. Буркова, В. И. Киммельман и другие ученые, «отражает грамматические и семантические особенности русского звукового¹ языка»² [Введение в лингвистику жестовых языков, 2019, с. 79]. В то же время заимствования из языков кинетической модальности, к которым относится русский жестовый язык, на данный момент, насколько нам известно, не получали освещения в лингвистических исследованиях.

В связи с тем, что взаимодействие сосуществующих бок о бок языков, как правило, носит двусторонний характер, представляется целесообразным и актуальным рассмотреть возможность взаимопроникновения элементов русского жестового языка в русский звучащий язык. Для установления данной возможности в настоящем исследовании представляется уместным рассмотреть случаи письменной фиксации языковых средств русского жестового языка в письменной коммуникации носителей культуры глухих средствами русского языка.

В исследовании были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить специфические лексические единицы РЖЯ, имеющие письменную фиксацию на русском языке, с применением методов анкетирования и сплошной выборки, для использования их в качестве материала исследования;
- 2) классифицировать с помощью метода лингвистического анализа материал исследования в зависимости от предположительных особенностей мотивации фиксируемых на письме элементов РЖЯ;
- 3) выявить экстралингвистические факторы, сопутствующие употреблению специфических лексических единиц в материале исследования;
- 4) сделать выводы, являются ли определенные специфические лексические единицы РЖЯ

заимствованиями в письменной форме русского звучащего языка или представляют собой письменную фиксацию РЖЯ, распространенную в сообществе глухих.

Таким образом, новизна настоящей работы состоит в том, что в ней впервые рассматривается взаимодействие письменной формы РЖЯ с письменной формой русского звучащего языка и выявляются особенности и статус этого взаимодействия, что впоследствии могло бы быть использовано при изучении как лингвистических тенденций в рамках РЖЯ, так и его взаимодействия с русским звучащим языком.

Методологическую базу данного исследования составили работы С. И. Бурковой, рассматривающей КЖР как сосуществующую в сообществе глухих параллельно с русским жестовым языком [Буркова, 2015]; Р. Саттон-Спенс и Л. Дэй, обращающихся к исследованию роли артикуляции (или так называемого маусинга³) в жестовых языках на примере британского жестового языка [Sutton-Spence, Day, 2001]; М. А. Сальковой, рассматривающей немануальный компонент в инициализированных жестах РЖЯ [Салькова, 2024], а также наша предшествующая работа, посвященная особенностям коммуникации глухих в интернете [Жадан, 2022].

Материалом исследования послужили 315 примеров, собранных в результате анкетирования 120 респондентов, принадлежащих к сообществу глухих, и 220 текстов, написанных также носителями русского жестового языка с использованием русского языка, 80 % которых были скриншотами сообщений в мессенджерах и интернет-ресурсах, используемых в сообществе глухих. В общей сложности объем материала исследования составил 535 единиц.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования использовались лексические единицы русского жестового языка, имеющие письменную фиксацию на русском языке и именуемые в нашем предыдущем исследовании специфическими лексическими единицами (СЛЕ) РЖЯ [Жадан, 2022]. Характерной особенностью всех этих специфических лексических единиц является то, что они фиксируют видимую артикуляцию, сопровождающую исполнение жеста, именуемую также маусингом (в частности, в работах М. В. Кюевой [Кюева, 2017; Кюева, 2019]) и могут иметь письменную форму. При этом данный немануальный компонент не совпадает или не полностью совпадает со словарным

¹В своей работе мы придерживаемся термина «звучащий», а не «звуковой» язык. – А. Ж., В. С.

²Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: учебник / ред. С. И. Буркова, В. И. Киммельман. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2019.

³От *англ.* mouth (pot).

значением жеста, который он сопровождает, например, фиксируемый на письме немануальный компонент ба сопровождает жест ПРОГУЛЯТЬ, а немануальный компонент лобз сопровождает жест МАСТЕРСКИ / ИСКУСНО. Несмотря на то, что немануальные компоненты жестов ранее рассматривались в лингвистических исследованиях [Салькова 2024; Sutton-Spence, Day, 2001], вопрос их письменной фиксации впервые поднимался в нашей работе, посвященной особенностям интернет-коммуникации в сообществе глухих [Жадан, 2022], и в настоящем исследовании впервые освещается подробно.

КЛАССИФИКАЦИЯ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОСОБЕННОСТЕЙ ИХ МОТИВАЦИИ

После сбора материала исследования в количестве 535 единиц была проведена его классификация в зависимости от особенностей мотивации рассматриваемых СЛЕ. Таких особенностей было выявлено пять: наличие связи с русским звучащим языком; наличие связи с английским звучащим языком; наличие омонотопической мотивации; соотнесенность с соответствующей спонтанной невербальной реакцией; отсутствие или незначительная степень очевидной связи со звучащими языками и наличие характеристик, отличающих визуальную модальность, что обусловило деление материала исследования на пять групп:

- СЛЕ, имеющие видимую связь с русским звучащим языком;
- СЛЕ, имеющие видимую связь с английским звучащим языком;
- СЛЕ, имеющие омонотопическую мотивацию;
- СЛЕ, предположительно произошедшие от спонтанной невербальной реакции;
- СЛЕ, не имеющие очевидной связи со звучащими языками или демонстрирующие наличие характеристик, отличающих визуальную модальность.

Каждая из выделенных групп была впоследствии рассмотрена подробнее, с анализом наиболее репрезентативных входящих в нее примеров.

Специфические лексические единицы, имеющие видимую связь с русским звучащим языком

В данную группу вошли как специфические лексические единицы, в значительной мере аналогичные по написанию соответствующим лексическим единицам русского языка (например, *пас*), так и СЛЕ, письменная фиксация которых представляет собой

сокращенное или измененное написание соответствующих лексем русского языка (*вонуц, возмуц*).

Среди наиболее репрезентативных и наиболее часто встречающихся в исследованном материале СЛЕ, принадлежащих к данной группе, представляются следующие:

- 1) СЛЕ *пас* соответствует жесту НЕ МОЧЬ / СДАТСЯ / НЕ ИМЕТЬ ВОЗМОЖНОСТИ. Видимая артикуляция этой СЛЕ – *пас*. Варианты написания: *пас, пась*. Например:

Н. сможет заехать [за этим]? Если *пас*, то не нужно. (пер. Если не сможет, то не нужно¹.)

Если *пась*, то зум. (пер. Если это проблематично, то давай обсудим это в зуме.)

Полагаем, что видимая артикуляция данной СЛЕ (*пас*), сопровождающая соответствующий жест РЖЯ, может быть заимствованием от *пас* (т. е. *пасовать*) в звучащем русском языке;

- 2) СЛЕ *вонуц*, имеющая видимую артикуляцию *вонуц* и вариант написания *возмуц*, соотносится с жестом русского жестового языка БЫТЬ НЕДОВОЛЬНЫМ / ВОЗМУЩАТЬСЯ. Например:

Почему не сообщила? Я *вонуц*.

(пер. Почему не сообщила? Я возмущена.)

В исследованном материале группа СЛЕ, имеющих видимую связь с русским звучащим языком, составляет 13 % от всех рассмотренных СЛЕ.

Специфические лексические единицы, имеющие видимую связь с английским звучащим языком

СЛЕ РЖЯ, входящие в данную группу, либо прямо, либо опосредованно (через молодежный сленг) были заимствованы из английского языка.

Наиболее репрезентативным примером, принадлежащим к рассматриваемой группе, представляется СЛЕ *алл* (вариант написания – *all*), имеющая соответствующую видимую артикуляцию и значение «наличие всего необходимого / всё включено / всё есть». Пример использования СЛЕ *алл*:

В «Садовое» всё *алл*!

(пер. В магазине «Садовое» есть много всего!)

В материале исследования СЛЕ, имеющие видимую связь с английским звучащим языком, составили 4 % от общего числа рассмотренных примеров.

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Ж., В. С.

Специфические лексические единицы, имеющие омонотопическую мотивацию

В рассмотренном материале СЛЕ, имеющие омонотопическую (звукоподражательную) мотивацию, представлены такими СЛЕ, как *жжж*. СЛЕ *жжж* (вариант написания *жж*) имитирует жужжание быстро передвигающегося насекомого или быстро работающего механизма, сопровождается видимой артикуляцией *жжж* и соответствует жесту РЖЯ БЫТЬ В ПРЕДВКУШЕНИИ / БЫТЬ В РАДОСТНОМ НАСТРОЕНИИ. Например:

Я буду *жжж*, если вы чуток помогать будете (*пер.* Я буду *очень рад*, если вы немного мне поможете.)

СЛЕ, носящие звукоподражательный характер, составили 2 % от всех рассмотренных в ходе исследования примеров.

Специфические лексические единицы, предположительно произошедшие от спонтанной невербальной реакции

СЛЕ, отнесенные к данной группе, предположительно произошли от спонтанной невербальной реакции, носящей положительный или отрицательный характер. Полагаем, что наглядным примером положительной реакции является СЛЕ *паф*, а отрицательной реакции – СЛЕ *ыз*:

СЛЕ *паф* имеет видимую артикуляцию *паф* и один вариант написания. Соответствует жесту русского жестового языка ЗДОРОВО / ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ. Пример употребления:

Платье *паф*. (*пер.* Платье *замечательное*.)

В проведенном нами исследовании СЛЕ *паф* употреблялась преимущественно носителями русского жестового языка старше 45 лет. Синоним СЛЕ *паф* – СЛЕ *лобз*, имеющая аналогичное значение и отнесенная к группе «Специфические лексические единицы, не имеющие очевидной связи со звучащими языками...», употреблялась информантами в возрасте до 30 лет. Предположительно СЛЕ *паф* произошла от спонтанной невербальной реакции выражения одобрения и восхищения.

СЛЕ *ыз*, имеющая соответствующую видимую артикуляцию, соотносится с жестом русского жестового языка НЕ БЫТЬ НАСТРОЕННЫМ НА (что-то) / УКЛОНЯТЬСЯ. Пример:

Я сегодня *ыз*. (*пер.* Я сегодня на это *не настроен*.)

Предположительно данная специфическая лексическая единица произошла от невербальной

реакции, выражающей нежелание или отказ что-либо делать.

В материале исследования СЛЕ, предположительно произошедшие от соответствующей невербальной реакции, составили 5 % от всех рассмотренных примеров.

Специфические лексические единицы, не имеющие очевидной связи со звучащими языками или демонстрирующие наличие характеристик, отличающих визуальную модальность

Эта группа СЛЕ в данном исследовании оказалась наиболее многочисленной и разнообразной, в связи с чем представляется уместным рассмотреть подробнее несколько из отнесенных к ней примеров:

СЛЕ *вьвь* имеет соответствующую видимую артикуляцию и один вариант написания и соотносится с жестом русского жестового языка НАБЛЮДАТЬ / ИМЕТЬ МНОГО ИНТЕРЕСНЫХ МЫСЛЕЙ. Примеры употребления:

Помню вместе *вьвь*. (*пер.* Помню, как мы вместе это *наблюдали*.)

Явных связей данной СЛЕ со звучащими языками не выявлено. Предположительно СЛЕ *вьвь* могла стать результатом сокращения от русского *видеть*, однако очевидным это не представляется.

СЛЕ *лобз* соответствует жесту ПРИВЛЕКАТЕЛЬНО / СТИЛЬНО / МАСТЕРСКИ. Зафиксированы варианты написания *лобыш*, *лобс*, *лобз*, среди которых *лобз* использовалось в материале исследования чаще других. Пример использования:

Будет *лобз*, если удастся с ней поговорить. (*пер.* Будет *круто*, если удастся с ней поговорить.)

Явных связей данной СЛЕ со звучащими языками не выявлено.

По нашим наблюдениям, у СЛЕ *лобз*, употребляемой, как показало проведенное в процессе исследования анкетирование, преимущественно глухими билингвами моложе 30 лет, имеется синоним *паф*, используемый носителями РЖЯ старше 45 лет и отнесенный в соответствии с данной классификацией к СЛЕ, предположительно произошедшим от спонтанной невербальной реакции.

СЛЕ *мым* соответствует жесту ОБСУДИТЬ / ОБМЕНЯТЬСЯ МНЕНИЯМИ. Видимая артикуляция, сопровождающая этот жест: *ммысь*, *мым*, *ме ме*. Например:

Доклад мы к пятнице попробуем подготовить и с тобой *мым*. (*пер.* Доклад мы к пятнице попробуем подготовить и с тобой *обсудим это*.)

Я и N. план. Но если можно ба – ммысь как? (пер. Мы с N. планируем это сделать. Но, если можно, прогулять. Как ты думаешь?)

Подтвержденных связей данной СЛЕ со звучащими языками не выявлено. Предположительно СЛЕ *мым* может быть связана с вопросительной вокализацией, употребляемой слышащими в вопросах, например:

Что ты об этом думаешь? Мм?¹

Тем не менее достоверных подтверждений этого предположения нет.

СЛЕ *фе фе* соответствует жесту ПО-ПРЕЖНЕМУ. Возможные варианты написания: *фэ фэ, фе фе* (через пробел или без него). Например:

N. сказала *фefe* в 10:30. (пер. N. сказала, [что мероприятие] *по-прежнему* в 10:30.)

СЛЕ *ез*, имеющая соответствующую видимую артикуляцию, соотносится с жестом РЖЯ БЫТЬ БЕ-СТОЛКОВЫМ. Примечательно, что прямой связи СЛЕ *ез* с устойчивым сочетанием русского звучащего языка *ежу понятно* не выявлено. При этом данная специфическая лексическая единица изменяется по правилам русского языка, приобретая окончание существительного в творительном падеже:

Пас притворяться быть *езом*. (пер. Не буду притворяться *бестолковым*.)

СЛЕ *иса* также нередко встречается в письменной коммуникации сообщества глухих и была репрезентативно представлена в исследованном материале, однако в отличие от других рассмотренных выше СЛЕ РЖЯ, отнесенных к данной группе, *иса* редко артикулируется, а преимущественно дактилируется с помощью дактильных букв *И, С* и *А*. При этом *иса* не соотносится ни с одной лексической единицей русского языка, поскольку представляет собой блэнд из жеста РАЗГОВОР, передаваемого с помощью дактильной *И*, и жеста СКУЧНО, в процессе исполнения которого осуществляется переход рабочей руки из конфигурации *С* в конфигурацию *А* и который иконично представляет закрывающиеся от скуки глаза. Таким образом, СЛЕ *иса* стала письменной фиксацией иконичного жеста РЖЯ и наглядно соотносится с его визуальной модальностью.

В ходе своего исследования мы намеренно не отделяли СЛЕ, не имеющие очевидной связи со

звучащими языками, от СЛЕ, демонстрирующих наличие характеристик, отличающих визуальную модальность РЖЯ, поскольку, возможно, дальнейшие научные работы в данном направлении выявят большую степень связи между примерами, вошедшими в данную группу, и визуальной модальностью, характеризующую жестовые языки. В общей сложности материал исследования, отнесенный к рассматриваемой группе СЛЕ, составил 76 % от всех рассмотренных примеров.

Экстралингвистические факторы, сопутствующие употреблению специфических лексических единиц

Среди экстралингвистических факторов, релевантных для данного исследования, предоставляется прежде всего информация о принадлежности респондентов к сообществу глухих и их языковые навыки: все 120 опрошенных в ходе исследования респондента были либо глухими, либо слабослышащими и владели как РЖЯ, так и письменным русским языком. Авторы рассмотренных в ходе исследования 220 текстов также принадлежали к сообществу глухих и использовали письменный русский язык для общения в мессенджерах. Отметим, что, насколько нам известно, именно необходимость общения в интернете в случаях, когда выслать видеосообщение не представлялось возможным, заставила глухих и слабослышащих обратиться к письменной фиксации жестов РЖЯ.

Полагаем, что настоящие экстралингвистические факторы, сопутствующие употреблению специфических лексических единиц РЖЯ, в частности тот факт, что они используются членами сообщества глухих для письменной фиксации жестов РЖЯ, могут свидетельствовать о том, что рассмотренные специфические лексические единицы целесообразно считать проявлениями письменной формы РЖЯ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате комплексного исследования СЛЕ РЖЯ, представляющих собой письменную фиксацию некоторых жестов русского жестового языка, был сделан вывод о том, что рассматриваемые лексические единицы являются не столько заимствованиями в русском языке из РЖЯ, сколько элементами его письменной формы. Полагаем, что дальнейшие исследования в этом направлении помогут более точно установить статус СЛЕ РЖЯ и другие особенности взаимодействия письменной формы РЖЯ с письменной формой русского звучащего языка.

¹Пример наш. – А. Ж, В. С.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буркова С. И. Онлайн-корпус русского жестового языка // Корпусная лингвистика – 2015 : труды международной конференции. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2015. С. 137–145.
2. Sutton-Spence R., Day L. Mouthing and mouth gestures in British Sign Language (BSL) // The Hands are the Head of the Mouth. The Mouth as Articulator in Sign Languages / Ed. by P. Boyes-Braem, Sutton-Spence. Signum Verlag, 2001. P. 69–85.
3. Салькова М. А. Лингвистический и лингводидактический потенциал немануального компонента в русском жестовом языке: опыт изучения инициализированных жестов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2024. Вып. 4 (853). С. 43–50.
4. Жадан А. В. Некоторые особенности письменной фиксации информации в интернет-коммуникации глухих и слабослышающих носителей русского жестового языка // Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования: сборник научных статей Второй международной научно-практической конференции. М., 2022. С. 157–165.
5. Кюсева М. В. Жесты формы и размера в русском жестовом языке // Рема. 2017. № 1. С. 41–60.
6. Кюсева М. В. Физические свойства в русском жестовом языке в типологическом освещении: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.

REFERENCES

1. Burkova, S. I. (2015). Online corpus of Russian Sign Language. In *Corpus Linguistics – 2015* (pp. 137–145): Proceedings of the international conference. St. Petersburg: Saint-Petersburg University. (In Russ.)
2. Sutton-Spence, R., Day, L. (2001). Mouthing and mouth gestures in British Sign Language (BSL). In *The Hands are the Head of the Mouth. The Mouth as Articulator in Sign Languages* (pp. 69–85). Signum Verlag.
3. Salkova, M. A. (2024). Linguistic and Linguodidactic Potential of Non-manual Component in Russian Sign Language: a Study of Initialized Signs. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 4(853), 43–50. (In Russ.)
4. Zhadan, A. V. (2022). Some specifics of recording information in the Internet communication of the Deaf and Hard of Hearing signers of Russian Sign Language. In *Intercultural space of sign languages: translation, communication, research* (pp. 157–165): Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference. (In Russ.)
5. Kyuseva, M. V. (2017). Signs of shape and size in Russian Sign Language. *Rema*, 1, 41–60. (In Russ.)
6. Kyuseva, M. V. (2019). *Fizicheskie svoystva v russkom zhestovom yazyke v tipologicheskoy osveshchenii* = A typological approach to physical properties in Russian Sign Language: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жадан Анна Валерьевна

преподаватель кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Соколова Вера Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры стилистики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zhadan Anna Valerievna

Lecturer at the Department of English Stylistics
Faculty of English, Moscow State Linguistic University

Sokolova Vera Leonidovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Stylistics
Faculty of English, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.05.2025
02.06.2025
12.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Взаимодействие компонентов креолизованного текста (на примере информационных ресурсов Вооруженных сил Италии)

С. В. Зотова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sofi.972103@mail.ru*

Аннотация. В статье изучается взаимодействие компонентов креолизованного текста информационных ресурсов Вооруженных сил Италии. Материалом исследования послужили 200 сопровождаемых изображениями италияязычных текстов военных календарей и журналов за 2000–2025 гг., в которых соединение вербальных (названия месяцев, описания исторических событий, статьи) и невербальных (фотографии, рисунки) компонентов способствует созданию целостных сообщений. Исследование выявляет, каким образом комбинирование текстовых и визуальных составляющих может сказаться на восприятии информации. Результаты проведенного анализа подтверждают, что языковая и визуальная составляющие в военных информационных ресурсах не только сообщают о значимых исторических событиях, но и влияют на восприятие информации адресатом в соответствии с намерениями адресанта.

Ключевые слова: креолизированный текст, итальянский язык, лингвопрагматика, Вооруженные силы Италии, календари Вооруженных сил Италии, журналы Вооруженных сил Италии

Для цитирования: Зотова С. В. Взаимодействие компонентов креолизованного текста (на примере информационных ресурсов Вооруженных сил Италии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 53–59.

Original article

Interaction of Creolized Text's Components (on the example of information resources of the Italian Armed Forces)

Sofia V. Zotova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sofi.972103@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of interaction the components of a creolized text. The material of the study is 200 image-accompanied Italian-language texts of yearbooks and magazines of the Italian Armed Forces from 2000 to 2025, in which the combination of verbal (names of months, descriptions of historical events, articles) and non-verbal (photographs, drawings) components contributes to the creation of coherent and multilayered messages. The study reveals how the combining of textual and visual components can affect the perception of information. The results of the analysis confirm that linguistic and visual components in Italian military information resources not only tell about significant historical events, but also influence the addressee's perception of information in accordance with the addresser's intentions.

Keywords: creolized text, Italian language, linguopragmatics, the Italian Armed forces, the Italian Armed Forces' yearbooks, the Italian Armed Forces' magazines

For citation: Zotova, S. V. (2025). Interaction of creolized text's components (on the example of information resources of the Italian Armed Forces). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 53–59. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Журналы и календари Вооруженных сил (ВС) Италии представляют собой не только печатные издания, содержащие статьи или перечень чисел, дней недели, месяцев, но и особый инструмент коммуникации. В современном мире визуальная информация играет ключевую роль, и креолизованные итальянские журналы и календари – яркий пример того, как семиотически гетерогенные компоненты могут быть объединены для создания сильного и эмоционально насыщенного сообщения, направленного на поддержание морального духа, патриотизма и национальной гордости граждан Италии.

Актуальность статьи обусловлена растущим интересом лингвистики к семиотически гетерогенным текстам, что вызвано рядом факторов, включающих цифровизацию и стремительное развитие диалогической и монологической текстовой коммуникации в онлайн-среде. Кроме этого, материал исследования ранее не подвергался подобному изучению ввиду узкой сферы распространения.

Научная новизна работы заключается в выявлении основных возможностей соотношения вербального и невербального компонентов в журналах и календарях ВС Италии и в установлении определенных приемов, к которым прибегают их создатели, чтобы обеспечить реализацию взаимосвязи этих составляющих.

Практическая ценность исследования состоит в возможности применить его результаты в области лингвопрагматики и в изучении коммуникативной составляющей итальянской языковой системы.

Цель нашей работы – проанализировать, как вербальные и невербальные компоненты календарей ВС Италии вступают в отношения взаимосвязи и взаимодополнения и, создавая единое значение, способствуют увеличению лингвопрагматического эффекта сообщения. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить типы компонентов, используемых при создании креолизованного текста печатных информационных ресурсов ВС Италии;
- выявить специфики взаимодействия этих компонентов при реализации интенции автора.

Для детального анализа из корпуса 25 календарей и 50 журналов ВС Италии за 2000–2025 годы, размещенных на официальном сайте ВС Италии, было отобрано 200 сопровождаемых изображениями текстов, которые и послужили материалом исследования. Календарь – это печатное полиграфическое издание, представляющее собой календарную

сетку или численник¹. В нашем случае, графическое изображение дней, недель, месяцев и года дополнено текстами и изображениями, посвященными определенным темам и историческим событиям, связанным с итальянской армией. Журналы, которые мы рассматриваем, представляют собой печатное периодическое издание, имеющее рубрикации и посвященное различным вопросам исследовательского, информационного и дискуссионного характера, касающегося ВС Италии, и содержащее вербальный и невербальный компоненты.

Исследование взаимодействия гетерогенных компонентов осуществлялось с помощью нескольких методов. Во-первых, был проведен контент-анализ, включающий изучение текста (названия месяцев, слоганы, описания исторических событий), изображений и графических элементов (эмблем, цветовых схем) с целью определения их основных особенностей и общих черт. Во-вторых, для рассмотрения параметров взаимодействия и степени связанности вышеуказанных компонентов был проведен лексико-синтаксический и семантический анализ журналов и календарей ВС Италии за 2000–2025 годы. На заключительном этапе был проведен синтез полученных данных для воспроизведения целостной картины интеграции вербальных и невербальных компонентов информационных ресурсов ВС Италии и формулирования выводов об их прагматическом значении.

ВОПРОС НОМИНАЦИИ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА

Языковой компонент креолизованного текста традиционно именуется вербальным. В то же время номинация его невербальных составляющих обладает более многогранным значением и охватывает такие понятия, как: «иконический» [Лотман, 2000; Анисимова, 2003], «изобразительный», «визуальный» [Колесникова, 2018]. Концепция Ю. М. Лотмана о значимости иконических средств, выступающих в качестве выразительных знаков, подчеркивает их ясность и прозрачность по сравнению с условными знаками, которые требуют контекстуальных или культурных знаний для интерпретации. Ярким примером простейшего иконического знака может служить рисунок, который, будучи лишенным сложных лексических и грамматических конструкций, передает смысл на уровне зрительного восприятия, тем самым подчеркивая важность визуального компонента в структуре креолизованного текста и его потенциал в создании комплексной семиотической

¹URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/KALENDAR.html/> (дата обращения: 03.03.2024).

реальности. Однако, как писал У. Эко, в текстах с графическими составляющими, именно надпись, сопровождающая изображение, позволяет закрепить смысл сообщения [Есо, 1997].

Кроме изображений в креолизованном тексте существуют и другие составляющие невербального компонента. Например, Е. Е. Анисимова, А. Н. Баранов и П. Б. Паршин называют графическую сегментацию текста, его расположение на бумаге, длину строки и др. параграфемными средствами [Анисимова, 2003; Баранов, Паршин, 2018]. Некоторые итальянские исследователи говорят о «паралингвистических» явлениях [Antonelli, 2007; Prada, 2015], определяя их как сопутствующие элементы вербальной коммуникации, которые передают дополнительную информацию, поддерживая основную идею текста или даже опровергая ее [Beccaria, 1995].

Таким образом, параграфемные компоненты «существуют около графемной системы языка и нарушают “прозрачность” субстанции языкового выражения» [Клюканов, 1983, с. 5]. К ним относятся шрифтовые выделения (курсивное, полужирное, капитель), подчеркивающие и отчеркивающие линии, цветовые выделения (выворотка, растры, фоновые подложки), особенности верстки (композиционное расположение основного текста, элементов заголовочного комплекса и иллюстративно-го материала) [Катенева, 2011].

Следовательно, мы будем говорить о вербальных, иконических и параграфемных компонентах, участвующих в процессе креолизации текста. Отметим, что в наших более ранних исследованиях было установлено, что итальянские военные календари представляют собой тексты с частичной креолизацией [Зотова, 2024]. Например, в журналах и календарях ВС Италии невербальный компонент в виде изображений дополняет текст, но не является его обязательной составляющей, при этом цифры, графические выделения, отчеркивающие линии непременно встречаются в каждом календаре ВС Италии.

КОМПОЗИЦИЯ ЖУРНАЛОВ И КАЛЕНДАРЕЙ ВС ИТАЛИИ

Композиция – это расположение и соотношение друг с другом основных текстовых и иллюстративных элементов. Она интегрирует отдельные объекты в целостную, гармоничную структуру, которая направляет внимание адресата, передавая как содержательное, так и эмоциональное наполнение произведения¹. Влияние композиции осуществ-

¹URL: <https://media.contented.ru/znaniya/instrumenty/osnovy-kompozicii-v-dizayne/> (дата обращения: 03.03.2024).

ляется на подсознательном уровне. Она «цепляет» внимание читателя до того, как он перейдет к просмотру изображения и заголовка или начнет знакомство с текстом.

Композиция календарей ВС Италии стабильна по форме и содержанию: численник (собственно календарь), блоки текста с заголовками, подзаголовками и изображения (рис. 1). Видно, что эти компоненты не пересекаются и не накладываются друг на друга, а даты и дни недели расположены горизонтально в нижней части страницы. Аналогичную ситуацию можно наблюдать в журналах ВС Италии, за исключением численника (рис. 2).

Рис. 1. Пример разворота из календаря ВС Италии (2020)²

Рис. 2. Пример разворота из журнала ВС Италии (2014)³

Однако разнесенность текста и изображения в информационных ресурсах не говорит об их изолированности друг от друга, а напротив,

²Calendesercito, 2020, p. 8. URL: <https://www.esercito.difesa.it/comunicazione/calendesercito/Documents/Calendesercito2020.pdf/> (дата обращения: 03.03.2024).

³Rivista militare, 2014, p. 8–9. URL: <https://www.esercito.difesa.it/comunicazione/editoria/Rivista-Militare/Tutti-i-numeri/2014/Documents/Rivista-Militare-on-line-2-2014.pdf/> (дата обращения: 03.03.2024).

предполагает установление определенных отношений для создания ценного, с прагматической точки зрения, сообщения.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЕРБАЛЬНОГО, ИКОНИЧЕСКОГО И ПАРАГРАФЕМНОГО КОМПОНЕНТА В ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСАХ ВС ИТАЛИИ

Двусторонняя связь вербального и иконического компонентов в нашем материале исследования преимущественно формируется с помощью разных вида повторов. Для определения обозначенных способов взаимного участия компонентов креолизованного текста календарей приведем несколько примеров.

На рисунке 3 представлены заголовок, основной текст и монохромный портрет женщины в военной форме. В данном примере мы видим идентификацию фотографии с помощью текста (в заголовке указано имя женщины, в основном тексте описан род ее деятельности) и интерпретацию (описывается характер, положительные личные качества, физическое состояние в ходе боевых действий).

Рис. 3. Пример из календаря (2016)¹

На иллюстрации прямой (рассказ про Микеле Витали и изображение девушки), синонимический (словосочетание *contrattaccava col suo plotone* соответствует военной форме, в которую одета изображенная на фотографии девушка) и ассоциативный повтор компонентов (прямой взгляд, направленный на читателя, передает идею доблести и стойкости героини – *fulgido esempio di valore e di tenacia*).

¹Calendesercito. 2016. P. 5. URL: <https://www.esercito.difesa.it/comunicazione/calendesercito/Documents/CalendEsercito2016.pdf/> (дата обращения: 03.03.2024).

Вербальная составляющая содержит предикативные и полипредикативные структуры, в которых обстоятельства произошедшего реализуются через придаточные предложения как с личными, так и с неличными глагольными формами с различными грамматическими значениями. В этом отрывке мы находим придаточное определительное предложение (*nemico, che era riuscito ad occupare una trincea*), придаточное времени с причастной формой (*finché giunti nuovi rinforzi*), уступительное придаточное с причастной формой (*benché ferito più volte*), герундиальные конструкции, выражающие сопутствующие действия и уточняющие способ его совершения (*cadendo colpito al capo; dandovi la scalata mediante una scala a pioli*) и определительные причастные обороты, одновременно передающие временную соотнесенность и, в некоторой степени, причинность (*ferito e respinto; rimasto con pochi bersaglieri*). Следует отметить, что полипредикативные конструкции способствуют высокой плотности информации в ограниченном вербальном пространстве.

Лексические средства, такие как эмоционально-оценочные определения (*fulgido, decisivo*) и денотативная синонимия (*nemico, avversario*), привлекают внимание читателя к тексту, насыщенному терминами (*contrattaccare, plotone, fucileria* и др.).

L'ITALIA CON IL CUORE

Il soldato Vannini fu un portafertiti di Fanteria. La sanità militare, con i suoi 96.000 soldati, e la Croce Rossa Italiana fornirono il prezioso contributo per soccorrere e curare i feriti. Durante la Grande Guerra furono mobilitate 7.320 crocerossine.

Рис. 4. Пример из календаря (2016)²

Во втором примере (рис. 4) иконический компонент представлен собранной мозаикой из рисунка и изображения, над которым располагается заголовок и основной текст. Аналогично первому примеру, вербальный компонент

²Calendesercito, 2016, p. 10. URL: <https://www.esercito.difesa.it/comunicazione/calendesercito/Documents/CalendEsercito2016.pdf/> (дата обращения: 03.03.2024).

идентифицирует и интерпретирует изображение, называя фамилию участника событий и объясняя происходящее на рисунке и фотографии, составляющих общую картину и передающих идею оказания помощи раненым бойцам. Кроме того, он предоставляет информацию об осуществлявшихся военно-медицинское обеспечение в годы Первой мировой войны организациях и их численности.

Вербальная и иконическая составляющие взаимодействуют на нескольких уровнях. В примере встречается прямой повтор – рядовой, перевозивший раненых в годы Первой мировой войны, представлен на рисунке слева, и ассоциативный – изображение процесса оказания помощи раненым подкрепляет метафорически выраженную в заголовке идею о *добротворческой Италии (l'Italia con il cuore)* и создает совокупный образ заботливого отношения со стороны ВС. В тексте мы находим семантический повтор компонентов: изображение красного креста на рукаве военнослужащих отражает название упомянутой организации, что также позволяет читателю идентифицировать объект и закрепить в сознании представленные образы.

Авторы данного текста создают комфортные условия для его прочтения, предлагая читателю простые двусоставные предложения, дополненные одной присоединительной конструкцией (*con i suoi 96.000 soldati*). С точки зрения лексического наполнения, в тексте используется эмоционально-оценочное определение (*prezioso*) и составные существительные, демонстрирующие разносторонность и функциональность армии в годы Первой мировой войны (*portaferiti, crocerossine*).

Рис. 5. Пример из календаря (2020)¹

В примере на рисунке 5 представлено комплексное взаимодействие вербального, иконического и параграфемного компонентов. Последний

¹Calendescercito. 2020. P. 18. URL: <https://www.esercito.difesa.it/comunicazione/calendescercito/Documents/Calendescercito2020.pdf/> (дата обращения: 03.03.2024).

выражается в шрифтовом и цветовом варьировании заголовка и основного текста календаря. Заголовок «Trasmissioni» представлен курсивом темно-красного цвета, а основной текст – серым шрифтом без засечек. В данном примере наблюдается прямой (в основном тексте рассказывается о радиотелеграфистах, которых читатель видит на изображении), семантический (в тексте идентифицируется изображенный радиотелеграф) и синонимический повтор компонентов (в словосочетании *servizio campale* отражен образ бойцов, настраивающих оборудование в поле).

Вербальный компонент представлен полипредикативными развернутыми структурами с причастными оборотами с атрибутивным значением (*coadiuvato dallo stesso Guglielmo Marconi*), присоединительной конструкцией (*in particolare, con l'allestimento del primo servizio al mondo di radiotelegrafia campale militare su larga scala*).

В журналах наблюдается значительная вербальная составляющая из-за наличия подзаголовков. Говоря о связи текста и изображения на рисунке 6, отметим прямой (на фотографии представлены военнослужащие, выполняющие задачи программы «Безопасные дороги») и ассоциативный повтор (образный заголовок «Caserme Verdi» вызывает образ камуфляжного рисунка формы бойцов).

“Caserme Verdi” alla Cecchignola

Il Ministro della Difesa visita i nuovi alloggi per il personale impegnato a Roma nell'Operazione “Strade Sicure”

di Marco Scafati

Foto ricordo della visita del Ministro della Difesa alla città militare “Cecchignola” (Foto: Uff. Marketing - 3^a sezione Cine Foto TV).

Prosegue senza sosta l'impegno dell'Esercito per migliorare le condizioni alloggiative del proprio personale. Nel corso del 2019 sono stati compiuti interventi che hanno riguardato l'ammodernamento di oltre 100 alloggi tra Milano, Roma e Cesana Torinese (Torino). In particolare nel complesso logistico “Pio IX” di Roma, i lavori hanno permesso di ricavare moduli abitativi per 40 persone tra Ufficiali, Sottufficiali e Graduati soggetti, per servizio, al

pendolarismo nella Capitale. A Cesana, nondimeno, la riqualificazione di una palazzina di proprietà del demanio militare, in parte deteriorata e dunque indisponibile, ha consentito la creazione di sei alloggi doppi e tre singoli dotati di cucina, bagni e televisione, in grado di fornire ospitalità a 15 militari della Brigata Alpina “Taurinense”. Il tutto, con lavori che sono durati solo un mese. Recentemente, è toccato anche alla città militare “Cecchignola” beneficiare di ingenti lavori di ristrutturazione. Gli interventi, eseguiti dal Reparto Operativo del Genio Infrastrutturale (ROGI), hanno permesso di aumentare la capacità alloggiativa della struttura di 400 posti letto, destinati ai militari impegnati nell'Operazione “Strade Sicure” a Roma.

Рис. 6. Пример из журнала (2019)²

При рассмотрении вербального компонента, отдельно выделим такой экспрессивный

²Rivista militare. 2019. P. 6. URL: <https://www.esercito.difesa.it/comunicazione/ editoria/Rivista-Militare/Tutti-i-numeri/2019/Documents/Rivista-Militare-on-line-1-2019.pdf/> (дата обращения: 05.03.2024).

Таблица

ПРОЦЕНТНОЕ СООТНОШЕНИЕ ВИДОВ
ПОВТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ
ТЕКСТА И ИЗОБРАЖЕНИЯ

Прямой	Синоними- ческий	Ассоциатив- ный	Семантиче- ский
80 % (160 текстов)	52 % (104 текста)	44 % (88 текстов)	29 % (58 текстов)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Путем сравнительного анализа и контент-анализа мы установили наличие корреляции между текстом и изображением, что свидетельствует об их взаимосвязи. Усиление смысловой нагрузки каждой из составляющих, реализуется с помощью прямого, семантического, синонимического и ассоциативного повтора компонентов. Лексико-синтаксический анализ вербальной составляющей позволил выделить лингвопрагматические особенности текстов журналов и календарей ВС Италии, которые способствуют организации комфортного прочтения текста и привлечению внимания читателей. Таким образом, наше исследование обогащает понимание взаимосвязи текста и изображения в контексте итальянской военной печатной продукции, открывая новые возможности для последующего изучения их функциональной значимости.

синтаксический прием, как инверсия (*Prosegue senza sosta l'impegno dell'Esercito per migliorare le condizioni alloggiative*), которая акцентирует внимание читателя на непрерывной работе армии над улучшением жилищных условий военнослужащих. Подробное описание создается за счет рядов однородных членов (*Milano, Roma e Cesana Torinese; Ufficiali, Sottufficiali e Graduati; cucina, bagni e televisione*), причастных оборотов с атрибутивным (*seguiti dal Reparto Operativo del Genio Infrastrutturale*), причинным (*in parte deteriorata*) и целевым (*destinati ai militari impegnati nell'Operazione "Strade Sicure"*) значением и присоединительных конструкций (*in particolare nel complesso logistico di Roma; con lavori che sono durati solo un mese*).

В тексте встречается большое количество терминов (*Genio, caserma, reparto operativo* и др.) и топонимов (*Milano, Roma, Brigata Alpina* и др.). Кроме того, эмоционально-оценочное определение (*ingente*) и денотативная синонимия (*ammodernamento, riqualificazione, ristrutturazione*) привлекают внимание адресата.

Так, проведенный анализ материала (около 200 примеров) позволил нам установить основные виды повторов, определяющих взаимосвязь текста и изображения компонентов журналов и календарей ВС Италии.

Обобщенные результаты приведены в таблице.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лотман М. Ю. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.
2. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003.
3. Колесникова О. Д. Креолизованные или поликодовые тексты телевизионных новостей: к соотношению понятий // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 545–548.
4. Eco U. Kant e l'ornitorinco. Milano: Bompiani, 1997.
5. Баранов А. Н., Паршин П. Б. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. № 3. С. 6–15.
6. Antonelli G. L'italiano nella società della comunicazione. Bologna: Il Mulino, 2007.
7. Prada M. L'Italiano in rete. Usi e generi della comunicazione mediata tecnicamente. Milano: Franco Angeli, 2015.
8. Beccaria G. L. Dizionario di linguistica e di filologia, metrica, retorica. Torino: Einaudi, 1995.
9. Ключанов И. Э. Структура и функции параграфических элементов текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1983.
10. Катенева И. Г. Параграфические средства как элемент манипуляции сознанием целевой аудитории // Наука и современность. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2011. С. 77–82.
11. Зотова С. В. Социокультурный компонент военных календарей Сухопутных войск Италии // Итальянский язык в науке, образовании и культуре: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 17–18 октября 2023). М.: Московский государственный лингвистический университет, 2024. С. 52–59.

REFERENCES

1. Lotman, M. Yu. (2000). Semiosfera = Semiosphere. St. Petersburg: Iskusstvo. (In Russ.)

2. Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) = Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts). Moscow: Akademiya. (In Russ.)
3. Kolesnikova, O. D. (2018). Creolized or policode texts of television news: correlation of concepts. The world of science, culture, education, 2(69), 545–548. (In Russ.)
4. Eco, U. (1997). Kant e l'ornitorinco. Milano: Bompiani.
5. Baranov, A. N., Parshin, P. B. (2018). On the metalanguage of description of text visualizations. Vestnik of Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 17(3), 6–15. (In Russ.)
6. Antonelli, G. (2007). L'italiano nella società della comunicazione. Bologna: Il Mulino.
7. Prada, M. (2015). L'Italiano in rete. Usi e generi della comunicazione mediata tecnicamente. Milano: Franco Angeli.
8. Beccaria, G. L. (1995). Dizionario di linguistica e di filologia, metrica, retorica. Torino: Einaudi.
9. Klyukanov, I. E. (1983). Struktura i funktsii paragrafemnykh elementov teksta = Structure and functions of paragraphemic elements of the text: abstract of PhD thesis in Philology. Saratov. (In Russ.)
10. Kateneva, I. G. (2011). Paragrafemnyye sredstva kak element manipulyatsii soznaniyem tselevoy auditorii = Paragraphemic means as an element of manipulation of the target audience's consciousness. In Science and Modernity (pp. 77–82). Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University. (In Russ.)
11. Zotova, S. V. (2024). Sociocultural component of the Italian Army military yearbooks. In Italian language in science, education and culture (pp. 52–59): Proceedings of the international scientific and practical conference. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зотова София Витальевна

аспирант кафедры итальянского языка переводческого факультета
преподаватель Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zotova Sofia Vitalievna

Postgraduate student of the Italian Language Department
Faculty of Translation and Interpreting
Lecturer at the Military Training Center
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.05.2025
03.06.2025
14.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Реакция как собирательный образ эмодзи в конфликтном интернет-дискурсе (на материале интернет-комментариев)

В. В. Катермина¹, Б. Г. Вульфович²

^{1,2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹katermina_v@mail.ru

²justb8888@gmail.com

Аннотация. Целью работы является рассмотрение применения реакций как сосредоточенного коллективного выражения эмоций, определение их отличия от индивидуальных эмоций (эмотиконов) и установление лингвопрагматической информации, которую они могут сообщить при соответствующем анализе в рамках агрессии, вызванной конфликтным интернет-дискурсом, поскольку именно в данной тематической области мы можем наблюдать их наибольшее сосредоточение. Для отбора материалов исследования применяется метод частичной выборки. В результате установлено, что групповые реакции на комментарии становятся средством актуализации отношения к конкретному вопросу определенной группы лиц, и что они обладают большим потенциалом для проведения дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: агрессия, интернет-дискурс, комментарии, лингвопрагматика, конфликт, реакция, эмодзи

Для цитирования: Катермина В. В., Вульфович Б. Г. Реакция как собирательный образ эмодзи в конфликтном интернет-дискурсе (на материале интернет-комментариев) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 60–67.

Original article

Reaction as a Collective Image of Emoji in Conflictive Internet Discourse (based on Internet comments)

Veronika V. Katermina¹, Boris G. Vulfovich²

^{1,2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹katermina_v@mail.ru

²justb8888@gmail.com

Abstract. The aim of this work is to consider the use of reactions as a concentrated collective expression of emotions, to determine their difference from individual emotions (emoticons) and to establish the linguopragmatic information that they can convey with appropriate analysis within the framework of aggression caused by conflict Internet discourse, since it is in this thematic area that we can observe their greatest concentration. To select materials for the study, the method of partial sampling is used. As a result, it was established that group reactions to comments are a relevant means of updating the attitude to a specific issue of a certain group of people, and that they have great potential for further research in this area.

Keywords: aggression, media discourse, comments, linguopragmatics, conflict, reaction, emoji

For citation: Katermina, V. V., Vulfovich, B. G. (2025). Reaction as a collective image of emoji in conflictive internet discourse (based on internet comments). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 60–67. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Эмодзи как средства выражения эмоции при виртуальной коммуникации уже прочно вошли в нашу повседневную жизнь. Их предшественники – эмотиконы – состояли преимущественно из компьютерных знаков пунктуации, в то время как эмодзи представляют собой непосредственно графические изображения и пиктограммы.

А. В. Бабук характеризует их как «невербальные компоненты коммуникации, представленные в форме идеограмм, пиктограмм и смайликов» [Бабук, 2023а, с. 13]. Йихуа Схен дополняет определение, уточняя важный аспект, заключающийся в том, что эмотиконы в виде смайликов и пиктограмм обладают более богатой семантикой, нежели классические смайлики, состоящие из различных знаков препинания: «In other words, emoji are a highly simplified symbolic version of facial expressions, which, compared to emoticons, can express more subtle and complex emotions, and are richer in semantics» (Другими словами, эмодзи – это улучшенная символическая версия изображения лица, которая, в сравнении с эмотиконами, может выражать более утонченные и сложные эмоции; и они также богаче в своем семантическом выражении¹) [Chen et al., 2024, с. 2].

Профессор семиотики и лингвистической антропологии Марсель Данези называет язык эмодзи «универсальным языком», т. е. таким языком, который будет понятен любому человеку, независимо от того, к какой национальности он относится или на каком языке говорит [Danesi, 2016].

Поскольку эмотиконы и эмодзи с точки зрения семиотики являются знаком, а знак – это «любое материально-идеальное образование, которое служит для передачи определенной информации»², то данная уникальная особенность языка эмодзи позволяет нам рассмотреть объект нашего исследования – реакции (эмоциональные отклики) как сосредоточение смайликов (знаков) с единым прагматическим и эмоциональным смыслом. Предмет данного исследования – одиночные смайлики и реакции (собираемый образ, составленный из одиночных смайликов) как визуализация мнения большинства.

Большое количество смайликов в современной интернет-коммуникации стало стимулом для создания их собираемого образа – реакций. По своей сущности реакции служат для обобщения мнений людей, которые солидарны во мнении

относительно обсуждаемой темы. Возникновение реакций как собираемых образов эмотиконов значительно упростило коммуникацию в интернете, поскольку появилась возможность без детального прочтения комментариев понять общее отношение пользователей к рассматриваемой проблеме.

Для достижения цели исследования – рассмотрения применения реакций как сосредоточенного коллективного выражения эмоций, определение их отличия от индивидуальных эмоций (эмотиконов) и установление лингвопрагматической информации, которую они могут сообщить при соответствующем анализе в рамках агрессии, вызванной конфликтным интернет-дискурсом – нами были поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть использование реакций как сосредоточенного коллективного выражения эмоций;
- 2) определить их отличия от индивидуальных эмоций (эмотиконов) и установить лингвопрагматическую информацию, которую они могут сообщить при соответствующем анализе;
- 3) установить корреляцию реакций с тематическим содержанием исходного материала.

Материалом для исследования послужили комментарии, составленные к разного рода постам в мессенджере «Телеграм», которые являются конфликтными (рассмотрено свыше 500 постов в различных новостных каналах Краснодара в период с 1 по 31 января 2024 г., среди которых методом ручной выборки были отобраны наиболее репрезентативные посты для нашего исследования).

Е. И. Галяшина полагает, что эмодзи употребляются для того, чтобы «более богато и разнообразно дополнять смысл высказывания, уточнять его экспрессивно-интонационную окраску, используются вместе с кириллической графикой или латиницей, могут быть включены непосредственно в структуру высказывания, отделяются от единиц высказывания пробелами или запятыми»³.

Л. К. Кае, С. А. Малоне, Х. Ж. Валл считают, что использование эмодзи является следствием ряда причин: люди стремятся к общению лицом к лицу, когда хотят выразить какие-либо эмоции, поскольку невербальная коммуникация по своей сути лишена этой возможности. Следовательно, одной из причин использования эмодзи в исследовании ученых стал тот факт, что их употребление способствует положительным межличностным отношениям, создает расслабленную атмосферу, снижает двусмысленность и помогает понять эмоциональный заряд сообщения [Kaye, Malone, Wall, 2017].

¹Перевод наш. – В. К., Б. В.

²Гируцкий А. А. Общее языкознание: учебник. Минск: Вышэйшая школа, 2017. С. 122.

³Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М.: Проспект, 2021. С. 120.

Как можно заключить из сказанного, одна из основных задач эмодзи – выражение эмоций для максимального подражания коммуникации в реальном времени в формате «лицом к лицу». Поскольку человек существует и развивается в социуме, в котором, как правило, проводит большую часть своего времени, стремление персонализировать переписку путем введения эмодзи и других средств для выражения эмоций представляется нам логичным.

А. В. Бабук разделяет эмодзи на «положительные, отрицательные и нейтральные» [Бабук, 2023а, с. 15]. Данный подход в целом коррелирует с нашим отношением к различного рода вещам, поскольку мы также можем их трактовать с позиции категории оценки – какие-то события в жизни нами воспринимаются положительно, к каким-то мы относимся отрицательно, а к некоторым – нейтрально. В стремлении реализации сферы эмотивности в онлайн-пространстве человек начинает использовать средства выражения эмоций подобного плана.

В силу разделения смайликов по их эмоциональному заряду становится логично объединять их в группы на основе тождественного значения компонентов, лежащих в их основе.

Наличие пристального внимания к вопросу конфликтогенности в России и за рубежом свидетельствует об актуальности выбранной нами темы. Следует отметить, что в современном интернет-пространстве конфликт, в силу частичной анонимности пользователей, довольно часто случается, причем в тех ситуациях, в которых в реальной жизни он скорее всего бы не возник. Это также стало отличительной особенностью проявления конфликтогенности.

Среди методов нашего исследования преобладающим является метод частичной выборки, поскольку рассматриваются комментарии, содержащие в себе эмодзи и групповые реакции на них, относящиеся к конфликтным. Вторым по значимости можно назвать метод систематизации полученных результатов, используемый для обобщения материала.

Отметим, что мы придерживаемся позиции, согласно которой любой конфликтный текст будет считаться преднамеренным, так как он является письменной формой общения, «которая предоставляет человеку дополнительный запас времени для того, чтобы создать текст сообщения, отредактировать его или даже вовсе удалить...» [Бабук, 2023б, с. 16].

В отличие от вербального произведения, которое может иметь спонтанный характер, текст проходит дополнительную «ступень» обработки, поскольку его создатель имеет возможность ознакомиться с ним любое необходимое количество времени перед публикацией.

К формальным признакам, по которым можно определить, является ли комментарий конфликтным, можно отнести, к примеру, использование обсценной лексики, оскорбления, использование сниженной лексики, переход на личности и т. п.

Следует отметить, что ряд комментариев создается непосредственно для провоцирования конфликтов отдельными группами лиц, которые преследуют свою выгоду. К примеру, М. С. Некрасов, Л. Паркс и Э. Бельдинг считают, что так называемые группы ненависти (hate groups), злоупотребляя отсутствием цензуры в интернет-коммуникации, используют средства интернета для буллинга конкретных лиц или необходимых групп пользователей; террористические группировки могут использовать интернет-технологии для вербовки потенциальных агентов и получения необходимой информации для организации потенциальных террористических атак [Nekrasov, Parks, Belding, 2017].

В этом заключается противоречивая сторона интернет-общения: в то время как одна группа пользователей стремится к продуктивному общению, другая – к деструктивному диалогу, что может иметь и целенаправленный характер в контексте информационного противостояния [Guseynova, Gorozhanov, 2024; Гусейнова, Горожанов, 2023а; Гусейнова, Горожанов 2023б].

Сами же комментарии являются релевантными для нашего исследования поскольку «интернет-комментарий составляется эмоциональными людьми, равнодушными к происходящим вокруг них событиям» [Катермина, Вульфович, 2019, с. 24].

Некоторые исследователи считают комментарий априори оценочным, и это коррелирует с ранее выдвинутым тезисом о том, что комментарий составляется эмоциональными людьми, поскольку в ином случае они бы не стали его давать. Например, М. П. Филиппова рассматривает интернет-комментарий как «небольшое речевое произведение, в первую очередь оценочного характера» [Филиппова, 2002, с. 1051].

Е. В. Курилова полагает, что «Интернет-комментарий является одним из самых экспрессивных жанров интернет-коммуникации, выражающий субъективное отношение автора комментария к актуальной проблеме и призывающий читателей к определенной эмоциональной реакции» [Курилова, 2024, с. 43].

Однако эмоциональный отклик на комментарии не всегда может считаться продуктивным. «Считается, что в состоянии эмоциональной напряженности ухудшается мыслительная деятельность и затрудняется обработка информации, в связи с чем существенно изменяется ее восприятие. Ухудшается анализ содержания текста, что ведет

к искажению смысла воспринимаемого. Всё это справедливо и по отношению к реакции на конфликтоген, в качестве которого и воспринимается публикация» [Миронова, 2022, с. 80]. Таким образом, можно отметить, что реакция как ответ на комментарий является не всегда объективной относительно тематике комментария.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим некоторые примеры постов, которые так или иначе имеют конфликтную атмосферу (имплицитную или эксплицитную; поиск непосредственно открытых конфликтных ситуаций не входит в цели исследования) и реакции на них.

В новостном канале один из пользователей был недоволен, что сотрудники скорой помощи в рабочее время зашли в магазин купить воды (см. рис. 1).

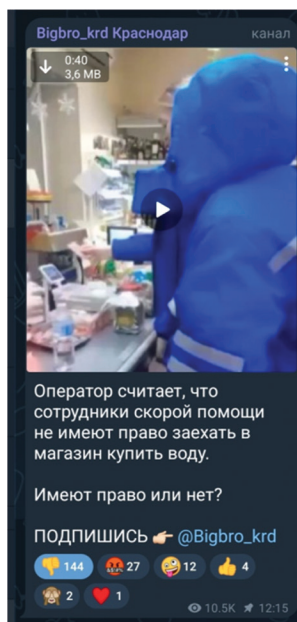

Рис. 1. Пост про врачей скорой помощи

Под текстом поста мы сразу видим его статистику на момент просмотра: 10,5 тыс. человек ознакомились с его содержанием, 144 – оставили отрицательную реакцию, 27 – негодуют, 12 – полагают, что это ненормально, четыре человека одобительно относятся к данному факту, два «закрывают глаза», и один человек поставил «сердце», смысл которого остается неясным в силу отсутствия контекста (в отличие от комментариев, где появляется контекст). Рассмотрим некоторые комментарии (см. рис. 2) к нему (все комментарии приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации и не подвергаются никакому виду обработки и редактирования; количество реакций

демонстрируется на момент написания статьи; авторы исследования принимают тот факт, что данные цифры могут меняться, однако мы считаем, что количественное соотношение данных комментариев будет оставаться тем же).

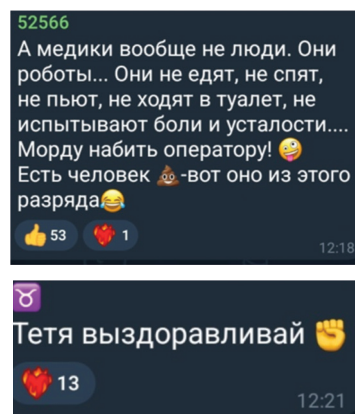

Рис. 2. Дискуссия о работе врачей скорой помощи

Данные комментарии были отобраны по принципу максимального наполнения эмодзи, поскольку они содержат в себе как одиночные, так и коллективные реакции. На первом рисунке наблюдается индивидуальный смайлик (женщина прислоняет руку к лицу), который сразу несет в себе два смысла: безусловно, мы можем определить гендерную принадлежность комментатора, а также отметить его негативное отношение к подобному поведению автора поста. В отношении «коллективного» отметим, что 101 человек поддерживает автора комментария, однако при этом о смыслах, заложенных в их реакции, сказать ничего невозможно.

Во втором комментарии мы видим три индивидуальных смайлика, достаточно разнородных по своему эмоциональному заряду, и сразу два эмоциональных коллективных отклика. Первый смайлик подчеркивает, что у автора могут быть ментальные проблемы. Второй смайлик выполняет функцию своего рода «графического эвфемизма» – таким образом автор избегает использование обценной лексики. В конце комментария мы наблюдаем смеющийся смайлик, отображающий иронию автора по отношению к ситуации. Соответственно мы отмечаем, что спектр индивидуальных эмоций автора достаточно широк, в то время как коллективных реакций всего две – 53 человека поддержали автора, а один даже поставил «сердце», которое в данном случае является знаком высшей степени одобрения. На примере данного комментария можно убедиться, что, как и в предыдущем случае, одиночные смайлики носят более персонализированный характер, однако реакции позволяют

судить о поддержке или ее отсутствии со стороны большинства.

Третий комментарий, безусловно, ироничен. Смайлик в виде «поднятой руки» наряду с текстуальным наполнением комментария служит доказательством ироничного отношения автора комментария к ситуации. Такой оригинальный подход к составлению комментария нашел оценку сразу в 13 «сердцах». Отметим, что «палец вверх» здесь никто не поставил, поскольку «сердце» в данном случае выражает более высокую степень «народного» признания.

Рассмотрим еще один пост, в котором старшеклассница напала на завуча в школе за то, что когда она начала курить в коридоре, учительница постаралась ее остановить. Безусловно, ее видео также собрало большое количество негативных реакций (см. рис. 3).

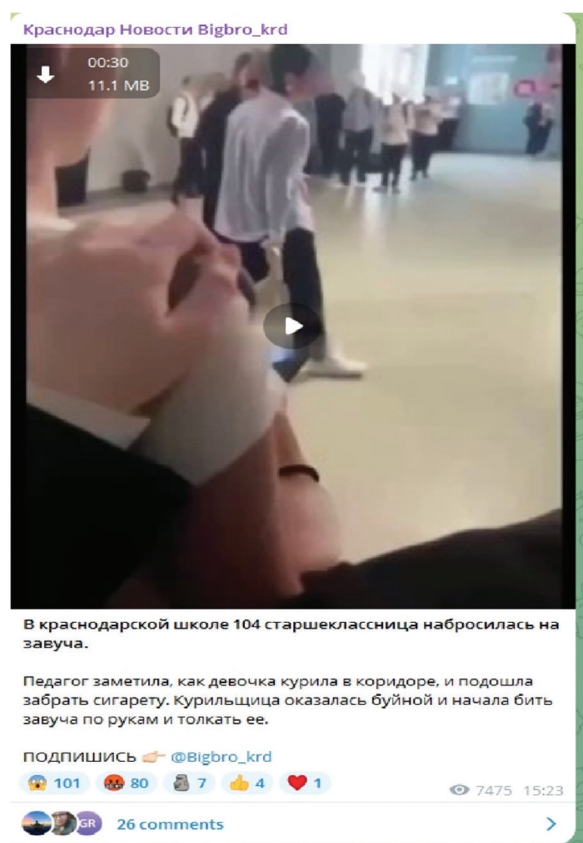

Рис. 3. Новость о нападении старшеклассницы на завуча в одной из школ Краснодара

Прежде всего рассмотрим коллективные реакции непосредственно под постом – 101 «хватающийся за голову», 80 «оскорбительных выражений», семь «символов глупости», четыре «одобрения», одно «сердце». На основе данных реакций можно представить общее соотношение общественного мнения: большинство считают ее поведение недопустимым, оскорбительным и далеко выходящим за

рамки приличия. Рассмотрим комментарии, отображенные по тому же принципу, что и к первому посту (см. рис. 4).

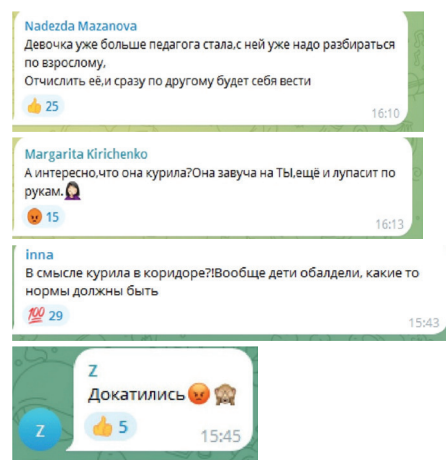

Рис. 4. Дискуссия о нападении школьницы на завуча

Примеры данных комментариев представляют уже несколько иной оттенок – если в первом случае люди проявляли большую степень агрессии, то здесь, несмотря на негативную реакцию, наблюдается большая нейтральность в выражении эмоций. Если быть более точным, здесь коллективная агрессия сводится к солидарности большей части комментирующих.

Автор первого комментария получает полную поддержку в количестве 25 человек. Других реакций нет, что говорит о единогласном принятии коллективного решения.

Второй комментарий вызывает крайнее неодобрение аудитории, причем не сам комментарий вызывает такие чувства, а описываемые в нем действия школьницы. 15 реакций указывают на достаточно высокую степень негатива и солидарности комментирующих и читающих данный пост.

Следующий комментарий демонстрирует концептуальное совпадение мнения аудитории. 29 реакций, разделяющих мнение комментатора, указывают именно на это. Данный случай показывает нам полное совпадение исходного эмоционального посыла реципиента сообщения с его отправителем.

Последний комментарий является идентичным предыдущему. Автор делает обобщение из видео и тем самым находит поддержку у других людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, полученные результаты исследования позволяют нам говорить, что поставленные цели и задачи были достигнуты и решены.

1. Реакции как средство сосредоточенного коллективного выражения эмоций используются достаточно часто при общественно значимых постах и комментариях к ним с элементами применения агрессии.
2. Коллективные реакции как средство выражения эмоций концептуально отличаются от индивидуальных смайликов. Индивидуальные смайлики могут выражать уникальные эмоции индивида, которые, помимо основных первичных функций, в зависимости от контекста могут выполнять и вторичную функцию (например, выражение гендера, замена обценной лексики и пр.). Коллективные же реакции являются эффективным средством для быстрого анализа общественного мнения по тому или иному вопросу, однако они бывают максимально обезличенными, следовательно, не могут выражать сильных эмоций или иметь какие-либо коннотации. Они могут лишь предоставить статические данные трактовки смысла комментария людьми, что характеризуется как их отличительная черта, а не недостаток.
3. С позиции передачи лингвопрагматической информации наиболее эффективными выступают индивидуальные смайлики, поскольку именно они могут представлять собой знаки вторичного плана. Коллективные реакции несут в себе минимум лингвопрагматической информации, пригодной лишь для формирования общих статистических выводов. Более точный анализ можно получить только при рассмотрении одиночных эмодзи.
4. Наиболее часто для передачи коллективных реакций используются следующие эмодзи:

КОЛЛЕКТИВНЫЕ РЕАКЦИИ

Реакция (групповая)	Контекст и обобщенное значение
	Неодобрение, несогласие, осуждение.
	Высшая степень неодобрения, символизация употребления нецензурной лексики
	Выражение непонимания; разочарования. Депрессивность ситуации.
	Одобрение, согласие
	Ощущение чувства стыда из-за сложившейся ситуации, ее примитивность
	Полное одобрение, теплые чувства по отношению к чему-либо
	Крайняя степень разочарования в чем-либо

Отметим, что нельзя однозначно утверждать, что только одиночные или коллективные виды реакций полезны, поскольку использование тех или других средств выражения эмоций обуславливается целью операций, проводимых с ними: если необходимо собрать общую статистику, то анализ реакций будет наиболее предпочтительным; если же необходим более точный анализ на уровне отдельного взятого индивида, то в таком случае эффективнее будет анализ отдельно взятых эмоций.

Полученные результаты исследования оставляют обширное поле для будущих исследований и лингвистических экспериментов и могут быть полезны для всех интересующихся лингвопрагматическим аспектом выражения эмодзи в интернет-коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабук А. В. Эмотиконы и эмодзи в интернет-коммуникации // Журналистика – медиалогия – наставничество: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Б. В. Стрельцова, Минск, 1 марта 2023 года / редкол.: Е. Р. Хмель (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2023а. С. 13–17.

2. Chen Y. et al. Individual differences in emoji comprehension: Gender, age, and culture / Y. Chen, X. Yang, H. Howman, R. Filik // PLoS ONE. 2024. No. 19 (2). e0297379. DOI 10.1371/journal.pone.0297379.

3. Danesi M. The Semiotics of Emoji. Dublin: Bloomsbury Academic, 2016.

4. Kaye L. K., Malone S. A., Wall H. J. Emojis: Insights, affordances, and possibilities for psychological science // Trends in Cogn Sci. 2017. No. 21 (2). P. 66–68. DOI 10.1016/j.tics.2016.10.007.

5. Бабук А. В. Семиотика эмодзи и выявление вербальной угрозы в текстах интернет-коммуникации при проведении судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сб. науч. работ по итогам Международной научно-практической конференции. Москва, 12–13 октября 2023 года. М.: Союзкниг, 2023б. С. 16–34.

6. Nekrasov M., Parks L., Belding E. Limits to Internet freedoms: Being heard in an increasingly authoritarian world // Proceedings of the Third Workshop on Computing within Limits, ACM LIMITS '17. New York: Association for Computing Machinery, 2017. P. 119–128.

7. Guseynova I., Gorozhanov A. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse // Science Journal of Volgograd State University. Linguistics. 2024. Vol. 23. No. 4. P. 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7. EDN XMNCZX.
8. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023а. Т. 22. № 3. С. 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6. EDN CPMSKP.
9. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023б. Т. 16. № 6. С. 911–920. EDN HZMXIN.
10. Катермина В. В., Вульфвич Б. Г. Лингвопрагматический потенциал политического интернет-дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 2. С. 19–26.
11. Филиппова М. П. Интернет-комментарий и сообщение на интернет-форуме: параметры жанрового разграничения // Вестник Удмуртского университета. 2002. Т. 30. Вып. 6. С. 1049–1054.
12. Курилова Е. В. Лингвокоммуникативная экспликация эмоций в англоязычных и испаноязычных интернет-комментариях на тему вакцинации от COVID-19 // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. № 4 (234). С. 41–49.
13. Миронова Н. И. Особенности эмоциональной реакции на текст-конфликтотген в интернет-комментариях // Российская психоллингвистика: итоги и перспективы: Материалы XX Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 года. М.: РУДН, 2022. С. 80–81.

REFERENCES

1. Babuk, A. V. (2023a). Emoticons and emojis in Internet communication. In Khmel, E. R. et al. (Eds.), *Zhurnalistika – medialogija – nastavnichestvo* (pp. 13–17): The digest of articles of an international scientific conference, Minsk, 2023, March 1. (In Russ.)
2. Chen, Y., Yang, X., Howman, H., Filik, R. (2024). Individual differences in emoji comprehension: Gender, age, and culture, 19(2), e0297379. DOI 10.1371/journal.pone.0297379.
3. Danesi, M. (2016). *The Semiotics of Emoji*. Dublin: Bloomsbury & Bloomsbury academic.
4. Kaye, L. K., Malone, S. A., Wall, H. J. (2017). Emojis: Insights, affordances, and possibilities for psychological science. *Trends in Cogn Sci.*, 21(2), 66–68.
5. Babuk, A. V. (2023b). The semiotics of emoji and detection of verbal threat in the texts of internet communication during the forensic linguistic examination in the Republic of Belarus. In *Sovremennyj mediatekst i sudebnaja jekspertiza: mezhdisciplinarnye svjazi i jekspertnaja ocenka* (pp. 16–34): The digest of articles of an international scientific conference, Moscow, 2023, October 12–13. Moscow: Sojuzknig. (In Russ.)
6. Nekrasov, M., Parks, L., Belding, E. (2017). Limits to Internet freedoms: Being heard in an increasingly authoritarian world. In *Proceedings of the Third Workshop on Computing within Limits, ACM LIMITS'17* (pp. 119–128). New York: Association for Computing Machinery.
7. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 23(4), 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
8. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Ideology as a Factor of Translation: Traditions in Innovation. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(3), 67–76. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.3.6. (In Russ.)
9. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 16(6), 911–920. (In Russ.)
10. Katermina, V. V., Vulfovich, B. G. (2019). Linguopragmatic potential of political Internet discourse. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2, 19–26. (In Russ.)
11. Filippova, M. P. (2002). Internet commentary and message on an Internet forum: parameters of genre distinction. *Vestnik of Udmurt State University*, 30(6), 1049–1054. (In Russ.)
12. Kurilova, E. V. (2024). Linguocommunicative explication of emotions in English-language and Spanish-language Internet comments on the topic of vaccination against COVID-19. *Vestnik of Tomsk state pedagogical university*, 4(234), 41–49. (In Russ.)
13. Mironova, N. I. (2022). Features of emotional reaction to conflict-generating text in Internet comments. *Osobennosti jemocional'noj reakcii na tekst-konfliktotgen v internet-kommentarijah* (pp. 80–81): The digest of articles of XX International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory. Moscow: RUDN. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Катермина Вероника Викторовна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры английской филологии
Кубанского государственного университета

Вульфович Борис Григорьевич

кандидат филологических наук
доцент кафедры английской филологии
Кубанского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Katermina Veronika Viktorovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of English Philology
Kuban State University

Vulfovich Boris Grigorievich

PhD (Philology)
Associate Professor at the English Philology Department
Kuban State University

Статья поступила в редакцию	17.05.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	02.06.2025	approved after reviewing
принята к публикации	12.06.2025	accepted for publication

Концептуальная внутренняя форма иероглифического знака как отражение образа мышления носителя китайского языка (на примере существительных-зоонимов)

Е. А. Красикова¹, К. Н. МIRONENKO²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, krasikova.liza@mail.ru

²Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, mirkotofei@mail.ru

Аннотация. Целью работы является анализ внутренней формы слов лексико-семантической группы «животные» в китайском языке. Методы исследования включают в себя лексико-семантический, когнитивный и сравнительный анализ, на основе которых выясняются особенности номинации животных через призму китайской языковой картины мира. В качестве результатов предлагается классификация лексико-семантической группы существительных-зоонимов по концептуальным параметрам: сходство по внешним признакам, поведение, звуки, символическое значение, функции. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в китайском идеографическом письме отражены способы категоризации действительности носителем китайского языка.

Ключевые слова: концептуальная внутренняя форма, китайский язык, лексико-семантическая группа, зоонимы, когнитивная лингвистика, языковая картина мира

Для цитирования: Красикова Е. А., МIRONENKO К. Н. Концептуальная внутренняя форма иероглифического знака как отражение образа мышления носителя китайского языка (на примере существительных-зоонимов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 68–74.

Original article

The Conceptual Internal form of a Hieroglyphic Sign as a Reflection of the Mindset of a Chinese Language Speaker (on the example of noun-zoonyms)

Elizaveta A. Krasikova¹, Konstantin N. Mironenko²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, krasikova.liza@mail.ru

²Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia mirkotofei@mail.ru

Abstract. The purpose of this research is to analyze the inner form of words of the lexico-semantic group "animals" in the Chinese language. The research methods include lexico-semantic, cognitive and comparative analysis, on the basis of which the peculiarities of animal nomination are revealed through the prism of the Chinese linguistic worldview. As a result, the classification of the lexico-semantic group of nouns-zoonyms according to conceptual parameters is proposed: similarity in appearance, behavior, sounds, symbolic meaning, functions. The results indicate that Chinese ideographic writing reflects the ways in which native Chinese speakers categorizes reality.

Keywords: conceptual internal form, Chinese language, lexical-semantic group, zoonym, cognitive linguistics, linguistic worldview

For citation: Krasikova, E. A., Mironenko, K. N. (2025). The conceptual internal form of a hieroglyphic sign as a reflection of the mindset of a Chinese language speaker (on the example of noun-zoonyms). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 68–74. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике особое внимание уделяется изучению взаимосвязи языка, мышления и культуры. Одним из ключевых аспектов этой взаимосвязи является внутренняя форма слова, которая отражает особенности восприятия мира носителями языка и способы категоризации действительности. Китайский язык, обладающий уникальной иероглифической системой письма (которое относится к идеографическому типу письменности), представляет особый интерес для исследования внутренней формы слова, поскольку в нем семантическая структура лексических единиц часто оказывается более прозрачной, чем в языках с алфавитной системой.

Особую значимость в контексте изучения внутренней формы слова приобретает лексико-семантическая группа существительных-зоонимов, поскольку зоонимическая лексика относится к древнейшим пластам словарного состава языка и играет важную роль в формировании языковой картины мира. Данное положение также отражается на сверхсловном уровне китайской языковой системы. Например, выделение когнитивных доминант, обеспечивающих своеобразие этносемантики русских и китайских паремий с компонентом-зоонимом 马 / лошадь, позволило установить, что в китайском языке наличие значительного числа таких паремий является культурно обусловленным и связано с традициями и обычаями китайского социума [Красикова, 2022]. Проведенное исследование показало, что носитель китайского языка прежде всего фокусирует внимание на функциональном признаке «лошадь как инструмент войны», в то время как в русском языке семантика идиом с компонентом «лошадь» в основном сформирована на когнитивной доминанте «лошадь как средство транспорта» или «инструмент для хозяйственной деятельности». Данные примеры показывают, что определенные виды животных в китайской культуре являются не только объектами материального мира, но и носителями глубокого символического значения, что находит отражение в их номинации.

Отметим, что исследование семантики китайских зоонимов на основе корпусного подхода [Горожанов, Красикова, 2024], а также в контексте метафорики, в том числе метафорического моделирования образа Вооруженных сил КНР [Радус, Мироненко, 2025] может стать отдельным направлением, которое является перспективой для дальнейшего исследования.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения внутренней формы слова в китайском языке как

важного компонента когнитивных процессов носителей китайского языка и культурной специфики. В условиях развития межкультурной коммуникации и растущего интереса к китайскому языку понимание механизмов номинации и культурных коннотаций зоонимической лексики приобретает особую практическую значимость.

Цель настоящего исследования – выявление когнитивных оснований для классификации существительных лексико-семантической группы (ЛСГ) «животные» в китайском языке с учетом анализа концептуальной внутренней формы (КВФ), а также культурных и лексико-семантических характеристик.

Для реализации поставленной цели в рамках исследования решаются следующие задачи:

- 1) определение теоретических основ изучения КВФ слов в китайском языке;
- 2) разработка классификации ЛСГ существительных-зоонимов на основе концептуальных параметров;
- 3) выявление и классификация концептуальных операторов (КО), лежащих в основе КВФ существительных-зоонимов в китайском языке;
- 4) анализ полиморфной внутренней формы существительных-зоонимов как проявления когнитивной интеграции.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют фундаментальные и прикладные труды отечественных и зарубежных ученых в области теории внутренней формы слова [Беляевская, 2008; Беляевская, 2013], когнитивных оснований категоризации лексики [Taylor, 1989; Lakoff, 1987; 王寅, 2005; Болдырев, 2012; Бондарчук, Горожанов, 2024], лингвокультурологии [Тань Аошуан, 2004; Зыкова, 2017], китайского языкознания [Готлиб, 2007], включая справочные издания 周荐¹ и Син Фуи², компьютерной лингвистики [Горожанов, Красикова, 2024; Горожанов, 2023].

Материалом исследования послужили более 400 лексических единиц, относящихся к ЛСГ существительных-зоонимов, отобранных из современных китайских лексикографических источников 汉字形义分析字典³, 新华大字典⁴ и др.

¹周荐. 20世纪中国词汇学. 北京: 中国人民大学出版社, 2007年, 434页. [Чжоу Цзянь. Лексикология Китая XX века. Пекин: Издательство Народного университета Китая, 2007].

²邢福义. 汉语语法学. 北京: 商务印书馆2016年, 320页. [Син Фуи. Грамматика китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2016].

³汉字形义分析字典 / 曹先据, 苏培成主编. 一北京: 北京大学出版社, 1999年, 736页. [Словарь анализа формы и значения китайских иероглифов / гл. ред.: Цао Сяньцзюэ, Су Пэйчэн. Пекин: Издательство Пекинского университета, 1999].

⁴新华大字典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2015年, 1352页. [Большой словарь Синьхуа. Пекин: Международная компания коммерческого издательства, 2015].

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проводится комплексный анализ внутренней формы слов ЛСГ «животные» в китайском языке с учетом их категорий и культурных особенностей.

В ходе исследования были использованы различные методы, включая лексико-семантический анализ, концептуальный анализ, сравнительный метод, метод лексической реконструкции, что позволило провести всестороннее изучение внутренней формы слов ЛСГ существительных-зоонимов в китайском языке и выявить их специфические особенности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В семантике лексемы отражены два уровня: поверхностный (семантический) и глубинный (*deep semantics / surface semantics*), и вот именно на глубинном уровне хранится весь культурный пласт этноса. Используя терминологию Е. Г. Беляевской, мы называем это когнитивной моделью (КМ), ментальной картинкой, КВФ и т. д. [Беляевская, 2013]. Данные идеи мотивируют развитие методики учета в семантических исследованиях концептуального уровня лексемы или когнитивных моделей.

В китайском языке внутренняя форма слова особенно ярко проявляется благодаря иероглифической системе письма. В графической оболочке китайских логограмм закодирована семантическая и фонетическая информация, которая высвечивает концептуальные составляющие внутренней формы лексемы. Например, в КВФ лексемы 熊猫 (*xíóngmāo*, *панда*) фиксируются идея внешнего сходства с такими животными, как медведь и кошка (букв. 'медведь-кошка').

Связь внутренней формы слова с культурой и мировоззрением китайского этноса подчеркивается в рамках лингвокультурологии. В китайской культуре животные играют важную символическую роль. Например, двенадцать животных китайского зодиака (生肖, *shēngxiào*) ассоциируются с определенными чертами характера и судьбой человека. Животные также часто упоминаются в китайской мифологии, литературе и искусстве, что находит отражение в языке. Например, дракон (龙, *lóng*) символизирует силу и власть, а феникс (凤凰, *fènghuáng*) – гармонию и процветание. Эти символические значения часто находят отражение во внутренней форме слов, связанных с животными, что делает их особенно интересными для анализа.

Методика анализа включала в себя два этапа:

- 1) анализ концептуальной внутренней формы лексемы с опорой на этимологическую справку из аутентичных китайских лексикографических источников;
- 2) сопоставительный анализ всех значений лексемы в словарной статье с целью выделения концептуальных составляющих КВФ лексемы, которые не зафиксированы в словарной дефиниции.

В ходе концептуального анализа ЛСГ существительных-зоонимов в китайском языке нами были выделены базовые концепты, а также более мелкие концепты, моделирующие КВФ лексемы, концептуальные операторы (КО). Полученные концепты позволили распределить существительные-зоонимы на определенные группы, в основе которых лежат различные концептуальные представления. Это позволяет говорить о когнитивных основаниях системной организации лексико-семантических групп. На основе анализа были выделены базовые концепты (БК, более крупные концептуальные составляющие, разбивающие участок ЛСГ на группы) и концептуальные операторы (которые отражают различные аспекты восприятия животных: внешний вид, поведение, звуки, символическое значение, функции и другие характеристики). Рассмотрим каждую группу подробно.

Номинации, описывающие внешний вид животных (БК внешняя форма)

Как показал анализ, к наиболее частотной группе существительных-зоонимов были отнесены лексемы, в КВФ которых была заложена идея визуальных характеристик животных: цвет, размер, форма или соматические особенности:

- **КО цвет:** 斑马 («полосатая лошадь») *зебра*, 蓝鲸 («синий кит») *касатка*, 雪豹 («снежный леопард») *снежный барс*, 梅花鹿 («олень с узором цветов сливы») *пятнистый олень*.
- **КО размер:** маленький: 小马 («маленькая лошадь») *пони*. крупный: 大象 («большой слон») *слон*. гигантский: 巨蟒 («гигантский удав») *питон*.
- **КО соматические особенности (часто с указанием на их размер):** 长颈鹿 («олень с длинной шеей») *жираф*, 短尾猫 («кошка с коротким хвостом») *рысь*, 长臂猿 («обезьяна с длинными руками») *гibbon*, 蜗牛 («коровка с раковиной») *улитка*, 无尾熊 («медведь без хвоста») *коала*.
- **КО форма:** 蚯蚓 («кривой червь») *червь*, 刺猬 («игольчатый еж») *еж*, 袋鼠 («мышь с мешком») *кенгуру*, 鱼 («плоский + рыба»)

камбала, 星鱼 («звезда + рыба») морская звезда.

Названия, описывающие внешний вид, характерны для животных, чьи визуальные особенности наиболее заметны и играют ключевую роль в их идентификации. Как показал анализ, такого рода номинации характерны для птиц, рыб и млекопитающих, так как их внешний вид часто служит основным критерием для их описания.

Номинации, описывающие особенности поведения животного (БК физическая характеристика)

Данная группа включает лексемы, в которых концептуальная внутренняя форма отражает характерные действия или поведение животных, их функциональные особенности:

- **КО способ передвижения:** прыжок: 跳鼠 («прыгающая мышь») *тушканчик*, 跳蛛 («прыгающий паук») *прыгучий паук*; полет: 飞狐 («летающая лиса») *летага*; плавание / перемещение в воде: 游蛇 («плавающая змея») *уж*, 潜水鸟 («ныряющая в воду птица») *ныряющая птица*; положение в пространстве при передвижении: 伏翼 («падать лицом вниз + крыло») *летучая мышь*;
- **КО пища:** способ добычи пищи: 啄木鸟 («клевать + дерево + птица») *дятел*. объект питания: 食蚁兽 («пища + муравей + животное») *муравьед*, 食蜜鸟 (птица, которая ест мед) *сахарная птица*.
- **КО характерные физические свойства:** 浣熊 («полоскаться + медведь») *енот*; 鲨鱼 («убивать + рыба») *акула*; 负鼠 (fùshǔ, «обременять + мышь») *опоссум*.

Названия, описывающие поведение, характерны для животных, чьи действия легко наблюдаемы и запоминаются. Это особенно актуально для насекомых, птиц и мелких млекопитающих, чье поведение часто становится основой для их номинации

Номинации, связанные с функцией или использованием животного для определенной цели (БК цель)

Эта группа включает номинации, в которых внутренняя форма отражает роль или функцию животных в жизни человека. Такие названия часто связаны с сельским хозяйством, охотой или другими видами деятельности человека. Рассмотрим подробнее следующие примеры:

- **КО инструмент для добычи пищи:** 奶牛 («молочная корова») *корова*, 家鸡 («домашняя курица») *курица*, выращиваемая для

дома, 奶山羊 («молоко + гора + баран») *коза, дающая молоко*.

- **КО инструмент передвижения:** 雪橇犬 («снег + сани + собака») *ездовая собака*.
- **КО инструмент для хозяйственной деятельности:** 驯鹿 («прирученный олень») *северный олень*, 绵羊 («волокно + овца») *овца (дающая шерсть)*, 守宫 геккон («охранять + дворец») *геккон*.

Номинации, описывающие оценочное отношение говорящего к животному (БК статус)

В существительных 老鼠 («старый + мышь») *мышь*, крыса и 老虎 («старый + тигр») *тигр* иероглифический знак 老 указывает на возраст или мудрость животного в понимании носителей китайского языка. В существительном 水虎鱼 (shuǐhǔyú, «вода + тигр + рыба») *пиранья* интересно отметить метафорическое употребление иероглифа 虎 (прямое значение *тигр*), которое указывает на то, что носитель китайского языка высвечивает такие характеристики пираньи, как свирепость и агрессивность, которые присущи тигру. В примере 水母 (shuǐmǔ, «мать вод») *медуза* иероглифический знак 母 *мать* указывает на то, что медуза воспринимается носителем китайского языка как важнейший компонент морской экосистемы.

Названия, связанные с функцией домашнего животного, которые подчеркивают его практическую ценность и роль в хозяйственной деятельности, а также отношение к нему носителей китайского языка.

Названия, связанные с цветом, размером и строением, характерны для животных, чьи физические особенности легко заметны и играют ключевую роль в их идентификации. Это особенно актуально для млекопитающих, рептилий и птиц.

Номинации, профилирующие среду обитания животного

- **КО водная среда.** вода: 水牛 («вода + бык») *буйвол*, 水獭 *выдра*; море: 海豚 *дельфин*, 海豹 *тюлень*, 海狮 *морской лев*, 海象 *морж*; река: 河马 *бегемот*.
- **наземная среда.** горы: 山羊 («гора + козел») *горный козел*; поле: 野猪 («поле + свинья») *кабан*; песок: 沙鼠 («песок + мышь») *песчанка*; степь: 草原狼 («степь + волк») *степной волк*; скалы: 岩羊 («скала + баран») *горный баран*.
- **КО древесная среда:** 树懒 («дерево + лень») *ленивец*.
- **КО географическая локация:** 北极熊 («северный полюс + медведь») *белый медведь*.

Особое внимание следует уделить полиморфной внутренней форме, когда в одном зоониме сочетаются несколько концептуальных признаков. Данный феномен представляет особый интерес у когнитологов, поскольку демонстрирует комплексный подход носителей китайского языка к категоризации животного мира. В подобных номинациях происходит совмещение различных концептуальных операторов, что позволяет создать более полный и точный образ животного. Рассмотрим данное явление на конкретных примерах:

В КВФ лексемы 虎鲸 (hǔjīng) «косатка» зафиксировано два ментальных пространства. Первое ментальное пространство: агрессивное поведение хищника (虎 «тигр»). Второе ментальное пространство – таксономическая принадлежность (鲸 «кит»). Результат блендинга: морское млекопитающее с хищническим поведением.

Такая концептуальная интеграция позволяет создать более сложную и многомерную репрезентацию животного в языковом сознании носителей китайского языка. При этом важно отметить, что выбор конкретных компонентов для номинации не случаен – он отражает те признаки, которые

являются когнитивно салиентными для данной культуры.

В рамках теории прототипов Э. Рош, подобные полиморфные номинации можно рассматривать как способ более точного позиционирования объекта относительно прототипических категорий. Например, в лексеме 树袋熊 (shùdàixióng) «коала» просматривается указание на прототипическую среду обитания (树 «дерево»), уникальную анатомическую характеристику (袋 «сумка»), внешнее сходство с прототипическим представителем другой категории (熊 «медведь»).

Комплексная структура внутренней формы демонстрирует, как в китайском языке реализуется принцип иконичности – стремление к отражению в языковой форме максимального количества существенных признаков объекта номинации.

Полученные данные можно систематизировать и представить в виде схемы (см. ниже рис. 1).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ внутренней формы слов, относящихся к ЛСГ «животные», в китайском языке позволяет сделать

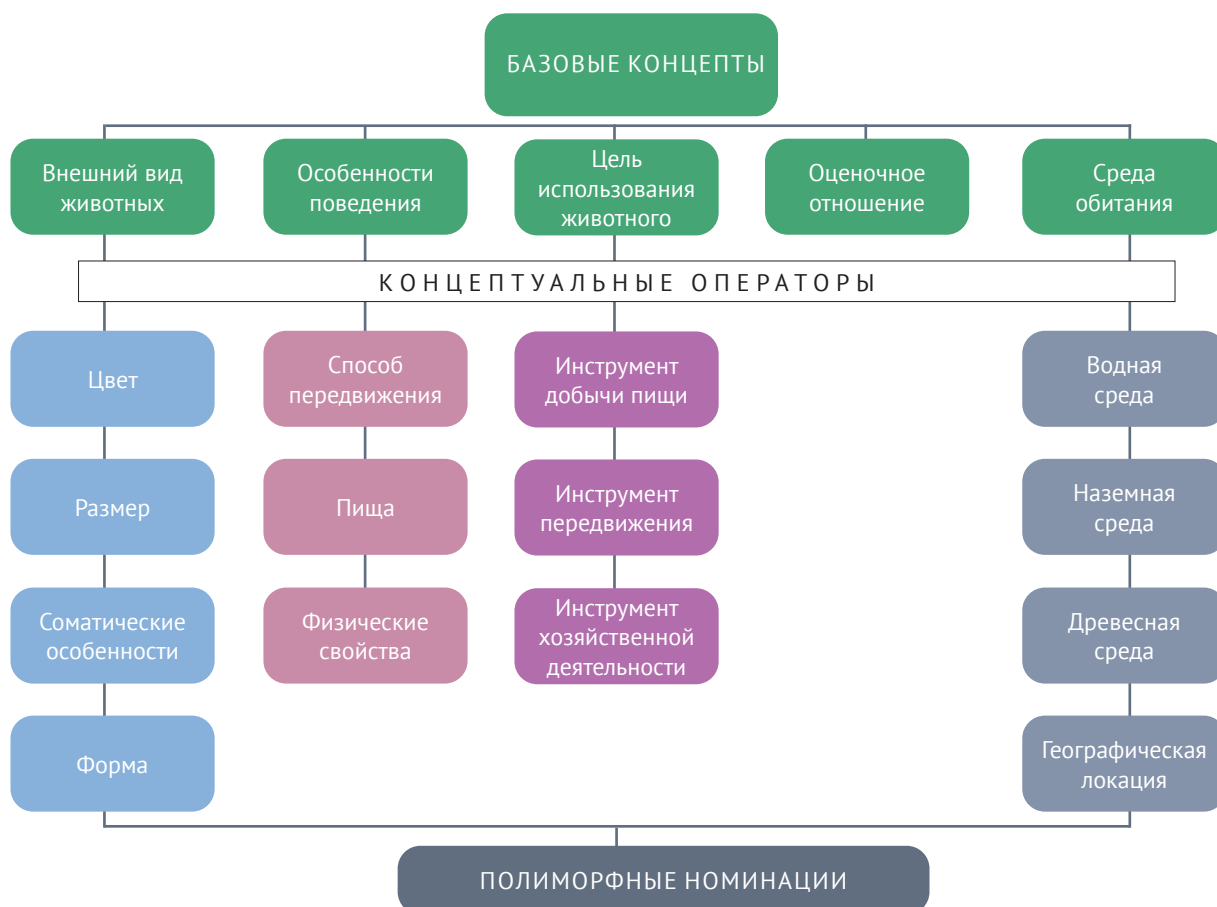

Рис. 1. Когнитивная модель базовых концептов и концептуальных операторов ЛСГ существительных-зоонимов в китайском языке

несколько важных выводов: во-первых, благодаря иероглифической системе письма, внутренняя форма слов в китайском языке часто оказывается более прозрачной, чем в языках с алфавитной системой. Это позволяет носителям китайского языка не только идентифицировать объект, но и воспринимать его через призму культурных и символических ассоциаций; во-вторых, КВФ слов в ЛСГ «животные» демонстрирует разнообразие подходов к номинации. Названия животных могут отражать их внешний вид, поведение, среду обитания, функции или физические характеристики. Это разнообразие свидетельствует о том, что восприятие животных в китайской культуре многогранно и включает как практические, так и символические аспекты; в-третьих,

лингвокультурологический анализ показывает, что животные занимают важное место в китайской языковой картине мира. Они не только являются объектами наблюдения, но и играют ключевую роль в мифологии, философии и повседневной жизни.

Таким образом, КВФ слов, относящихся к ЛСГ существительных – зоонимов в китайском языке, является не только средством номинации, но и важным элементом когнитивной и культурной системы. Анализ данной группы лексем особенно значим для понимания китайской языковой картины мира. В качестве перспективы исследования предполагается выделить основания классификации данной ЛСГ на основе зафиксированных концептуальных составляющих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Красикова Е. А. Лингвокреативность в формировании кодов культуры: опыт когнитивно-дискурсивного анализа фразеологизмов и паремий русского и китайского языков // Славянская фразеология и паремиология. Культурное наследие и современность: сборник научных статей. Гомель: Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, 2022. С. 138–143.
2. Горожанов А. И., Красикова Е. А. Формальная модель оценки образа персонажа художественного произведения (на материале романа Дж. Оруэлла «1984») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 9. С. 3239–3248.
3. Радус Л. А., Мироненко К. Н. Образ вооруженных сил в институциональном и неинституциональном медиадискурсе КНР // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 2. С. 494–500.
4. Беляевская Е. Г. Компонентный анализ VS концептуальный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. Вып. 554. С. 140–146.
5. Беляевская Е. Г. Когнитивная деятельность человека в зеркале семантики // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 276–287.
6. Taylor J. R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford: Clarendon Press, 1989.
7. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1987.
8. 王寅. 认知语言学探索 重庆: 重庆出版社, 2005年, 404页 = Ван Инь. Исследование когнитивной лингвистики. Чунцин: Издательство Чунцина, 2005.
9. Болдырев Н. Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: коллективная монография. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина. 2012. С. 17–101.
10. Бондарчук Г. Г., Горожанов А. И. Репрезентация категории наименований одежды в американской лингвокультуре (корпусное исследование) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 780–787.
11. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.
12. Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.
13. Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
14. Горожанов А. И., Красикова Е. А. Получение значимых данных из неподготовленного текста путем его автоматической обработки авторскими лингвистическими инструментами (на материале электронных китайских СМИ) // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 54. С. 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05.
15. Горожанов А. И. Создание лингвистического корпуса на основе инструментов обработки естественного языка: планирование программных решений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 5. С. 1616–1620. DOI 10.30853/phil20230252.

REFERENCES

1. Krasikova, E. A. (2022). Linguocreativity in the formation of cultural codes: the experience of cognitive-discursive analysis of phraseological units and paroemias of the Russian and Chinese languages. In Slavic Phraseology and Paremiology. Cultural heritage and modernity (pp. 138–143): a collection of scientific articles. Gomel: Gomel State University named after Franzisk Skaryna. (In Russ.)

2. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Formal model for evaluating the image of a character in a fictional work (based on G. Orwell's novel "1984"). *Philology. Theory & Practice*, 17(9), 3239–3248. (In Russ.)
3. Radus, L. A., Mironenko, K. N. (2025). Image of the armed forces in the institutional and non-institutional media discourse of the PRC. *Philology. Theory & Practice*, 18 (2), 494–500. (In Russ.)
4. Belyaevskaya, E. G. (2008). Component analysis VS conceptual analysis. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 554, 140–146. (In Russ.)
5. Belyaevskaya, E. G. (2013). Reflection of cognitive processes in the language semantics. *Cognitive studies of language*, 15, 276–287. (In Russ.)
6. Taylor, J. R. (1989). *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press.
7. Lakoff, G. (1987). *Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
8. 王寅 (2005). *认知语言学探索*. 重庆: 重庆出版社. Wang Yin. *Cognitive linguistics research*. Chongqing: Chongqing Publishing House. (In Chinese)
9. Boldyrev, N. N. (2012). Categorial system of language. *Cognitive studies of language*. In *Categorization of the world in language* (iss. X, pp. 17–101): a collective monograph. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin. (In Russ.)
10. Bondarchuk, G. G., Gorozhanov A. I. (2024). Representation of the category of clothing names in American linguo-culture (corpus-based research). *Humanities and law research*, 11(4), 780–787. (In Russ.)
11. Tan, Aoshuang (2004). *The Chinese picture of the world: Language, culture, mentality*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.)
12. Zyкова, I. V. (2017). *Metalinguage of linguoculturology: constants and variants*. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
13. Gotlib, O. M. (2007). *Fundamentals of the grammatology of Chinese writing*. Moscow: AST: East-West (In Russ.)
14. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Obtaining meaningful data from an unprepared text by automatically processing with author's linguistic tools (based on the material of electronic Chinese media). *Issues of Applied Linguistics*, 54, 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05. (In Russ.)
15. Gorozhanov, A. I. (2023). Building a linguistic corpus based on natural language processing tools: planning software solutions. *Philology. Theory & Practice*, 16(5), 1616–1620. DOI 10.30853/phil20230252. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Красикова Елизавета Александровна

кандидат филологических наук
доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков
Московского государственного лингвистического университета

Мироненко Константин Николаевич

адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Krasikova Elizaveta Alexandrovna

PhD (Philology)
Associate Professor of the Department of Training Teachers of Rare Languages
Moscow State Linguistic University

Mironenko Konstantin Nikolaevich

Adjunctat, Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

07.05.2025
29.05.2025
13.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Фразеологические единицы в коммуникации неслышащих: поиски корреляций с русским звучащим языком

Я. Н. Лешкова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Автономная некоммерческая организация «ИПГиС «На Жестах», Москва, Россия
zcz@list.ru

Аннотация. В статье ставится цель исследовать дивергенцию в способах выражения идиоматических единиц в русском жестовом языке и русском языке при сохранении их содержательной общности. Автор выдвигает гипотезу о возможности выражения идиом русского языка единичными визуальными знаками в русском жестовом языке. Основным методом является сопоставительный анализ 19 фразеологических единиц, который выявил тенденцию к структурной компрессии: 68,4 % фразеологизмов в русском жестовом языке представлены цельными визуальными знаками. Установлено полное совпадение образных концептов в обеих языковых системах и высокая степень лексического соответствия (84,2 % случаев). Результаты подтверждают устойчивость концептуально-семантических связей между фразеологическими системами русского и русского жестового языков, несмотря на различия в их структурной организации.

Ключевые слова: образность, культурные концепты, фразеологизм, идиома, русский жестовый язык, русский язык, визуальный знак, жестовое слово, артикуляция, кинесика

Для цитирования: Лешкова Я. Н. Фразеологические единицы в коммуникации неслышащих: поиски корреляций с русским звучащим языком // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 75–83.

Original article

Phraseological Units in Russian Sign Language: Looking for the Correlation with Spoken Russian Language

Yaroslava N. Leshkova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Autonomous Non-Profit Organization «With Signs», Moscow, Russia
zcz@list.ru

Abstract. The aim of the research is to compare the divergence in expressing idiomatic units in Russian Sign Language and Russian language while maintaining their conceptual unity. The author hypothesizes that Russian language idioms can be expressed through single visual signs in Russian Sign Language. The main method of comparative analysis of 19 phraseological units revealed a tendency toward structural compression: 68.4% of idioms in Russian Sign Language are represented by integral visual signs. Complete correspondence of figurative concepts was established in both language systems, along with a high degree of lexical equivalence (84.2% of cases). The results confirm the stability of conceptual-semantic connections between the phraseological systems of Russian and Russian Sign Language, despite differences in their structural organization.

Keywords: imagery, cultural concepts, phraseologism, idiom, Russian Sign Language, Russian language, visual sign, sign word, articulation, kinesics

For citation: Leshkova, Ya. N. (2025). Phraseological units in Russian sign language: Looking for the correlation with spoken Russian language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 75–83. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В рамках исследования фразеологических единиц русского жестового языка (РЖЯ) возникает принципиальный вопрос об их лингвистической природе: являются ли данные фразеологизмы самостоятельными языковыми единицами или представляют собой производные элементы от фразеологической системы русского языка (РЯ)? Ряд исследователей полагает, что РЖЯ является самостоятельной языковой системой со своей уникальной культурой, грамматикой и лексикой. Так, Г. Л. Зайцева подчеркивает, что РЖЯ развивался независимо от русского звучащего языка и отражает уникальное мировосприятие сообщества глухих¹. Однако анализ современного состояния исследований в данной области показал отсутствие фундаментальных работ, направленных на изучение специфики фразеологической системы РЖЯ, поэтому в фокусе данного исследования находится актуальный вопрос о наличии концептуально-семантического единства фразеологических систем РЖЯ и РЯ при их структурно-формальной дивергенции, обусловленной различием языковых модальностей.

Новизна исследования обусловлена комплексным структурно-семантическим анализом фразеологических единиц РЯ и РЖЯ в сопоставительном аспекте. Впервые предпринята попытка систематического изучения идиоматичности как лингвистического феномена в двух типологически различных языковых системах. Эмпирическую базу исследования составляет корпус из 150 фразеологических единиц РЯ и РЖЯ. Для детального анализа отобраны 19 репрезентативных фразеологических единиц, демонстрирующих ключевые структурно-семантические особенности идиом в обоих формах языка – в русском и русском жестовом.

Методологической основой исследования послужил интегративный подход, сочетающий элементы классификационной системы В. В. Виноградова с современными когнитивно-лингвистическими концепциями идиоматики. Отобранные для анализа единицы репрезентируют два типа фразеологизмов: фразеологические сращения и фразеологические единства (идиом в узком смысле).

Задачи исследования:

- 1) провести сопоставительный анализ структурной организации фразеологических единиц в русском и русском жестовом языках;
- 2) определить модель структурной трансформации фразеологизмов русского языка

при их реализации в визуально-пространственной модальности РЖЯ;

- 3) выявить концептуально-семантические соответствия между фразеологическими единицами РЯ и РЖЯ;
- 4) установить уровень лексического соответствия между компонентами фразеологических единиц РЯ и РЖЯ.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В. В. Виноградов в своих фундаментальных работах озаменовал открытие первого классического этапа развития фразеологии, который включает разграничение фразеологических единиц от слов и свободных словосочетаний со свободным значением. В настоящее время в фразеологии звучащего языка функционируют определенные правила: «Фразеологизмы состоят всегда из одних и тех же компонентов, которые располагаются друг за другом в строго установленном порядке. Произвольная замена компонентов фразеологической единицы (ФЕ) приводит к разрушению фразеологизма. Так, например, если заменить один из компонентов фразеологизма *‘носить воду решетом’* (делать что-либо впустую, без результата) на *‘носить воду ведром’*, то мы получим свободное словосочетание. Постоянство состава и фиксированный порядок следования компонентов фразеологизма называется устойчивостью»². Таким образом, фразеологизм определяется как устойчивое выражение, состоящее из двух или более слов, значение которого не выводится из суммарных значений его компонентов.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПО В. В. ВИНОГРАДОВУ

В основу классификации ФЕ РЖЯ положена концепция В. В. Виноградова, выделяющая три основных группы, которые мы попытаемся приложить к ФЕ в РЖЯ [Виноградов, 1977]:

- 1) **фразеологические сращения** – семантически неделимые обороты, значение которых не выводится из значений компонентов, утративших образную мотивацию (например, *бить баклуши, попасть впросак*);
- 2) **фразеологические единства** – устойчивые обороты с прозрачной образной мотивацией, допускающие ограниченную вариативность дополнительных компонентов при

¹Зайцева Г. Л. Жестовая речь. Дактилология: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2000.

²Чепкова Т. П., Мартыненко Ю. Б., Степанян Е. В. Русские фразеологизмы. Знаем и учим: учебное пособие / Русский язык как иностранный. М.: ФЛИНТА, 2013. С. 107.

сохранении общего значения (*довести [себя, меня, тебя и др.] до белого каления, лить воду [на чью-либо] мельницу*);

- 3) **фразеологические сочетания** – устойчивые конструкции с одним инвариантным и несколькими вариативными компонентами (*закадычный друг / товарищ, сгорать от любви / ненависти, щепетильное дело / вопрос*).

Данные типы характеризуются различной степенью семантической слитности, мотивированности и структурной вариативности компонентов¹.

ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ «ИДИОМА» КАК ОСОБОГО ВИДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Очевидно, что классификация В. В. Виноградова, как и все классификации фразеологизмов, допускает определенную субъективность, однако ее, без сомнения, можно использовать как опору для изучения идиом в РЖЯ (1 и 2 типы ФЕ). Несмотря на единство во мнениях большинства исследователей, что идиома – это словосочетание, значение которого не выводится из значений его компонентов, – проблемы универсального определения идиом и критериев их классификации остаются нерешенными и продолжают привлекать внимание фразеологов. Рассмотрение идиомы как сложного языкового знака расширяет пределы изучения идиоматики, позволяя проводить междисциплинарные исследования в рамках лингвокультурологии, когнитивистики и социолингвистики [Чернобай, 2011].

При этом мы в данном исследовании опираемся на два основных признака идиом, предложенных С. Е. Чернобай.

1. **Абсолютно неделимое выражение**, значение которого не выводится из смыслов входящих в него слов. Характеристики фразеологических срощений и фразеологических единств объединяются в этой группе, поскольку в обоих случаях фразеологизмы являются семантически неделимыми и их общее значение не соответствует сумме значений отдельных компонентов.

2. **Высокий уровень идиоматичности**. Для понимания природы идиоматичности и немотивированности языковых единиц следует обратиться к понятию «аддитивная морфологическая модель». Согласно данной модели, слова образуются путем последовательного соединения морфем, при котором форма и значение элементов находятся в прямом соответствии, т. е. если некое значение «А» можно разделить на смысловые

компоненты «х» и «у», то и выражающая его языковая форма будет состоять из соответствующих частей. Аддитивный принцип предполагает, что значение целого словосочетания складывается из суммы значений его частей. Этот принцип является основным при построении обычных фраз и предложений [Жеребило, 2011]².

В настоящем исследовании идиоматические выражения рассматриваются как особый случай, где общее значение не складывается из значений отдельных компонентов. Главное отличие идиом от свободных словосочетаний заключается в их семантической неделимости и особой природе значения. В то время как другие фразеологизмы сохраняют определенную связь между значениями частей и целого, идиомы обладают уникальным переносным значением, которое невозможно вывести из простого сложения значений входящих в них слов.

Представляется, что специфика идиоматичности в РЖЯ проявляется в двух основных аспектах. Во-первых, идиоматические конструкции могут реализовываться как в форме устойчивых комплексов нескольких визуальных знаков, так и посредством единого визуального знака, который при переводе в форму языка аудиальной модальности трансформируются в развернутые словосочетания. Во-вторых, идиоматическим потенциалом обладают многие базовые жестовые слова.

В качестве иллюстрации показателен пример с визуальным знаком «ребенок», который при сопровождении определенной мимической модуляцией приобретает идиоматическое значение «крайне просто». Данный пример демонстрирует, что в РЖЯ простые визуальные знаки в сочетании с соответствующими немануальными компонентами могут формировать идиоматические значения, в то время как жестовые слова с нестандартной артикуляцией РЖЯ зачастую являются лексическими единицами с прямым значением. Таким образом, визуальный знак «ребенок» в комбинации со специфической мимикой образует идиому, тогда как жестовое слово «фэ-фэ» представляет собой лексему, требующую прямого перевода на русский язык аудиальной модальности и несущую в себе значение «то же самое» [Лешкова, 2022].

В звучащих языках подтверждение принципов идиоматичности звучащих языков выглядит следующим образом: (слово + слово) + иллюкуция = идиома. В жестовых языках данный принцип может выглядеть следующим образом: (жест + немануальный компонент) + иллюкуция

¹Чепкова Т. П., Мартыненко Ю. Б., Степанян Е. В. Русские фразеологизмы. Знаем и учим. М., 2013.

²Жеребило Т. В. Термины и понятия общей морфологии: словарь-справочник. Назрань: Пилигрим, 2011.

= идиома. И в приведенном примере мы видим: (жест [РЕБЕНОК] + движение [РЕЗКОЕ] + мимика [ИСКРИВЛЕННО-НАСМЕШЛИВАЯ]) + переносное значение (иллюкуция) = «проще простого».

МЕТОДИКА СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО И РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКОВ

В рамках настоящего исследования была поставлена задача сопоставить определенное количество идиом РЯ с соответствующими жестовыми выражениями РЖЯ. Результаты сопоставления представлены в таблице 1, содержащей следующие обозначения:

№ – порядковый номер фразеологизма.

Фразеологическая единица РЯ – идиоматическое выражение на русском языке.

Фразеологическая единица РЖЯ – идиоматическое выражение РЖЯ в форме описания выполнения всех компонентов (мануальных и немануальных) визуального знака.

Значение – смысл, заложенный во фразеологизмах для обеих форм – **РЯ** и **РЖЯ**, дополнительная информация о значении и особенностях употребления фразеологизма.

Тип – типы фразеологизмов, используемых автором в исследовании (идиомы):

- 1 – сращение (отсутствие образной мотивации);
- 2 – единство (прозрачная образная мотивация).

Концепт – образный концепт, заложенный во фразеологизме:

- + – совпали у РЯ и РЖЯ;
- – не совпали у РЯ и РЖЯ;
- / – частично совпали у РЯ и РЖЯ.

Лексема – лексемы, из которых состоит фразеологизм:

- + – совпали у РЯ и РЖЯ;
- – не совпали у РЯ и РЖЯ;
- / – частично совпали у РЯ и РЖЯ.

Форма – форма фразеологизма:

с – спаянная одним визуальным знаком;

чс – частично спаянная, состоящая из набора визуальных знаков, между которыми можно вставлять дополнительные жестовые слова, уточняющие, но не меняющие смысл.

Методика исследования включала два этапа анализа фразеологических единиц, которые выстраивались параллельно друг другу. На первом этапе осуществлялся отбор идиом русского языка из электронного словаря «Академик», к которым автором исследования, носителем РЖЯ Я. Н. Лешковой, осуществлялся подбор семантически эквивалентных единиц русского жестового языка из собственного ментального лексикона на основе интроспективного анализа. На втором этапе производился анализ идиом РЖЯ, представленных в видеоматериалах YouTube-канала Центра образования глухих и жестового языка им. Зайцевой (демонстрация А. Шиховой), с последующим подбором соответствующих единиц РЯ с использованием указанного лексикографического источника.

Результаты сопоставительного анализа (см. табл.) демонстрируют корреляцию семантической составляющей РЯ и РЖЯ на обоих этапах исследования. Данное наблюдение свидетельствует о высокой степени иконичности РЖЯ, проявляющейся в значительной частотности идиоматических выражений с образной семантикой.

Описание и номинация визуальных компонентов в данном исследовании основываются на экспертной оценке автора как носителя-информанта РЖЯ, что обусловлено отсутствием на данный момент унифицированной системы мета-языкового описания визуальных знаков РЖЯ. Данный подход к описанию материала, опирающийся на компетенцию носителя языка, является общепринятым в лингвистических исследованиях жестовых языков на современном этапе их научного изучения.

Таблица

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА

ФОРМА СОДЕРЖАНИЯ ФЕ РЖЯ: ЕДИНЫЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ ЗНАК				
№	Фразеологическое единство		Значение	Сравнение РЯ и РЖЯ
	РЯ	РЖЯ		
1	'бросаться в глаза'	жест [БРОСИЛОСЬ В ГЛАЗ]; артикуляция [л]; локация [под глазом]; мимика [озабоченность].	привлекает внимание или выделяется; м/б как негативный оттенок (недостатки, дефекты), так и позитивный (привлекательность; особенность объекта)	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: + Форма: с

ФОРМА СОДЕРЖАНИЯ ФЕ РЖЯ: ЕДИНЫЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ ЗНАК				
№	Фразеологическое единство		Значение	Сравнение РЯ и РЖЯ
	РЯ	РЖЯ		
2	‘мозолит глаза’	жест [МЕЛЬКАЕТ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ]; артикуляция [сжатые губы]; локация [перед глазами]; мимика [озабоченность]	надоедливо мелькает перед глазами, постоянно и беспрестанно присутствует	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: + Форма: с
3	‘перед носом’	жест [БЛИЗКО]; артикуляция [сжатые губы]; локация [у носа]; мимика [разные эмоции в зависимости от контекста]	близко, совсем рядом	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: + Форма: с
4	‘держат язык за зубами’	жест [ДЕРЖАТЬ У РТА]; артикуляция [стиснутые губы]; локация [у рта]; мимика [сердитость, строгость]	не болтать лишнего, не распускать сплетни	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: / Форма: с
5	‘не держит язык за зубами’	жест [СЛОВА ВЫХОДЯТ ЗА ПРЕДЕЛЫ РТА]; артикуляция [рррр]; локация [у рта]; мимика [разочарование, веселье, неодобрение]	болтает лишнего, распускает сплетни	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: / Форма: с
6	‘язык без костей’	жест [ЯЗЫК БОЛТАЕТСЯ]; артикуляция [л-л]; локация [у рта] или [в руке, изображающей рот]; мимика [разочарование, веселье, неодобрение]	указывает на человека, который слишком много говорит, сплетничает или не контролирует свои слова	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: / Форма: с
7	‘разводить руками’	жест [разведение рук в стороны с поднятыми плечами]; артикуляция [м]; мимика [равнодушие, недоумение, беспомощность]	отсутствие решения; незнание, как поступить в ситуации	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: + Форма: с
8	‘голубая мечта’	жест [мечта]; артикуляция [высунутый язык]; мимика [глаза навывкате]	идеалистическая, часто недостижимая мечта, которую человек страстно желает осуществить, но понимает, что это маловероятно	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: / Форма: с
9	‘задеть за живое’	жест [ПОЦАРАПАТЬ СЕРДЦЕ]; артикуляция [э]; мимика [муки]	случайно или нарочно своими словами или насмешками причинить душевную боль другому лицу	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: + Форма: с
10	‘зарубить на носу, зарубить на лбу’	жест [ЗАПИСАТЬ НА ЛБУ / ВИСКЕ]; артикуляция [запис]; локация [висок]; движение [резкое]; мимика [серьезная, строгая, сарказм, сердитая]	означает необходимость запомнить что-то очень важное	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: / Форма: с

11	‘(меня) не касается’	жест [ВСЕ РАВНО]; артикуляция [мм]; локация [на груди]; движение [резкое]; мимика [равнодушие, недовольство, раздражение, сарказм]	означает то, что собеседнику что-либо не интересно, что он никоим образом не намерен этим заниматься и нести какую-либо ответственность за это	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: + Форма: с
12	‘проще простого, пара пустяков’	жест [РЕБЕНОК]; артикуляция [л-л]; локация [на груди]; движение [резкое]; мимика [сарказм, издевательская]	означает что-то очень легкое; не составит трудностей для выполнения	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: – Форма: с
13	‘взбрело в голову, пришло на ум’	жест [ПРИШЕЛ]; артикуляция [п-п-п]; локация [от щеки до виска]; мимика [озарения]	возникать в сознании, начинать представляться; подуматься	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: + Форма: с
ФОРМА СОДЕРЖАНИЯ ФЕ РЖЯ: НАБОР ВИЗУАЛЬНЫХ ЗНАКОВ				
№	Фразеологическое единство		Значение	Сравнение РЯ и РЖЯ
	РЯ	РЖЯ		
14	‘ложка дегтя в бочке меда’	жест [КОНЧИК МИЗИНЦА/БРОСИЛОСЬ В ГЛАЗ, ИСПОРТИТЬ]; артикуляция [т-т/н, испо/уаз]; локация [у рта]; мимика [уверенное удивление, сердитость, недовольство, раздражение]	указывает на небольшой, но портящий общее впечатление недостаток	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: – Форма: чс
15	‘держат камень за пазухой’, ‘затаить злобу’, ‘затаить обиду’, ‘точить зуб на кого-л.’	жесты [РУКАМИ СЖИМАЮ СЕРДЦЕ / ЗЛОСТЬ / ОБИДА, ПОДОЖДИ]; артикуляция [з-з, аб, ф-ф]; локация [на груди / у щеки]; мимика [уверенное удивление, раздраженная, злая, сердитая]	скрытая неприязнь или обида по отношению к кому-либо, которую не хотят отпускать	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: / Форма: чс
16	‘вода камень точит’	жесты [ВОДА, КАМЕНЬ, ИСТОЧИТ, ДЫРКА]; артикуляция [вода, камень, а-а-а, дыр]; мимика [уверенность]	подчеркивает, что постоянные усилия приводят к результату, даже если это не сразу заметно	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: + Форма: чс
17	‘пальцем не пошевелил’	жесты [ДЕЙСТВИЕ, ПУСТО]; артикуляция [дейст, пус]; мимика [равнодушие, недовольство, раздражение, сарказм]	указывает на полное бездействие или отсутствие помощи со стороны кого-либо	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: / Форма: чс
18	‘закрывать глаза’, ‘смотреть сквозь пальцы’	жесты [РАВНОДУШНО, ПРИКРЫВАЮ РУКОЙ ГЛАЗА]; артикуляция [ху, сжатые губы]; локация [у глаз]; мимика [равнодушие, недовольство, раздражение, сарказм]	игнорирование чего-либо преднамеренно; пренебрегать, потакать, потворствовать	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: / Форма: чс
19	‘золотые руки’	жесты [РУКИ, ЗОЛОТО]; артикуляция [руки, золото]; мимика [утвердительная, уважительная]	мастер, искусный в своем деле	Тип ФЕ: 2 Концепт: + Лексема: + Форма: чс

АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ИСХОДНЫХ ДАННЫХ

В рамках исследования проведем анализ форм выражения фразеологических единиц в РЯ и РЖЯ с целью выявления степени их структурного соответствия и различий. Данный этап исследования направлен на установление автономных особенностей реализации фразеологизмов в условиях различных языковых модальностей – аудиальной и визуально-пространственной.

В процессе сопоставительного анализа фразеологических единиц РЯ и РЖЯ было установлено существенное различие в реализации классической типологии фразеологизмов, предложенной В. В. Виноградовым – форма выражения при переводе фразеологических единиц с РЯ на РЖЯ характеризуется тенденцией упрощения для зрительного восприятия вербальной информации. В частности, фразеологические единства РЯ, обладающие прозрачной мотивированностью значения через метафорический перенос, при переводе на РЖЯ зачастую приобретают характеристики полной спаянности, выражаясь в одном визуальном знаке, при этом сохраняя прозрачную мотивированность входящих в ФЕ компонентов.

В качестве иллюстрации можно рассмотреть фразеологическое единство РЯ *задеть за живое*, которое в РЖЯ реализуется в виде монологического визуального знака. Этот знак представляет собой сложную конструкцию, включающую мануальный компонент [ПОЦАРАПАТЬ СЕРДЦЕ], дополненный немануальными компонентами: специфической артикуляцией (компрессия зубного ряда) и мимической модуляцией, объединяющей элементы «мучение» и «обида». Взаимодействие указанных компонентов формирует идиоматическое значение, интерпретируемое как *преднамеренное или непреднамеренное нанесение моральной или психологической боли адресату через саркастическое высказывание или пренебрежительное отношение*. При этом фразеологическое единство в обеих формах существования русского языка (РЯ и РЖЯ) сохраняет прозрачную образную мотивированность, основанную на логике заложенного в фразеологизме метафорического образа. Это позволяет выявить интермодальную концептуальную связь между аудиальной и визуально-пространственной реализацией данной фразеологической единицы.

В результате исследования были выявлены основные формы выражения фразеологических единиц в РЖЯ:

- 13 фразеологических единиц РЯ (номера 1–13) были переданы в РЖЯ с трансформацией формы выражения. При этом ФЕ РЯ,

состоящие из двух и более слов, преобразовывались в единый слитный визуальный знак, который представляет собой целостную, неделимую единицу. Такие визуальные реализации классифицируются как спаянные визуальные знаки.

- 6 фразеологических единиц РЯ (номера 14–19) были переданы в РЖЯ без значительных трансформаций формы выражения. В этих случаях ФЕ РЯ из двух и более слов сохраняли свою отдельность, переходя в набор визуальных знаков, объединенных общим контекстом, но не слитых в единый визуальный знак. Эти реализации классифицируются как частично спаянные конструкции.

Выявлена тенденция к структурной компрессии при передаче фразеологизмов в РЖЯ: сложные словосочетания РЯ трансформируются в лаконичные спаянные визуальные знаки или симультанные последовательности визуальных знаков, которые могут накладываться друг на друга и воспроизводиться одновременно.

Анализ содержательной стороны фразеологических единиц РЯ и РЖЯ позволил выявить корреляцию между образными концептами и лексическим составом фразеологизмов в обеих языковых системах. В ходе исследования установлено, что образные концепты демонстрируют полное семантическое соответствие во всех исследованных фразеологических единицах РЯ и РЖЯ. При этом существенная редукция (сокращение) количества лексем в РЖЯ не влияет на изменение базового образного концепта исходного фразеологизма РЯ.

Сопоставительный анализ лексемного состава фразеологических единиц выявил следующее распределение:

- 1) полное лексическое совпадение в РЯ и РЖЯ зафиксировано в 8 фразеологизмах (42,1 %);
- 2) частичное совпадение лексем отмечено в 8 фразеологизмах (42,1 %);
- 3) полное несовпадение лексического состава наблюдается в 5 фразеологизмах (10,5 %).

Такой анализ демонстрирует преобладание частичного совпадения лексем (42,1 %) и полных лексических совпадений (42,1 %), что свидетельствует об адаптивных механизмах передачи фразеологической семантики между двумя модальностями.

Полученные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на различия в модальностях (аудиальной в РЯ и визуальной в РЖЯ), лингвокультурные концепты демонстрируют высокую степень корреляции. Это подтверждает наличие

устойчивых семантических связей между данными языковыми системами на уровне концептуально-образного содержания фразеологических единиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление фразеологизмов русского языка с жестовыми выражениями подтверждает богатство и выразительность русского жестового языка. Использование мимики, артикуляции и других визуальных компонентов позволяет глухим и слабослышащим людям эффективно общаться, передавая эмоциональные и идиоматические нюансы, присущие звучащему языку. При этом некоторые жестовые идиомы обладают уникальными элементами, обусловленными спецификой жестовой коммуникации и визуального восприятия вербальной информации. Жестовые идиомы не только отражают общие культурные концепты, но и демонстрируют уникальные способы передачи смысла, характерные для визуально-пространственной модальности.

Таким образом подтверждается предположение о том, что РЖЯ является одной из форм существования русского языка, так как фразеологизмы РЯ и РЖЯ имеют общую концептуально-семантическую основу. Если в случае РЖЯ опора идет на

визуальную модальность и концепты выстраиваются компактно и быстро, выражая одновременно несколько визуальных знаков в пространстве; то в случае РЯ концепты на базе звуков выстраиваются строго линейно, а использование других модальностей носит вспомогательный характер, не влияющий на образование в языке фразеологизмов. В русском звучащем языке фразеологизмом может являться только словосочетание из двух и более слов, а в русском жестовом языке фразеологизмом, помимо сочетания двух и более визуальных знаков, также может являться сочетание жеста и любых других немануальных компонентов визуального знака.

В перспективе предстоит исследовать, каким образом разная степень владения РЖЯ влияет на восприятие фразеологизмов у разных категорий носителей. Для носителей с высокой степенью владения РЖЯ спаянные визуальные знаки могут представляться экономичной и естественной формой интеграции содержательного и образного аспектов идиом. Однако глухие или слабослышащие с ограниченным владением РЖЯ (например, пользователи с поздним освоением жестового языка или слабослышащие, преимущественно ориентированные на звучащий русский) могут столкнуться с трудностями при интерпретации спаянных визуальных знаков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977.
2. Чернобай С. Е. Определение идиомы в современной фразеологии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2011. № 3–2. С. 317–322.
3. Лешкова Я. Н. Особенности идиом в русском жестовом языке // Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования: сборник научных статей Второй международной научно-практической конференции, Москва, 16–17 декабря 2021 года / отв. ред. К. В. Голубина. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022. С. 173–178.

REFERENCES

1. Vinogradov, V. V. (1977). *Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannye Trudy* = Lexicology and Lexicography. Selected Works. Moscow: Nauka, 1977. (In Russ.)
2. Chernobai, S. E. (2011). Definition of Idiom in Modern Phraseology. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, 3–2, 317–322. (In Russ.)
3. Leshkova, Ya. N. (2022). Features of Idioms in Russian Sign Language. In Golubina, K. V. (Ed.), *Mezhkul'turnoe prostranstvo zhestovykh jazykov: perevod, kommunikacija, issledovanija* (pp. 173–178): Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2021, December 16–17. Moscow: MSLU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лешкова Ярослава Николаевна

директор автономной некоммерческой организации «ИПГиС «На Жестах»

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leshkova Yaroslava Nikolaevna

Director of the Autonomous Non-Profit Organization «With Signs»

Graduate student at the Department of General and Comparative Linguistics

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.05.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.05.2025	approved after reviewing
принята к публикации	12.06.2025	accepted for publication

Трилингвизм Псалтири Эдвина

С. В. Мухин¹, Е. Б. Морозова²

^{1,2}МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹s.muhin@inno.mgimo.ru

²morel@mail.ru

Аннотация. На материале Псалтири Эдвина – памятника письменности XII века – рассматривается типологический сдвиг европейских языков в ситуации трилингвизма средневековой Англии. В отличие от буквальности и консерватизма древнеанглийских глосс, англо-нормандский подстрочный перевод с латинского оригинала демонстрирует переход от синтетического морфосинтаксиса к аналитизму. Посредством сравнительного анализа ряда языковых явлений установлено, что старофранцузский язык демонстрировал инновационность в обеспечении и распространении аналитических тенденций, что особенно значимо с учетом высокого социолингвистического статуса англо-нормандского диалекта как средства коммуникации высших слоев средневекового английского общества.

Ключевые слова: Псалтирь Эдвина, синтетико-аналитический сдвиг, средневековый перевод, морфосинтаксис, грамматикализация, детерминативные системы, предложный синтаксис

Для цитирования: Мухин С. В., Морозова Е. Б. Трилингвизм Псалтири Эдвина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 84–91.

Original article

Trilingualism of the Eadwine Psalter

Sergey V. Mukhin¹, Elena B. Morozova²

^{1,2}MGIMO University, Moscow, Russia

¹s.muhin@inno.mgimo.ru

²morel@mail.ru

Abstract. Drawing on the 12th century Eadwine Psalter, the present research examines the typological shift of European languages within the context of medieval England's trilingualism. In contrast to the literal approach and conservatism of the Old English interlinear gloss, the Anglo-Norman translation demonstrates a departure from the synthetic morphosyntactic structure of the source text to certify a typological shift to analytic alignment. By putting a number of linguistic phenomena to comparative analysis the study establishes that Old French demonstrated innovation in advancing the transition to an analytic typology. This observation is especially relevant, given Anglo-Norman's high sociolinguistic status as the dominant language of Medieval England's elite.

Keywords: Eadwine Psalter, synthetic-analytic shift, medieval translation, morphosyntax, grammaticalization, determiner systems, prepositional syntax

For citation: Mukhin, S. V., Morozova, E. B. (2025). Trilingualism of the Eadwine Psalter. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 84–91.

INTRODUCTION

The 12th century in the history of English is notable for linguistic diversity and transitory character of the linguistic situation. The academic vision is largely unanimous in interpreting that linguistic landscape as complex and dynamic [Crystal, 2019; Machan, 2003]. Marginalized in written records, Old English (OE) continued to be spoken by the majority and was undergoing changes that shortly afterwards were to result in the emergence of Middle English. At the same time, the Anglo-Norman (AN) dialect of Old French (OF) had taken deep root as the language of the ruling elite. More complexity was ensured by medieval Latin, which catered for the religious, scholarly and administrative spheres of communication.

Such intricate situation, in which English saw itself heavily influenced, with AN and Latin acting as powerful impactors, could not pass without a trace. The most convincing evidence thereof is provided by a written source of major value – the Eadwine Psalter [Eadwine's Canterbury Psalter, 1889]. Its trilingual composition, the essential semantic identity of the texts in its three languages and the cultural and linguistic importance of medieval psalters [Pulsiano, 1995] offers a unique opportunity of comparison and deduction.

The present research aims to trace and analyze the typological evolution of European languages in contact by examining how original synthetic structures were adapted (or resisted) in translations in the particular historical and linguistic context of trilingualism. A number of tasks are addressed: to select a fragment of the Eadwine Psalter, arrange its texts in three languages for comparison by means of textual analysis, and put to scrutiny the correlative texts with a resort to systematic comparison, morphosyntactic analysis, diachronic analysis, contrastive method and code-switching analysis to establish the principal points of convergence and divergence between the versions. The theoretical inventory of the research suggests relying on the basic assumptions of the theory of grammaticalization.

The linguistic evidence is provided by the sizeable, generously illuminated 286-leaf manuscript presumably produced around 1155–1160 in Canterbury [Crépin, 2008]. It received its name after the principal scribe, whose guidance over a group of his colleagues is recorded in an inscription around Eadwine's portrait on one of the final pages, thus crowning the hard labor of the scribal team: *S(c)riptorum princeps ego (I am the chief of scribes)* [The Eadwine Psalter, 1992]. Presently the manuscript (MS R.17.1) is kept in the Wren Library of the Trinity College, Cambridge.

Leaving aside the Psalter's paleographic and artistic value as a cultural artifact and a piece of art, the present research is focused on the importance of the linguistic content, reflecting the continuity and change that shaped the history of the English language. Moreover, not only is it English that has profited on the Eadwine Psalter, but French also enjoys a share of its own. The AN text [Cambridge Psalter, 1876] of this *psalterium triplex* is in fact the second earliest complete translation of the psalms in the history of the French language, with the first one also emerging on the British soil [Howlett, 1996].

The format of the article does not allow for detailed consideration of all the psalms. At the same time, the observations made here touch upon the linguistic phenomena of general character, and therefore they can apply to the entire Psalter, which is uniform in a variety of aspects: style, vocabulary and grammar. Therefore, it suffices to provide the results of analyzing only a fragment of the whole collection. Psalm 22, which is among the shorter ones, appears suitable to ensure reliable linguistic evidence. The overall size of the text slightly varies in different versions and is about 90–115 words.

The combination of texts and glosses makes the layout of the manuscript look complicated enough, though its structure is rather logical. The book contains six texts, and five of them are, in essence, identical. The broadly spaced and larger Latin text on the outer edges of the left- and right-hand pages is the Gallican version of the Psalter (marked in red *Gall.* on the bottom of the left page and on the top of the right one), with explanatory Latin glosses between the lines and in both margins. The second, narrower column marked *Rom.* is the Romanum version of the Latin Psalter, with OE interlinear glosses. The column closest to the bound edge of the book (rightmost on the left page and leftmost on the right one), marked *Hebr.*, presents the Hebraicum version of the Latin Psalter, with AN interlinear gloss.

The Latin texts of the psalms, especially those of the Gallican and Romanum versions, diverge but little. The Hebraicum version features some minor differences of lexical and syntactic nature due to the fact that it is a 4th century Latin translation by Saint Jerome, made directly from the Hebrew original, unlike the Gallican and Romanum versions, whose immediate source of translation was Greek Septuaginta.

The language of the OE gloss has to be understandably identified as the late Wessex dialect at the verge of its demise, but in translating sacred books, glossators were supposed to strictly follow the tradition, which resulted in some artificial archaicity of the text. The language of the AN gloss is recognizably the dialect of OF spoken in Normandy and Britain.

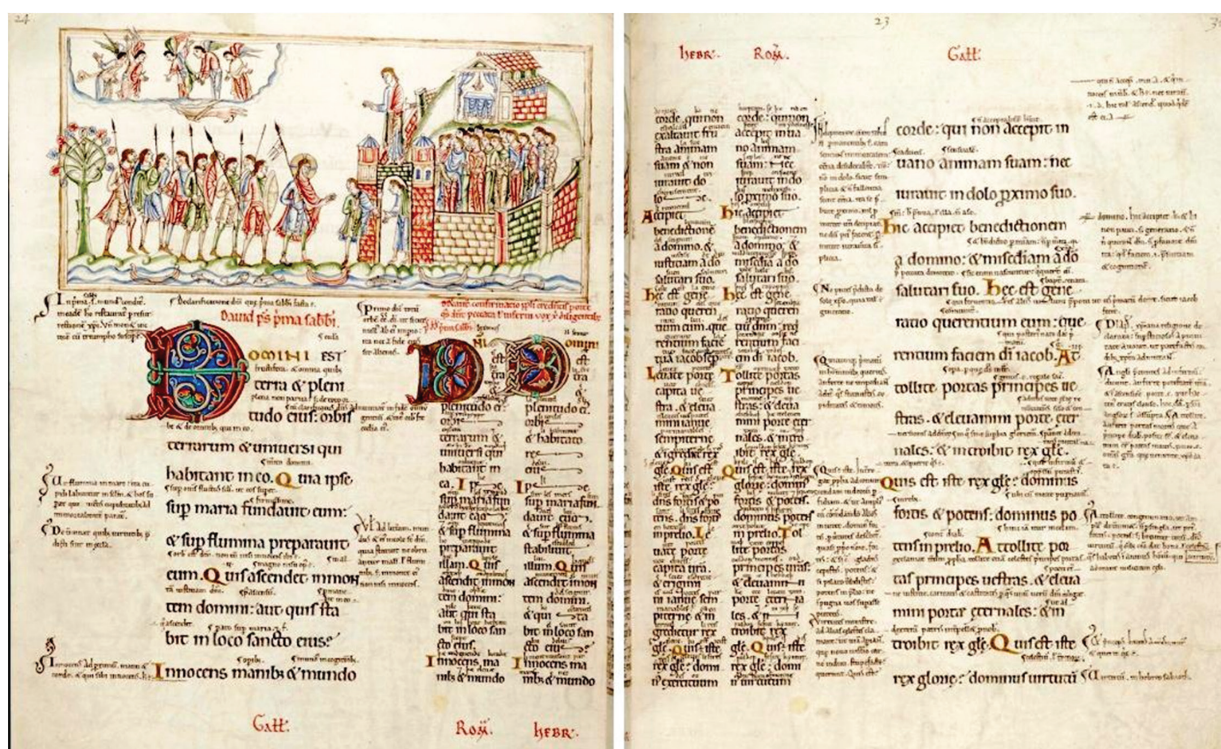

Fig. 1. The layout of the Eadwine Psalter, fols. 40v–41 r.

COMPARISON OF THE TEXTS

The Table below shows Psalm 22 verse by verse in the three languages. A New English translation in the version of the Douay-Rheims Bible is also provided. The Gallican version, never translated here, is omitted. The versions differ in versification: the Latin Hebraicum version and its AN gloss have verses 6 and 7 for what the other versions count as a single verse.

Let us proceed to the comparison of how the most significant linguistic phenomena are realized in different versions.

SUBSTANTIVE FIXED WORD-COMBINATIONS

Latin two-component attributive complexes of the $N + N^{gen}$ structural type, which are quite common in biblical texts, give evidence of phraseologization, as they are recurrently used and show fixed and restricted combinability of components. In the psalm under analysis there are several phrases of the kind: *locum pasquæ* (lit.: *place of pasture*), *aqua refectiois* (lit.: *water of refreshment*), *semitæ iustitiæ* (lit.: *paths of justice*), *umbra mortis* (lit.: *shadow of death*) and *longitudo dierum* (lit.: *length of days*). The idiomatic meanings of these are as follows: “favorable

conditions”, “spiritual revival”, “righteous behaviour”, “lethal danger” and “long peaceful existence”.

The OE gloss echoes the Latin structural pattern $N + N^{gen}$ in reproducing these set expressions: *stowe fosternodes*, *weter zereordunze*, *stize rihtwisnesse*, *deæþes sceaduwe*, *lanznesse dæzæ*. In OE all the word-combinations listed here were essentially phraseological calques, both sense- and structure-wise, with the genitive form of the attributive component. The only little digression from the Latin original is the reverse word order of the phrase *shadow of death* and the insertion of *minræ* (*my*) in *on lanznesse minræ dæzæ*.

The AN equivalents are identical to the Latin prototypes only semantically, as far as they all convey the same idiomatic meaning: *paisture de erbes*; *ewe de refectiun*; *sentes de justise*; *val de umbre de mort*; *lungur de jurz*. However, the structural type these idiomatic bibleisms belong to is dramatically different – the analytic prepositional pattern $N + prep + N$. With a decline of the category of case, prepositions play the key role in taking over the functions that had been performed by inflections, thus establishing the syntactic relations of prepositional regime. This is true not only about the fixed expressions. The AN glossators’ approach is freer all through the text, as is attested by the following example, in which they chose some original OF means to express concession

at the expense of literality of translation: e.g.: *sed et si ambulavero > mais ja seit iceo que jeo irai* (for if it so happens that I will walk).

Substantive fixed units in OE are replicated as structural calques, preserving both the semantic content and the genitive case morphology of the original, albeit with minor deviations in word order or lexical additions. Conversely, AN adaptations, though

semantically faithful, abandon the synthetic genitive construction in favor of analytic prepositional phrases, reflecting the decline of case inflection in favor of prepositional syntactic relations. This divergence underscores a fundamental shift from morphological to syntactic encoding of attributive relationships in AN, with the latter prioritizing idiomatic fluency over structural fidelity.

Table

PSALM 22 IN THE EADWINE PSALTER WITH A NEW ENGLISH TRANSLATION

Latin Romanum	Old English	Latin Hebraicum	Anglo-Norman	New English
Dominus regit me, et nichil michi deerit.	Drihten me ȝerecht, & nawuht me wane bið.	Dominus pastor meus, et nichil mihi deerit.	Li Sires mes pastres, e nule chose ne desiart a mei.	The Lord ruleth me, and I shall want nothing.
In loco pascuæ ibi me collocavit. Super aquam refectionis educavit me.	On þæræ stowe fosternoðes ðer he me ȝestæþelede. Ofer weteræs ȝereordunȝe he ȝefedde me.	In pascuis herbarum acclinavit me, super aquas refectionis enutrivit me.	En paistures de erbes aclinad mei, sur ewes de refectioniun nurrid mei.	He hath set me in a place of pasture. He hath brought me up, on the water of refreshment.
Animam meam convertit. Deduxit me super semitam iustitiæ propter nomen suum.	Sæwle mine he ȝecyrde. He ledde me ofer siðfet / stiȝe rihtwisnesse for his nomæn.	Animam meam refecit, duxit me per semitas justitiæ propter nomen suum.	La meie aneme refist, menad mei par les sentes de justise pur le suen num.	He hath converted my soul. He hath led me on the paths of justice, for his own name's sake.
Nam etsi ambulem in medio umbræ mortis, non timebo mala, quoniam tu mecum es. Virga tua et baculus tuus, ipsa me consolata sunt.	Witotlice & ȝef ic ȝanze on myddæn deæþes sceaduwe, ne ondræde ic yfæle, forþæn þu mid me bist / ært. Pin ȝierd & stef þin, hy me frefrodon.	Sed et si ambulavero in valle umbræ mortis, non timebo malum, quoniam tu mecum es. Virga tua et baculus tuus, ipsa consolabuntur me.	Mais ja seit iceo que jeo irai el val de umbre de mort, ne criendrai mal, kar tu ies od mei. La tue verge e li tuens bastuns, il me cunforterent.	For though I should walk in the midst of the shadow of death, I will fear no evils, for thou art with me. Thy rod and thy staff, they have comforted me.
Parasti in conspectu meo mensam adversus eos qui tribulant me. Impinguasti in oleo caput meum, et poculum tuum inebrians quam præclarum est.	Pu ȝeærwodeſt beod on minre ȝesihþe onȝean þa þe eærfoþiȝæþ / swencton me. Pu onbryddæs / mestest min heæfod on ele & þin dryncefæt drunȝniende hu bryht / mere is.	Pones coram me mensam ex adverso hostium meorum; impinguasti in oleo caput meum, et calix meus inebrians.	Tu poseras devant mei table e devers l'encuntre de mes enemis; tu encressas en oile mun chief, e li miens chalices enivranz.	Thou hast prepared a table before me against them that afflict me. Thou hast anointed my head with oil; and my chalice which inebriateth me, how goodly is it!
Et misericordia tua subsequitur me omnibus diebus vitæ meæ. Ut inhabitem in domo domini in longitudinem dierum.	& þin mildheortnesse me efterfylȝend eællum dæȝum mines lifes. Pet ic eærdiȝe on drihtnes huse on lanȝnesse minræ dæȝæ.	Sed et benignitas et misericordia subsequetur me omnibus diebus vitæ meæ. Et habitabo in domo Domini in longitudine dierum.	Mais e benignited e misericorde suzsiwerad mei tuz les sentes de justise. E jeo abiterai en la maisun del Seignur en lungur de jurz.	And thy mercy will follow me all the days of my life. And that I may dwell in the house of the Lord unto length of days.

VERB MORPHOLOGY

The verb forms of the OE version are typologically diverse and follow the rules of conjugation, with the flexible endings and roots which are grammatically charged a lot to express the categories of tense, mood, person, and number: *Ʒestæþelede* (set), *Ʒefedde* (raised), *ledde* (led), *Ʒecyrde* (converted), *ƷanƷe* (go), *ondræde* (fear), *bist / eært* (art), *Ʒeærwodeſt* (prepared), *onbryddæſ / meſteſt* (smeared), *efterfylƷend* (following), *eærdiƷe* (may dwell), etc. All of these are highly synthetic, rich in morphology and clearly dissectible, e.g. *Ʒe-ærwo-d-eſt*, *on-dræd-e*, *efter-fylƷ-end*, etc.

In this respect, even Latin sometimes turns out to be ahead in terms of analytism because it may occasionally offer a discrete perfect form which the glossator had to reproduce by synthetic means, for lack of verbal discreteness in OE, e.g. *hy me frefrodon* < *ipsa me consolata sunt* (they have comforted me). At the same time, OE may also feature a two-word form for a Latin indiscrete morphological entity, e.g.: *nawuht me wane bið* < *nichil michi deerit* (I shall lack nothing). Here the word-combination *wane bið* (lit.: *to be wanted*) betrays an analytic tendency in OE, but unlike in the previous case of the Latin grammaticalized form, this word-combination is a free complex **V + Adj**.

Indeed, the AN verb forms do not show more analytism than their Latin and OE counterparts. In the psalm in question there are no complex tense forms. In some regards OF verbs are even more prone to espouse synthesis, because of their ability to take synthetic future forms, either historically derived from the corresponding Latin ones or used as translational equivalence, such as *ambulavero* > *jeo irai* (I will walk); *non timebo malum* > *ne criendrai mal* (I will not fear evil) and suchlike. This is what the OE verb lacks, being reduced to the forms of *præsens* only to express future: *ic ƷanƷe*; *ne ondræde ic yfæle*.

OE verbs exhibit a highly synthetic structure, relying on inflectional endings and derivational prefixes. While OE sporadically employs analytic constructions, these remain non-grammaticalized syntactic composites rather than systematic innovations. In contrast, AN retains synthetic features. This divergence underscores OE's predominantly synthetic typology, balanced by nascent analytic tendencies, against AN's preservation of synthetic features despite broader Romance analytic trends.

WORD ORDER

The word order of the OE gloss makes almost no difference face to the Latin text, as Eadwine and his entire project rigorously observed the principle of

verbatim fidelity. Such literal renditions persisted with rare exceptions as long as OE was spoken and the psalms were submitted to translation. Anglo-Saxon glossators' product was the interlinear text intended to replicate the Vulgate's syntax. Literality was interpreted as translational precision. The only difference to be noted originates from typical omission of Latin pronominal subjects on the one hand, and their common use in OE on the other, e.g.: *non timebo mala* vs *ne ondrade ic yfel* (I will fear no evils); *impinguasti in oleo caput* vs *Pu Ʒesmiredest on ele heafod* (Thou hast anointed my head), and suchlike.

Except for this minor distinction, which, incidentally, was not strictly observed, both the Romanum Psalter's sentences and Eadwine's gloss look word-for-word twin, e.g.: *Ʒelædde me ofer stiðe rihtwisnesse for naman his* < *deduxit me super semitas iustitiæ propter nomen suum* (He hath led me on the paths of justice, for his own name's sake). The OE gloss exhibits isomorphic correspondence to the Latin original in component quantity, linear order, and morphosyntactic realization.

The AN version is not at all devoid of the same intention to be literal in terms of translation. Many syntactic patterns do not fail to follow the word order set by Saint Jerome eight centuries earlier. For example, the verb preceds the objective pronoun often enough, just like in the Latin original: *acclinad mei* < *acclinavit me* (set me); *nurrid mei* < *enutrivit me* (brought me up); *menad mei* < *duxit me* (led me); *suŷsiwerad mei* < *subŷŷetur me* (will follow me), etc.

It seems to be the general rule, but in Psalm 22 there is an instance of different use showing that even the most general rule does not exist without exceptions: *il me cunforterent* < *ipsa consolabuntur me* (they have comforted me). Here the prepositive place of the OF objective pronoun dissents with the rule mentioned above, a digression that was to become, in its turn, the mainstream in the French syntax. The use of personal pronouns is also obligatory, which draws the AN version closer to OE and distances it from Latin, e.g.: *e jeo abiterai en la maisun* = & *ic eærdiƷe on drihtnes huse* < *et habitabo in domo* (I may dwell in the house).

However, in regard to the word order, the difference between the AN text, on the one hand, and both Latin and OE, on the other, is substantial. The AN gloss does not go to such an extreme as the OE one in seeking syntactic replication. By the mid 12th century OF had already developed some consistent rules which were at odds with Saint Jerome's syntax perceived as archaic.

Among such rules there is the postpositive use of objective pronouns with prepositions as opposed to the place that the Latin dative form is expected to

take, e.g.: *nule chose ne desiart a mei* < *nichil mihi deerit* (*I shall lack nothing*). One more syntactic peculiarity distinguishing the AN word order is the shift of the link verb from its historical sentence-final position: *tu ies od mei* < *tu mecum es* (*thou art with me*). Another rule rigorously prescribes that pronominal determination should take precedence in attributive groups, contrary to its former use in Latin. The examples are many: *mes pastres* < *pastor meus* (lit.: *my shepherd*); *meie aneme* < *animam meam* (*my soul*); *suen num* < *nomen suum* (*his name*); *tue verge e li tuens bastuns* < *virga tua et baculus tuus* (*thy rod and thy staff*) and more.

All of those peculiarities of syntax make the AN version of the Eadwine Psalter clearly distinct from the Latin version as much as from the OE glosses. From a broader perspective, these peculiarities are underpinned by the general tendency of OF for a fixed word order – yet another manifestation of the evolutionary trajectory from synthesis to analysis.

ARTICLES USAGE

The three languages of the trilingual Psalter are most graphically opposed on the example of articles use. The simplest and the most consistent rule commands both Latin original texts: articles are in-existent, in congruence with one of the fundamental grammar characteristics of that language.

Opting for literal rendering, the OE glosses also dispense with articles, contrary to the general tendency, which in Eadwine's time had already taken shape too considerably to be ignored in a less formal use. In fact, the Eadwine Psalter's OE text is not without articles, or, at least, protoarticles, but in Psalm 22, which is under analysis in the present research, there is only one instance of an article-like word used to determine a noun: *on þære stowe* (*in the place*). Without doubt, the glossators could not enjoy such allowance too often, as it would have been understood as improper distortion of the sacred text, which spells without any determinants: *in loco*.

The AN version, again, stands out in comparison with those in Latin and OE, because it presents an ample use of articles to determine the nouns. One remarkable peculiarity of this use is the absolute dominance of the definite article forms, with no instances of the indefinite ones: *li Sires*, *les sentes*, *el val*, *l'encuntre*, *les jurz*, *la mesun*, *del Seignur* and more. By and large, these high-frequency forms make up an already established system, with the exception of the definite article used alongside possessive pronouns, which makes it look excessive under the present-day norm: *la meie aneme* (*my soul*); *le suen num* (*his name*); *la tue verge e li tuens bastuns* (*thy rod and thy staff*), etc. For all that, there occur word-combinations of the *pron + N*

type without articles: *mes enemis* (*my enemies*); *mun chief* (*my head*); *ma vie* (*my life*).

The treatment of articles exemplifies typological contrasts between Latin, OE, and AN. Latin imposes a determiner-free framework followed strictly in the OE gloss, which suppresses articles in favor of syntactic calquing, despite emerging proto-article tendencies in contemporaneous usage. In stark contrast, the AN version systematically employs definite articles, even redundantly, revealing an established determiner system that diverges from both Latin's austerity and OE's minimalism. The differential article usage thus epitomizes broader diachronic developments: Latin's morphological determinism, OE's syntactic literality, and AN's progression toward analytic determination.

PREPOSITIONS USAGE

It has previously been mentioned that the significance of prepositions in forming the AN variants of the substantive set phrases deserves a premium. However, this significance is not confined to phraseology alone, as prepositions are in the broad sense understood to be analytic means of syntax. Overall, the use of prepositions in all the three versions of the Psalter exhibits comparatively little dissimilarity, but some instances do occasionally take place, e.g. *tu mecum es* > *tu ies od mei* = *þu mid me bist* (*thou art with me*). Here every version has a peculiarity of its own: the Latin text features the use of a fused postposition *mecum* as a relic of an older word order, and in this respect, it is opposed to both translations; the AN version presents the direct word order, and the OE gloss puts the verb last. However, the glosses in both vernaculars put the preposition expectably before the pronouns in alignment with the general norm.

There appears to be general conformity in the use of locative, temporal, instrumental and other prepositions, e.g. *impinguasti in oleo* > *onbryddæs / mestest min heæfod on ele* = *encressas en oile* (*anointed in oil*) or *propter nomen suum* > *for his nomæn* = *pur le suen num* (*for his name's sake*). Yet, there is considerable difference on the part of the AN text. While the Latin syntactic architecture and its OE analogy prefer to express all shades of genitive relations synthetically, the OF syntax exhibits an unfailing proclivity towards prepositional constructions, e.g.: *la maisun del Seignur* as opposed to *domo Domini* and *drihtnes huse* (*Lord's house*). A similar case is detectable with dative relations regularly introduced by the preposition *a*, e.g.: *nule chose ne desiart a mei* < *nichil mihi deerit* (lit.: *nothing will lack to me*).

While all three versions show broad conformity in locative, temporal, and instrumental prepositional constructs, the AN text diverges markedly in its

reliance on analytic prepositional phrases to encode case relations expressed synthetically in Latin and OE. These distinctions epitomize the broader typological shift from synthetic to analytic encoding of grammatical relations, with prepositions in OF assuming functional roles previously governed by inflection. The findings illustrate how medieval vernacular translations negotiated between fidelity to sacred texts and the grammatical imperatives of evolving linguistic systems, with AN's prepositional proliferation signaling a decisive step toward analyticity.

CONCLUSION

The analysis of the Eadwine Psalter proves a fruitful attempt to take a snapshot of England's quickly transforming linguistic terrain of the 12th century. The comparison of the Psalter's three texts, especially those that were synchronically made in OE and AN, with the Latin one being the source text for both, secures an opportunity to reveal a dynamic interplay between linguistic fidelity and typological

evolution in medieval biblical translation. While OE prioritizes syntactic and morphological calquing of Latin structures, more analytically advanced AN diverges markedly through its analytic innovations, such as prepositional case encoding, fixed word order, and systematic use of definite articles. AN demonstrates far more advance in promoting and relaying the new tendencies [Trotter, 2000]. It is especially important, given the OF's particular status as an impactor in its relations with OE.

These trends reflect broader typological trajectories: Latin and OE epitomize synthetic systems reliant on inflectional morphology, whereas AN aligns with OF's progression toward analyticity. Despite shared reverence for the Vulgate's authority, OE's literalism underscores a conservative adherence to sacred text preservation, while AN's grammatical and syntactic adaptations signal vernacular pragmatism amid linguistic modernization. The trilingual Psalter encapsulates the most significant drift, ultimately charting the diachronic transition from synthesis to analysis in European languages.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 3rd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
2. Machan T. W. English in the Middle Ages. Oxford: Oxford University Press, 2003.
3. Eadwine's Canterbury Psalter. London: Trübner & Co, 1889.
4. Pulsiano Ph. Psalters // The Liturgical Books of Anglo-Saxon England / Ed. by R. W. Pfaff. Kalamazoo, 1995. P. 61–86.
5. Crépin A. Le "psautier d'Eadwine": l'Angleterre pluriculturelle. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2008. No. 152-2. P. 879–891.
6. The Eadwine Psalter. Text, image, and monastic culture in twelfth-century Canterbury / Ed. by M. Gibson, T. A. Heslop, R. W. Pfaff. London: Modern Humanities Research Association ; University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1992.
7. Cambridge Psalter // Le Livre des Psaumes / Ed. par F. Michel. Paris, 1876. P. 35–36.
8. Howlett D. The English Origins of Old French Literature. Four Courts Press, 1996.
9. Trotter D. A. Anglo-Norman. In Languages in Britain and Ireland / Ed. by G. Price. Blackwell, 2000. P. 197–206.

REFERENCES

1. Crystal, D. (2019). The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Machan, T. W. (2003). English in the Middle Ages. Oxford: Oxford University Press.
3. Eadwine's Canterbury Psalter (1889). London: Trübner & Co.
4. Pulsiano, Ph. (1995). Psalters. In The Liturgical Books of Anglo-Saxon England, ed. R. W. Pfaff. Kalamazoo, 61–86.
5. Crépin, A. (2008). Le "psautier d'Eadwine": l'Angleterre pluriculturelle. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 152-2, 879–891.
6. Gibson, M., Heslop, T. A., Pfaff, R. W. (Eds.). (1992). The Eadwine Psalter. Text, image, and monastic culture in twelfth-century Canterbury. London: Modern Humanities Research Association ; University Park, PA: Pennsylvania State University Press.
7. Cambridge Psalter (1876). In Michel, F. (Ed.), Le Livre des Psaumes (pp. 35–36). Paris.
8. Howlett, D. (1996). The English Origins of Old French Literature. Four Courts Press.
9. Trotter, D. A. (2000). Anglo-Norman. In Price, G. (Ed.), Languages in Britain and Ireland (pp. 197–206). Blackwell.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мухин Сергей Владимирович

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры английского языка № 1
МГИМО МИД России

Морозова Елена Борисовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка № 1
МГИМО МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mukhin Sergey Vladimirovich

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor of the English Language Department # 1
MGIMO University

Morozova Elena Borisovna

PhD (Philology)
Associate Professor of the English Language Department # 1
MoMGIMO University

Статья поступила в редакцию	02.05.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.05.2025	approved after reviewing
принята к публикации	12.06.2025	accepted for publication

Тенденция к аналитизму в современном итальянском языке: лингвоэкологические аспекты

А. И. Назаренко

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
annushka_n@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается тенденция к аналитизму в современном итальянском языке с позиций лингвистической экологии. Целью работы является проведение лингвоэкологического исследования для определения характера влияния аналитических способов моделирования на развитие современного итальянского языка. Анализируются модели «глагол + союз «е» + глагол», гибридные аналитические модели и кальки с английского. Используются метод непосредственного наблюдения за речевыми и языковыми фактами и метод анкетного опроса. Делаются выводы о позитивном влиянии аналитических тенденций на обогащение итальянского языка, однако отмечаются и их негативные аспекты. Для защиты итальянского языка от угроз рекомендуется разработать эффективную политику на государственном уровне.

Ключевые слова: тенденция к аналитизму, лингвистическая экология, аналитическое словообразование, принцип речевой экономии, сложные слова, англицизмы в итальянском языке, гибридизация дискурса, избыточные англоязычные заимствования, языковая политика, язык итальянских СМИ

Для цитирования: Назаренко А. И. Тенденция к аналитизму в современном итальянском языке: лингвоэкологические аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 92–98.

Original article

Analytical Tendencies in the Contemporary Italian Language: Linguo-Ecological Aspects

Anna I. Nazarenko

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
annushka_n@mail.ru

Abstract. The article elaborates on the analytical tendencies in the contemporary Italian language from the perspective of the Linguistic ecology. The study aims to conduct an Ecolinguistical research and determinate the nature of the influence of some analytical models on the contemporary Italian language. The article focuses on the analysis of “Verb+e+Verb” compounds, hybrid compounds and calques from English, by using a direct observation method and a survey method. We draw conclusions about the positive influence of the analytical tendencies on the enrichment of the Italian language and evidence some negative aspects. We posit that to protect the Italian language from threats it's recommended to elaborate an efficient state-level policy.

Keywords: language analytical tendencies, linguistic ecology, analytical word forms, economy principle in language, compound words, anglicisms in the Italian language, discourse hybridization, excessive English loanwords, language policy, Italian media discourse

For citation: Nazarenko, A. I. (2025). Analytical tendencies in the contemporary Italian language: Linguo-ecological aspects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 92–98. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время изучение проблем языковой динамики становится всё более актуальным в связи с социальными, политическими, экономическими изменениями и стремительным научно-техническим прогрессом, оказывающими огромное влияние на развитие языка. Соответственно, повышается интерес российских и зарубежных лингвистов «к разным способам пополнения лексического запаса отдельных языков, к принципам моделирования новых единиц номинации, к созданию таких языковых форм, которые закрепляют в языке новые структуры знаний» [Петрова, 2004, с. 4]. В рамках изучения процесса лингвистических трансформаций предметом исследования многих специалистов становится реализация принципа экономии языковых средств в русском [Харитоновна, 2014; Величко, 2015] и иностранных языках [Ковригина, 2013; Иванова, Яровая, 2020; Самборук, 2020]. В этой связи ведутся активные дискуссии о плюсах и минусах всё более широкого распространения одного из основных проявлений языковой экономии – тенденции к аналитизму [Кутепова, 2015; Аскарова, 2016]. Работы вышеперечисленных российских исследователей являются теоретической базой нашего исследования.

В наших предыдущих публикациях, посвященных изучению языка современных итальянских СМИ, мы также неоднократно обращались к данной проблематике и отмечали неоднозначность последствий аналитизации [Назаренко, 2020; Назаренко, 2024]. Нами было подчеркнуто, что благодаря этой тенденции обогащается лексический состав итальянского языка. Вместе с тем были зафиксированы случаи, в которых правильная интерпретация значения неологизмов представлялась затруднительной, что приводило к нарушению принципа коммуникативной целесообразности. Научная новизна данной статьи состоит в том, что изучение тенденции к аналитизму в современном итальянском языке проводится с позиций лингвистической экологии, с опорой на разработки российских специалистов [Курашкина, 2016; Чернышкова, 2017]. Предметом нашего исследования станут некоторые особенности проявления аналитической тенденции в итальянском языке на уровне словообразования и лексикологии. Целью исследования является проведение лингвоэкологического мониторинга для определения позитивного или негативного влияния трех выбранных нами аналитических способов моделирования новых единиц на развитие современного итальянского языка. Эмпирической базой исследования

являются примеры из итальянских средств массовой информации, из онлайн-версии толкового словаря Treccani, а также данные проведенного нами опроса информантов. Поскольку лингвистическая экология обращается к методам, применяющимся в изучении культуры речи, в нашей работе мы использовали метод непосредственного наблюдения за речевыми и языковыми фактами и метод анкетного опроса.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ПО МОДЕЛИ «ГЛАГОЛ + СОЮЗ “Е” + ГЛАГОЛ» (V + E + V)

Рассмотрим, как вписываются в итальянский лингвистический ландшафт сложные слова, образованные по следующему образцу: два глагола ставятся в форму второго лица единственного числа повелительного наклонения и соединяются союзом “е” (например, *usa e getta, apri e chiudi*). Лексические единицы, образованные с участием двух глаголов, часто встречаются в английском языке (*pick and mix; point and click; kiss and fly*). Отметим, что в итальянском подобные сложные слова традиционно выступают в функции определения: они ставятся после существительных, однако, не согласуются с ними. Например, сложное слово *usa e getta* (досл. ‘используй и выбрось’) остается неизменным в сочетании с различными существительными:

un bicchiere *usa e getta* – одноразовый стаканчик
una mascherina *usa e getta* – одноразовая маска
un sacchetto *usa e getta* – одноразовый пакет

Для нашего исследования представляется интересным, что по мере развития технологий расширялась и сфера употребления этого сложного слова:

una fotocamera *usa e getta* – одноразовый фотоаппарат
un cellulare *usa e getta* – одноразовый мобильный
una SIM *usa e getta* – одноразовая сим-карта

В последнее время *usa e getta* всё чаще используется не для описания невозможности многократного использования той или иной продукции, а для выражения более сложных понятий, например:

una relazione *usa e getta* – отношения, в которых преследуется определенная выгода, после получения которой они прекращаются
una persona *usa e getta* – человек, которым кто-то пользуется в корыстных целях, а затем прекращает общение

l'architettura usa e getta – архитектура, основывающаяся на потребительском отношении к окружающей среде

Более того, смысл таких словосочетаний, как *un lavoro usa e getta*; *un'ideologia usa e getta*; *una politica usa e getta*, становится понятным только из контекста, поскольку между словами отсутствует большое количество элементов связи. Так, например, автору вышедшей в 2024 году книги «Contro la città usa e getta. Per una cultura del costruire sostenibile» пришлось подробно разъяснять смысл названия в аннотации¹. Повышенная значимость наличия фоновых знаний является отличительной чертой аналитизма: лексическая единица может приобретать различное значение в зависимости от контекста.

Анализируя эволюцию сложного слова *usa e getta*, отметим, что в последнее время фиксируются случаи его употребления с артиклем в роли самостоятельной субстантивированной единицы: *contro l'«usa e getta»*; *nell'ideologia dell'usa e getta*².

Обратимся теперь к сложному слову *apri e chiudi*, для которого характерна схожая динамика развития. В словаре Treccani зафиксирован и вариант *apri-e-chiudi*, однако в языке прессы более частотным на данный момент является раздельное написание этого сложного слова³.

В некоторых словосочетаниях *apri e chiudi* можно заменить на прилагательное, например:

una sedia apri e chiudi = *una sedia pieghevole* (складной стул)

un sacchetto / un contenitore apri e chiudi = *un sacchetto / un contenitore richiudibile* (повторно закрывающийся пакет / контейнер)

Однако расширение сферы референции всё чаще делает подобные замены невозможными. Приведем в качестве примера словосочетания *un'azienda / una ditta / un'attività apri e chiudi*: они используются для обозначения компаний, которые прекращают свою деятельность, проработав совсем мало времени, и таким образом уходят от уплаты налогов (так называемых компаний-однодневок).

¹Magnago Lampugnani V. Contro la città usa e getta. Per una cultura del costruire sostenibile. Torino: Bollati Boringhieri, 2024. URL: <https://www.amazon.de/Contro-getta-cultura-costruire-sostenibile/dp/8833943534> (дата обращения: 05.03.2025).

²Mayo P. Rinegoziare l'egemonia nel passo di Gramsci e di un cambiamento // Il manifesto. 2024, 16 febbraio. URL: <https://ilmanifesto.it/rinegoziare-legemonia-nel-passo-di-gramsci-e-di-un-cambiamento> (дата обращения: 05.03.2025)

³Apri-e-chiudi // Vocabolario Treccani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/apri-e-chiudi_\(altro\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/apri-e-chiudi_(altro)/) (дата обращения: 05.03.2025)

Рассмотрим еще один пример: *una riunione / una seduta apri e chiudi* – это собрание или заседание, которое началось, и почти сразу же было объявлено завершенным, по причинам, которые в каждом конкретном случае становятся понятными только из контекста. Отметим тенденцию и к субстантивированному употреблению и этого сложного слова: *l'apri e chiudi di cassetti e armadi* (звуки открывающихся и закрывающихся ящиков и шкафов).

Мы видим, что рассмотренные аналитические конструкции позволяют в максимально сжатой форме выразить довольно сложные понятия. Однако зададимся вопросом, всегда ли подобная языковая экономия способствует выполнению коммуникативной задачи: адекватной передаче значения? Перейдем к анализу следующего сложного слова, *mordi e fuggi* (досл. 'откуси (отхвати) и убегай'), также образованного по модели «V + e + V» и входящего в состав многочисленных словосочетаний:

una gita mordi e fuggi – короткая поездка

un weekend mordi e fuggi – короткое путешествие в выходные

un pasto mordi e fuggi – быстрый перекус

una relazione mordi e fuggi – мимолетная связь; несерьезные отношения

В последние годы в итальянской прессе, в контексте борьбы итальянского правительства с уклонением от уплаты налогов, в значении «компания-однодневка» получило распространение еще одно словосочетание – *un'impresa mordi e fuggi*. Нам показалось интересным выяснить, правильно ли интерпретируют сами итальянцы подобные неологизмы, предлагаемые прессой. Приведем данные опроса носителей языка, полученные нами в начале 2020 года. В качестве респондентов выступили семеро итальянцев, в число которых входили служащие, преподаватели языковой школы для иностранцев в Риме и студенты венецианского университета Ca' Foscari. Двое из опрашиваемых правильно истолковали значение выражения *un'impresa mordi e fuggi*, в то время как трое ответили, что они не понимают, о чем идет речь. Особенно интересными нам показались ответы двух студентов. Один из них подтвердил, что встречал сложное слово *mordi e fuggi* в других контекстах, но смысл конкретного выражения для него непонятен. Он высказал предположение о том, что оно может употребляться в контексте инвестирования средств с целью получения быстрого дохода. Второй молодой человек признался, что никогда не слышал выражение *un'impresa mordi e fuggi*, но может предположить, что речь идет о чем-то «краткосрочном»,

например, о предприятии, которое открывается и в скором времени объявляет о закрытии.

Таким образом, с одной стороны ответы респондентов наглядно показали, что без точного знания контекста смысл подобных словосочетаний часто может трактоваться по-разному. С другой стороны, мы смогли получить подтверждение нашей рабочей гипотезы о возможности того, что иногда носители языка могут угадать значение незнакомого им неологизма.

По итогам первой части нашего исследования можно сделать вывод о том, что аналитическая словообразовательная модель «V + e + V», в которой прослеживается тенденция к экономии языковых средств, подходит для описания сложных реалий и способствует обогащению итальянского языка. Однако необходимо учитывать, что в ряде случаев понять смысл того или иного выражения, образованного по этой модели, можно только при наличии фоновых знаний.

ГИБРИДНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Рассмотрим аналитическую модель, посредством которой создаются гибридные лексические единицы. Это происходит в тех случаях, когда к итальянскому существительному добавляется англицизм, образованный по модели «V + and + V», например: *un approccio wait and see* (выжидательный подход). В итальянском языке существует прилагательное *attendista* (выжидательный), однако достаточно часто в национальных СМИ делается выбор в пользу сложного слова, являющегося частью английского выражения *wait-and-see approach*.

Интересно проследить в итальянской прессе эволюцию словосочетаний, в состав которых входит данный англицизм. Обратимся к статье 2019 года «Fed verso una strategia attendista di tipo “wait and see”»¹. В заголовке присутствует итальянское прилагательное *attendista*, поясняющее смысл англицизма *wait and see*, который заключен в кавычки, но написан отдельно. Далее, в тексте несколько раз встречается написание через дефис, как это принято в английском языке: *una strategia attendista di tipo «wait-and-see»; una strategia “wait-and-see”*. Однако в той же самой статье встречается и словосочетание *un approccio wait-and-see*, в котором сложное слово написано через дефис, но не заключено в кавычки.

Перейдем к статье, опубликованной в феврале 2025 года, в которой говорится о «выжидательной позиции»: «Anche per questo a Palazzo Chigi hanno per ora definito una posizione di *wait and see*, mentre

non si ferma comunque l'attività diplomatica su altri fronti»². Как мы видим, в данном случае выбирается раздельное написание сложного слова, однако оно выделяется в тексте курсивом. Подобная вариативность свидетельствует о том, что норма написания подобных лексических единиц еще не устоялась.

Примечательно, что в последнем случае англицизм присоединяется к итальянскому существительному при помощи предлога *di*, как традиционно происходит в словосочетаниях, в которых второе существительное выступает в функции прилагательного:

un accordo di pace – мирное соглашение
la distruzione di massa – массовое уничтожение
le attività di insediamento – поселенческая деятельность

Выведем предположение о том, что подобная трансформация словосочетания и его адаптация к грамматической структуре итальянского языка свидетельствуют о том, что гибридные аналитические модели постепенно приживаются на итальянской почве.

Как можно оценить подобную тенденцию с точки зрения лингвистической экологии? На наш взгляд, в отличие от словосочетаний, рассмотренных в первой части статьи, гибридные лексические единицы выступают в качестве препятствия для адекватного восприятия и понимания текста и делают коммуникативную задачу трудновыполнимой. Отметим, что ввиду существования итальянских эквивалентов употребление англицизмов в гибридных моделях чаще всего никак не обосновано.

Многие исследователи считают распространение гибридных форм, в состав которых входят англоязычные элементы, достаточно тревожным сигналом для национальных языков. По мнению О. Р. Бондаренко, тот факт, что «англоязычный языковой элемент быстрее вспоминается и произносится», свидетельствует о формировании когнитивного сдвига, подтверждающего, что «связи между коммуникативным намерением и его вербальным воплощением по-английски крепче», чем на родном языке [Бондаренко, 2019, с. 30].

КАЛЬКИ С АНГЛИЙСКОГО

Перейдем к рассмотрению следующей аналитической модели, в которой к существительному

¹Fed verso una strategia attendista di tipo ‘wait and see’ // Financialounge. 2019, 30 gennaio. URL: <https://www.financialounge.com/news/2019/01/30/fed-wait-and-see/> (дата обращения: 05.03.2025).

²Galluzzo M. Il governo: «Sull'Ucraina anche l'Ue sarà coinvolta». Tajani al vertice a sei con Rubio // Corriere della Sera. 2025, 18 febbraio. URL: https://www.corriere.it/politica/25-febbraio_18/il-governo-sull-ucraina-anche-l-ue-sara-coinvolta-tajani-al-vertice-a-sei-con-rubio-72faa388-b089-40aa-8759-338f058dfxk.shtml (дата обращения: 05.03.2025).

присоединяются инфинитивы, выступающие в качестве определения. Проиллюстрируем этот способ образования словосочетаний на следующем примере: в сентябре 2024 года во многих итальянских СМИ появилось выражение *un accordo "prendere o lasciare"* (не подлежащее обсуждению соглашение / сделка), употреблявшееся в контексте выдвижения предложений по урегулированию обострения палестино-израильского конфликта. Итальянские журналисты сделали прямой перевод английского выражения «take it or leave it» *agreement*, однако подобная калька с английского является избыточной: для передачи данного понятия в итальянском языке существуют словосочетания *un accordo non modificabile / non negoziabile*. На наш взгляд, выбор модели, характерной для английского языка, и отказ от привычного для итальянского языка словосочетания «существительное + определяющее прилагательное» могут привести к негативным последствиям.

Тем не менее, как и в случае с гибридными лексическими единицами, можно найти примеры попыток адаптации данного выражения к грамматической структуре итальянского языка. В прессе можно было также встретить вариант этого словосочетания, в котором между существительным и единицей, выступающей в роли определения, было добавлено еще одно прилагательное:

l'accordo finale 'prendere o lasciare' – окончательное соглашение, не подлежащее обсуждению

Стоит особо рассмотреть вариант, в котором в данном словосочетании используется предлог *da*: *un accordo da «prendere o lasciare»*. В случае употребления после предлога *da* лишь одного из глаголов структура выражения полностью соответствовала бы нормам итальянского языка:

un accordo da prendere – соглашение, которое необходимо принять
un accordo da lasciare – соглашение, на которое не нужно соглашаться.

Но в данном случае к предлогу *da* относятся два инфинитива, соединенные союзом: это подчеркивает и тот факт, что в тексте статьи в кавычки заключена лексическая единица «*prendere o lasciare*». Следовательно, речь идет именно о том понятии, которое выражается с помощью инфинитивов. Для возможности обоснованного употребления предлога «*da*» в данном случае было бы правильнее трансформировать выражение как *un accordo da non modificare*. Словосочетание *un accordo da «prendere o lasciare»* – это попытка

«итальянизировать» кальку с английского, но в итоге оно выглядит также странно, как выглядела бы потенциально возможная гибридная форма *un accordo di "take it or leave it"*.

Многие исследователи отмечают, что эксперименты со смешением кодов могут иметь негативные последствия, ведь создание неправильных словоформ и словосочетаний может повлечь за собой изменение лексико-грамматического строя языка [Бондаренко, 2019]. Если рассматривать языковую форму как отражение когнитивных структур, то можно высказать предположение о том, что тенденция к следованию грамматическим правилам английского языка может являться сигналом о начале процесса трансформации в сознании и мышлении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе нашего исследования мы рассмотрели три аналитических способа моделирования новых единиц в итальянском языке и проанализировали их с точки зрения лингвистической экологии.

С одной стороны, было отмечено благотворное влияние аналитических тенденций на развитие итальянского языка и обогащение его лексического состава. В первой части работы было проиллюстрировано, что аналитическая словообразовательная модель «глагол + союз “e” + глагол» является эффективным инструментом для создания новых слов и одновременной реализации принципа речевой экономии. При этом было указано, что в ряде случаев нужно принимать во внимание сильную зависимость таких неологизмов от контекста и, следовательно, предвидеть возможность возникновения терминологической путаницы.

С другой стороны, в ходе исследования были отмечены и негативные стороны тенденции к аналитизму. В частности, было показано, как гибридные лексические единицы, а также словосочетания, представляющие собой кальки с английского, могут отрицательно влиять на развитие современного итальянского языка. Данные примеры иллюстрируют необходимость фиксации и изучения изменений, происходящих в национальных языках в контексте глобализационных процессов.

Дальнейшее исследование данной темы представляется актуальным, так как не только в Италии, но и во многих других странах отсутствие грамотной языковой политики на фоне экспансии английского языка может привести к необратимым изменениям. Без надлежащего контроля в недалеком будущем многие национальные языки рискуют превратиться в наборы

знаков, своего рода конструкторы, открытые любым трансформациям, не связанные с мышлением, лишенные исторического прошлого и оторванные от культуры. Такие прогнозы вполне реалистичны, ведь, как отмечает А. В. Кирилина, «вместе с языком насаждаются чужой взгляд, чужая система оценок, чужое определение того,

что есть приемлемо или желаемо в нашем собственном языке» [Кирилина, 2013, с. 41].

В заключение подчеркнем необходимость постоянного лингвоэкологического мониторинга языка итальянских средств массовой информации и госучреждений для оценки рисков и выявления негативных тенденций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петрова Т. А. Свернутые конструкции как тип сложных номинативных единиц в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
2. Харитоновна Е. В. Динамика структуры синтаксиса современного русского языка: тенденции к экономичности и к дистинктности (на материале современной прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014.
3. Величко А. В. Закон экономии как условие функционирования и развития языка // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 12–17.
4. Ковригина А. И. Реализация принципа экономии языковых средств в современной испанской прессе: лексико-синтаксический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
5. Иванова Д. Н., Яровая Л. Е. Модели словообразования в современном английском языке // Инженерный вестник Дона. 2020. № 8 (68). С. 143–156.
6. Самборук Л. А. Языковая экономия в современном англоязычном интернет-пространстве (на материале публикаций о предвыборной кампании в США) // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 5. С. 305–319.
7. Кутепова Н. В. Тенденция к аналитизму в современном немецком языке // Национальная ассоциация ученых (НАУ). Филологические науки. 2015. № VI (11). С. 78–79.
8. Аскарова Л. Р. Проблемы аналитизма в тюркологии // Ислам и тюркский мир. Проблемы образования, языка, литературы, истории и религии: материалы VIII Международной тюркологической конференции. Казань, 2016. С. 168–170.
9. Назаренко А. И. Тенденция к аналитизму в языке итальянской прессы // Новый мир. Новый язык. Новое мышление. Сборник материалов III ежегодной международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 745–753.
10. Назаренко А. И. Экономичность выражения смысла в языке итальянских средств массовой информации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 72–77.
11. Курашкина Н. А. Истоки и пути развития эколингвистики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 246–250.
12. Чернышкова А. В. Экология языка и перспективы ее развития на современном этапе // Sciences of Europe. Philological Sciences. 2017. № 20 (20). С. 43–45.
13. Бондаренко О. Р. Англизация коммуникативного пространства современной России: что дальше? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 22–32.
14. Кирилина А. В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2013. № 2 (18). С. 36–45.

REFERENCES

1. Petrova, T. A. (2003). Svernutyye konstruksii kak tip slozhnykh nominativnykh yedinit v sovremennom angliyskom jazyke = Compound structures as a type of complex nominative units in modern English: abstract of the PhD thesis in Philology. Irkutsk. (In Russ.)
2. Haritonova, E. V. (2014). Dinamika struktury sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka: tendentsii k ekonomichnosti i k distinktnosti (na materiale sovremennoj pressy) = The dynamics of the syntax structure of the modern Russian language: a tendency to profitability and distance (based on the material of the modern press): abstract of the PhD thesis in Philology. Volgograd. (In Russ.)

3. Velichko, A. V. (2015). Law of Economy as a Condition of Language Functioning and Development. *Mir russkogo slova*, 2, 12–17. (In Russ.)
4. Kovrigina, A. I. (2013). Realizatsiia printsipa ekonomii iazykovykh sredstv v sovremennoi ispanskoi presse: leksiko-sintaksicheskii aspekt = The implementation of the principle of economy of language in the contemporary Spanish press: the lexical-syntactic aspect: abstract of the PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Ivanova, D. N., Yarovaya, L. E. (2020). Modeli slovoobrazovaniya v sovremennom anglijskom jazyke = Models of Word formation in the contemporary English language. *Engineering Journal of Don*, 8(68), 143–156. (In Russ.)
6. Samboruk, L. A. (2020). Law of language economy in modern English virtual space (based on American presidential campaign publications). *Modern Studies of Social Issues*, 12(5), 305–319. (In Russ.)
7. Kutepova, N. V. (2015). The tendency towards the analitism in the contemporary German language. *Nazionalnaja assoziacija uchenykh (NAU). Filologicheskije nauki*, VI(11), 78–79. (In Russ.)
8. Askarova, L. R. (2016). Problemy analitizma v tjurkologii = Problems of the analitism in turkology. *Islam I tjurkskiy mir. Problemy obrazovaniya, jazyka, literatury, istorii i religii* (pp. 168–170): Proceedings of the VIII International Turkological Conference. (In Russ.)
9. Nazarenko, A. I. (2020). The tendency towards analytism in the language of the Italian media. *New World. New language. New Thinking* (pp. 745–753): Proceedings of the III Annual International Scientific and Practical Conference. (In Russ.)
10. Nazarenko, A. I. (2020). Manifestation of the economy principle in the Italian media discourse. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(887), 72–77. (In Russ.)
11. Kurashkina, N. A. (2016). Istoki i puti razvitija ekolinguistiki = Origins and paths of the development of Ecolinguistics. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal Koncept*, 15, 246–250. (In Russ.)
12. Chernyshkova, A. V. (2017). Ecology of Language and Prospect of its development at the present stage. *Scences of Europe. Philological Sciences*, 20(20), 43–45. (In Russ.)
13. Bondarenko, O. R. (2019). Anglicization of communication environment of modern Russia: what's next? *Vestnik of the Moscow State Lingiustic University. Humanities*, 3(819), 22–32. (In Russ.)
14. Kirilina, A. V. (2013). The linguophilosophical reflection at the age of globalization. *Voprosy psicholinguistiki*, 2(18), 36–45. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Назаренко Анна Игоревна

кандидат филологических наук
доцент кафедры европейских языков
Дипломатической академии МИД России, Москва

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nazarenko Anna Igorevna

PhD (Philology)
Associate Professor, Department of European Languages
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

07.05.2025
23.05.2025
12.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Названия улиц полилингвальных регионов: законодательные установки и именословная практика (на примере белорусского и итальянского приграничья)

О. А. Пантелеенко

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
alessia@list.ru

Аннотация. В статье выявляются сходства и различия в формировании отонимных названий линейных объектов на примере итальянского и белорусского приграничья, характеризующихся ситуацией близкородственного билингвизма. Материалом исследования являются названия улиц, площадей, переулков и других линейных объектов белорусского Витебска и итальянской Аосты. В ходе работы использовались приемы количественной обработки данных и фотофиксации, а также интроспективный, описательный и сопоставительный методы. Установлены как сходства, так и различия в именословной практике двух городов, связанные с ситуацией близкородственного двуязычия и историческим развитием регионов.

Ключевые слова: близкородственное двуязычие, годонимы, имя собственное, русский язык, белорусский язык, итальянский язык, французский язык

Для цитирования: Пантелеенко О. А. Названия улиц полилингвальных регионов: законодательные установки и именословная практика (на примере белорусского и итальянского приграничья) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 99–106.

Original article

Street Names of Polylingual Regions: Legislative Guidelines and Naming Practice (on the example of Belarusian and Italian borderland)

Alessia A. Panteleenko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
alessia@list.ru

Abstract. The article is devoted to the identification of similarities and differences in the formation of the names of linear objects, motivated by proper names, on the example of Italian and Belarusian borderland, characterised by the situation of closely related bilingualism. The material of the study is the names of streets, squares, alleys and other linear objects of the Belarusian city of Vitebsk and the Italian city of Aosta. The methods of quantitative data processing and photo-fixation, as well as introspective, descriptive and comparative methods were used. The research establishes both similarities and differences in the naming practices of the two cities related to the situation of closely related bilingualism and historical development of the regions.

Keywords: closely related bilingualism, hodonyms, proper name, Russian language, Belarusian language, Italian language, French language

For citation: Panteleenko, A. A. (2025). Street names of polylingual regions: legislative guidelines and naming practice (on the example of Belarusian and Italian borderland). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 99–106. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Названия улиц, представляя собой фрагмент ономастикона города, содержат ценные сведения об истории и тенденциях развития языка, отражают культурный опыт народа, что определяет актуальность данного исследования. Интерес к изучению названий улиц на примере приграничных зон обусловлен тем, что ономастикон таких территорий является особым пространством контакта различных языков и культур. Уникальный характер этого межкультурного диалога ярко проявляется при сравнении одной системы с другой. Поэтому важным представляется детальное изучение урбанонимического портрета полилингвальных областей, позволяющее определить региональные черты каждой. В таком русле исследование законодательных установок, регулирующих именование улиц, позволяет выявить, как официальные нормы реализуются на практике. Кроме того, анализ именованной практики помогает понять, как исторические, культурные и социальные факторы формируют коммуникативное пространство приграничья.

Данное исследование является частью диссертационного проекта «Коммуникативный портрет двуязычного региона» и продолжает серию публикаций автора об ономастиконе итальянского региона Валле д'Аоста [Пантелеенко, 2023а; Пантелеенко, 2023б]. В этой статье названия улиц рассматриваются как класс топонимов в своем широком понимании. В отечественной и зарубежной филологической традиции, в том числе и в итальянской, исследователи к этой категории относят наименования улиц, площадей, переулков и т. п.

Материалом послужили названия улиц, площадей, переулков и других линейных объектов белорусского города Витебска и итальянского города Аосты. Выбор именно этих городов обусловлен языковой ситуацией близкородственного двуязычия, в которых они развиваются. Витебск является административным центром области, которая расположена на границе с Россией. В Беларуси на законодательном уровне в качестве государственных закреплены русский и белорусский языки. Аоста – главный город итальянского региона Валле д'Аоста рядом с Францией. Особенностью региона является его автономный статус, существенную роль в приобретении которого оказал официальный паритет французского и итальянского языков.

Все единицы отобраны методом сплошной выборки из реестров, адресно-телефонных справочников, автодорожных и туристических атласов. В настоящее время в Аосте насчитывается около 240 улиц, в Витебске – около 420. В ходе

исследования было принято решение ограничить материал названиями, образованными от имен собственных. Выбор обоснован значительной долей таких наименований в топонимике обоих городов, они составляют почти половину всех названий: 179 для Витебска и 101 для Аосты. Кроме того, анализ однородного материала позволит изложить результаты лаконично, не усложняя их излишней детализацией. Рассмотрение других групп топонимов, мотивированных, например, названиями рек, гор, растений, животных и т. п., может стать предметом отдельного исследования.

Теоретической основой работы послужили работы ученых постсоветского пространства и зарубежных исследователей в области ономастики. Коммуникативное пространство Беларуси рассматривается филологами в контексте нормализации белорусской топонимии с учетом государственного двуязычия [Мезенко, 2017; Капылоў, 2013], типологии и связи фамильных именованных с важнейшими кодами культуры [Скребнева, 2009], сопоставления отличных лингвокультур на материале городской среды [Дорофеенко, 2020], транслитерации белорусских имен системой кириллической графики [Лукашанец, 2016; Haponienka, 2020]. Интерес филологов, занимающихся языковой ситуацией Валле д'Аосты, направлен на исследование связи ономастикона и идентичности полилингвального населения. Этот исследовательский фокус реализуется через изучение фонетических вариантов местных географических названий [Revelli, 2013], влияния французского языка на произношение имен собственных [Revelli, 2021], имени собственного как инструмента анализа истории, лексикографии, галло- и итало-романской диалектологии и контактной лингвистики [Raimondi, 2015], роли имен собственных в построении образа территории [Favre, 2020], образования и эволюции имен собственных и топонимов на территории, где активны миноритарные языки [Musso, 2007].

Этот незначительный список работ, связанных с ономастикой, охватывает и такие области научного знания, как лингвистический ландшафт, история, география, этнография и социология, и свидетельствует о междисциплинарном характере изучаемой нами темы.

Учитывая сопоставительный анализ исследования, для достижения цели в работе используется опыт отечественных и зарубежных ученых с учетом способов передачи имен собственных системой графики близкородственного языка, структурных типов топонимов. Также анализируются установленные в законодательном порядке нормы относительно названий улиц и особенности именованной практики в коммуникативном

пространстве города на информационных знаках. При решении этих задач использовались интроспективный, описательный и сопоставительный методы. Для удобства изложения в первой части анализируется топонимикон Витебска, во второй – Аосты. Затем приводятся выводы в сопоставительном аспекте.

ГОДОНИМИКОН ВИТЕБСКА, МОТИВИРОВАННЫЙ ИМЕНАМИ ЛИЦ, В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОГО-РУССКОГО БИЛИНГВИЗМА

Названия улиц в соответствии с белорусским законодательством относятся к элементам улично-дорожной сети и регулируются Законом Республики Беларусь «О наименовании географических объектов». В частности, в статье 16 указано, что наименование объекта «должно учитывать географические, исторические, природные, национальные, этнографические, социальные, культурные и иные условия и особенности местности, в которой он расположен, отвечать словообразовательным, произносительным и стилистическим нормам белорусского и русского языков»¹. В статье 17 в первом пункте указано, что «наименования географическим объектам присваиваются на белорусском языке, с которого способом транслитерации передаются на русский язык»².

Согласно этой норме в Национальном кадастровом агентстве Республики Беларусь регистрируются названия улиц на белорусском и русском языках. Сайт агентства содержит актуальные наименования элементов улично-дорожной сети, с которыми можно ознакомиться в Реестре улиц и дорог.

Анализ информационных знаков Витебска показал, что здесь традиционным является оформление указателей улиц с использованием русского или белорусского языка (см. рис. 1–3). Следует отметить, что эта ситуация наблюдается в Беларуси повсеместно.

Рис. 1

¹ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11000190> (дата обращения: 03.02.2025).

² Там же.

Рис. 2

Рис. 3

Мы видим, что указатели имеют различное языковое, структурное и типографическое решение. Для оформления таблички на рисунке 1 использован белорусский язык, на рисунках 2 и 3 – русский. Разнообразие проявляется и в составляющих элементах. Традиционным считается использование номенклатурного компонента или родового понятия (например, *улица*, *вуліца*, *проспект* и т. п.), проприального компонента (*Леніна*, *Ленина*, *Черняховского* и т. п.) и номера дома. На рисунке 3 в верхней части указателя размещен герб. Такое оформление, по задумке разработчиков подчеркивает историческое прошлое города. Подобные информационные знаки впервые появились на улицах Витебска в 2024 году в рамках масштабной подготовки к юбилею, 1050-летию.

Отметим, что изучение невербальной составляющей топонимов не входит в задачи данного исследования, фокус исследовательского внимания направлен на особенности их написания, связанные с выбором русского и белорусского языков, а также со структурными характеристиками проприального элемента названий улиц.

Как показывает анализ, на одной улице указатели могут быть оформлены с использованием русского языка или белорусского. При этом выбор не обусловлен местом нахождения, например, нельзя сказать, что в исторической части города используется только белорусский или только русский. В принципе, не обнаружено каких-либо закономерностей применения русского или белорусского на информационных знаках. Такая непоследовательность языкового выбора объясняется следующим: несмотря на четкое регламентирование со стороны законодательства и учет названий на двух государственных языках в Национальном кадастровом

агентстве Республики Беларусь, нет никакого нормативного документа по оформлению указателей названий линейных объектов. Такие вопросы решают местные органы власти. Для этого жилищно-коммунальное хозяйство района проводит тендеры на замену указателей улиц, а подрядная организация, которая выигрывает конкурс, занимается изготовлением и установкой табличек. При этом каждый тендер может осваивать новая организация. Таким образом, ответственность за правильность написания возлагается на исполнителя, работу которого фактически никто не контролирует.

На фоне этой ситуации филологи, занимающиеся изучением именословной практики, определяют основные ее проблемные аспекты, среди которых выявление факторов, вызывающих неправильное написание названий улиц на белорусском языке. А. М. Мезенко систематизирует причины ошибок, связанные с именословной практикой. К ним она относит интерференцию, гиперкорректность, отождествление разных вариантов белорусских паспортных имен различными подходами к записи фамилии графическими средствами другого языка, особенностью белорусской орфографии [Мезенко, 2017].

Проиллюстрируем некоторые позиции примерами. Так, И. Л. Копылов объясняет проблему передачи имен средствами другого языка, которая является актуальной для ситуации близкородственного билингвизма. «В соответствии с общепризнанной международной практикой имена собственные, в том числе имена и фамилии, не переводятся, а только транслитерируются <...>. Но так как и белорусский, и русский языки пользуются одной графической системой, то очень часто возникает вопрос орфографического оформления того или иного имени собственного. И тут приходится часто искать золотую середину, чтобы запись русской фамилии по-белорусски была не просто транслитерацией, но и соответствовала правилам национальной орфографии. Например, фамилия Скворцов невозможно записать с конечной «в», т. к. там может быть только «ў» (Скварцоў), хоть это и является отклонением от правил транслитерации»¹.

В.А. Шкляр прокомментировал другой феномен. «В случае с названиями, образованными от фамилий, ошибки могут возникать при незнании, в честь кого названа улица – мужчины или женщины <...> В современном белорусском языке пол иногда влияет на то, склоняется соответствующая фамилия или нет. Поэтому улица Асіпенкі могла бы так называться, когда была бы названа в честь

белорусского писателя Алеся Асіпенкі. А в случае с Палінай Асіпенка правильным будет вариант 'вуліца Асіпенка'»².

Этот пример касается и качества проприальной части названий улиц. Существует мнение, что избежать ошибок в написании фамилий на информационных знаках помогло бы использование в названиях улиц наряду с фамилией также и имени.

На информационных знаках Витебска в названии улицы проприальный компонент может быть представлен четырьмя структурными типами: нумеративно-генитивным типом (например, *1-я улица Доватора, 1-я улица Жореса, 2-я улица Змитрока Бядули*); генитивным (например, *улица Бабушкина, улица Евдокии Лось, улица Чернышевского, улица Жуковского*); генитивно-субстантивным типом (например, *улица Комиссара Крылова*); вторичная топонимическая номинация (например, *улица Юрьева Горка*).

Результаты обработки материала с использованием приемов количественной обработки свидетельствуют о том, что наиболее распространенным типом является генитивный. Его доля в выборке составляет 72,2 %. Эти показатели позволяют говорить, что в Витебске активно проявляют себя традиции наименования, заложенные еще в советскую эпоху.

Необычным для белорусского коммуникативного пространства является нумеративно-генитивный тип (24,2 %). В Витебске, по утверждению А. М. Мезенко, «самая главная примета XX века заключается в номерных названиях улиц»³. К ним относятся, например, *14-я улица Бебеля, 11-я улица Крупской*. «Объяснение такому подходу к названию улиц есть. После войны разрушенный Витебск очень быстро восстанавливался, росли целые микрорайоны. Надо было придумать названия сразу нескольким десяткам улиц, и выход искали в нумерации»⁴.

Наименее активно в названиях улиц актуализируются генитивно-субстантивный тип (3,3 %) и вторичная топонимическая номинация (0,6 %).

Что касается способов образования названий улиц, наиболее частотным элементом здесь является фамилия. Она включена в 67,2 % годонимов. Сочетание имени и фамилии используется значительно реже, в 10 %. Справедливости ради, следует отметить, что это соотношение со временем будет изменяться. В 2014 году одобрено решение Топонимической комиссии при Совете Министров в Беларуси

¹URL: <https://iml.basnet.by/publikacyi/iak-vy-iachtu-nazaviacie-%E2%80%9494-tak-iana-i-paplyvie-abo-surjoznaja-razmova-pra-asablivasci-bie> (дата обращения: 08.02.2025).

²URL: <https://realt.onliner.by/2024/01/05/vul-asipenka%E2%80%8Eili-asipenki%E2%80%8Eeshhe-odna-porciya-lyapov-v-nazvaniyah-stolichnyx-ulic> (дата обращения: 08.02.2025).

³URL: <https://www.tio.by/info/novosti/12366/> <https://www.tio.by/info/novosti/12366/> (дата обращения: 08.02.2025).

⁴Там же.

давать по полному имени и фамилии названия улицам в честь знаменитых людей.

Одной из причин, повлиявших на рассмотрение этого вопроса, является активный процесс затемнения семантики названий улиц генитивного типа, которые содержат только фамилию. Например, в Витебске есть улица Зайцева. В энциклопедии «Их именами названы»¹ приводится информация относительно шести обладателей этой фамилии. Поэтому новый подход, когда улице присваиваются имя и фамилия лица, в честь которого она названа, оказывается оправданным. В Витебске он активно применяется на практике, о чем свидетельствуют факты. Так в 2017 году в связи с присоединением к Витебску поселка Руба переименовали 15 улиц, шесть из них получили следующие названия: *улица Александра Овечкина, улица Петра Никифорова, улица Даниила Райцева, улица Леонида Филипенко, улица Федора Шмакова, улица Николая Самаркина*. Все улицы названы в честь уроженцев Витебска или его почетных граждан. Можно предположить, что со временем строительство новых районов приведет к увеличению названий такого типа. Это, в свою очередь, будет способствовать эффективному созданию бренда и имиджа региона, наряду с воспитательной и патриотической ценностью, которыми обладают подобные наименования.

Таким образом, структура проприального элемента названия улицы, которая включает имя и фамилию лица, решает сразу несколько задач: позволяет идентифицировать личность, в честь которой названа улица, осуществлять верный выбор написания фамилии на русском и белорусском языках; служит образовательно-воспитательным целям.

ГОДОНИМИКОН Г. АОСТА, МОТИВИРОВАННЫЙ НАЗВАНИЯМИ ЛИЦ, С УЧЕТОМ ФРАНЦУЗСКО-ИТАЛЬЯНСКОГО БИЛИНГВИЗМА РЕГИОНА

В Италии названия улиц регулируются Декретом Президента № 223 от 30 мая 1989 года. Он гласит, что каждый участок общественного движения должен иметь свое точное название². Заботиться об этом должны муниципалитеты, которые обязаны составлять справочник, предусматривать его пересмотр, давать названия новым дорогам, улицам и т. д. В дополнение к этой нормативной ссылке стоит упомянуть Закон № 482 от 15 декабря 1999 года, диктующий нормы по вопросу исторических языковых меньшинств, где в статье 10 указывается, что

¹Их именами названы : энциклопедический справочник / Белорусская Советская Энциклопедия. Минск : БелСЭ, 1987.

²URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.del.presidente.della.repubblica:1989-05-30;223&vig=2017-12-07> (дата обращения: 05.02.2025).

муниципальные советы регионов могут принимать решения о названиях (улиц в том числе) в соответствии с местными традициями и обычаями³. Этот закон относится и к Валле д'Аоста, т. к. здесь, наряду с официальным итало-французским билингвизмом, в речи жителей активно используется франкопровансальский, за которым признан статус миноритарного языка.

В Аосте для оформления внутригородских объектов используются двукомпонентные номинации, представленные географическим номенклатурным термином (*via, strada, viale, piazza* и др.) и собственно ономастической или проприальной составляющей (например, *Émile Chanoux, Cesare Battisti*). Оба компонента могут оформляться с использованием французского и / или итальянского языков. При этом номенклатурный компонент и проприальный имеют формальные показатели конкретного языка. Например, улица, названная в честь святого Урса, епископа Аостского, на информационных знаках закрепляется в виде *Via Sant'Orso* на итальянском или *Rue Saint'Ours* на французском, как мы видим на рисунках 4 и 5.

Рис. 4

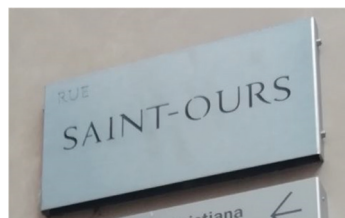

Рис. 5

Следует отметить, что в историческом центре г. Аосты указатели улиц, площадей и т. п. содержат ономастический, номенклатурный и дополнительные компоненты. Эти дополнительные компоненты представлены в виде текстов, раскрывающих мотивационную основу годонима, а также его историческое название. Здесь также присутствует вариативность в языковом выборе, степени представленности итальянского или французского языка. Проиллюстрируем сказанное примером.

Например, на рисунке 6 обнаруживаем маркеры двух официальных языков, французского и итальянского.

³URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1999;482> (дата обращения: 05.02.2025).

Рис. 6

Проведем анализ текста вывески сверху вниз. Номенклатурный компонент оформлен с помощью итальянской лексемы *via* (улица). Проприальный комплекс образован средствами французского языка и включает два антропонимических элемента. Один из них указывает на род занятий лица и представлен лексемой *abbé* (аббат). Другой, собственно ономастический, включает имя и фамилию *Joseph-Marie Trèves* с графическими и морфологическими признаками французского языка, а именно обозначение закрытого слога через *è*, использование диграфа *ph* для передачи звука [f], написание финальных позиции имени и фамилии. Далее следует описательный фрагмент вывески, который включает элементы французского и итальянского языков. Итальянскими здесь являются лексема *fondatore* (основатель) и артиклированный предлог *della*, к французскому относится название ассоциации «Jeune Vallée d'Aoste», организованной в 1925 году для защиты прав, традиций, культуры Валле д'Аоста.

Вывески зданий могут оформляться средствами французского и / или итальянского языков, закономерности, как и в белорусском материале, не обнаружено. Отметим, что в последние годы были предприняты попытки унификации информационных знаков в сторону использования только французского языка, но они вызвали бурную общественную полемику в региональной прессе и не были осуществлены.

Аналогично белорусской антропонимической системе в итальянской по имени собственному можно судить о франкоязычной или италияязычной основе. Например, в названиях улиц *Rue Édouard Aubert* и *Via Édouard Aubert* сохраняются знаки французского языка при написании имени и фамилии. Следует отметить, что происходит это не всегда и не является регулярным. Ср.: *Rue colonel Édouard Alessi* и *Via colonnello Edoardo Alessi*.

В названии улицы на итальянском языке представлено имя *Edoardo*, на французском пишется *Édouard*. Здесь работает способ транслитерации с сохранением традиций орфографии. Такая же тенденция прослеживается в названиях *Rue Victor Avondo* и *Via Vittorio Avondo*.

Интересна актуализация в написании имен собственных языка, который имеет статус миноритарного в Валле д'Аоста. Речь идет о франко-провансальском, маркеры которого присутствуют в фамилиях, в том числе в виде специфических морфологических признаков. Фамилии, заканчивающиеся на *-az*, *-oz*, специфичны для региона и обнаружены в топонимиконе Аосты (например, *Via César Chabloz*, *Via Jean-Boniface Festaz*, *Via François-Gabriel Frutaz*, *Via Jules Guédoz*).

Дальнейшее изучение структуры проприального компонента, как это было проведено для улиц Витебска, оказывается затруднительным ввиду того, что языки романской группы относятся к аналитическим, а славянской – к синтетической. Поэтому в данной части работы представлена попытка классифицировать названия улиц с учетом включения в проприальный компонент имени и / или фамилии, а также семантики сопровождающих их лексем. Систематизация выборки привела к выделению трех групп:

- 1) топонимы, в названии которых актуализируются имя и фамилия;
- 2) топонимы, в названии которых актуализируется фамилия;
- 3) топонимы, в названии которых актуализируется имя.

Первая группа включает названия, обязательными элементами которых являются имя и фамилия. Эта группа подразделяется на наименования, проприальный компонент которых состоит только из имени и фамилии (*Via Jean-Laurent Martinet*, *Via Giosuè Carducci*, *Via Lino Binel*, *Via Aimé Berthet*). Таких единиц в выборке около 59 %. Наименования, содержащие наряду с именем и фамилией обозначение рода деятельности лица (*Via barone Emmanuel Bich*, *Via capitano Jean-François Chamonin*), представляют 19 %.

Вторая группа состоит из названий, актуализирующих имя лица, и также неоднородна. Такие топонимы могут иметь в проприальной части имя в сочетании с лексемами религиозной сферы (*Via Sant'Anselmo*, *Piazza San Francesco*, *Corso Padre Lorenzo*). Обнаружено 7 % таких случаев. В отличие от этих примеров обнаружены топонимы, где наряду с именем репрезентируется топонимический элемент (*Piazza Académie Saint-Anselme*, *Piazza dell'Arco d'Augusto*). Здесь за счет вторичной номинации обеспечивается связь с лицом, в честь которого назван линейный объект (*Saint-Anselme*, *Augusto*). Такие примеры немногочисленны, их всего 4 %.

Третью группу составили топонимы, в проприальном компоненте которых обнаружена фамилия (*Via Carabel*, *Via Challant*) или ее сочетание с существительным, обозначающим род деятельности (*Viale conte Crotti*, *Via abbé Gorret*). Топонимы этой группы представляют 4 % выборки.

Анализ позволяет заключить, что наиболее частотным является использование имени и фамилии при обозначении улиц Аосты, такие примеры обнаружены в 78 % случаев и составляют значительную долю выборки. Интересным было обнаружение годонимов с включением имени существительного, принадлежащего к сфере церковных санов. Хотя это не удивительно, учитывая роль католической церкви на Апеннинском полуострове.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставительный анализ вопросов, связанных с антропонимическими названиями улиц на фоне близкородственного двуязычия, позволил выделить сходства и различия.

Сходства проявляются в существовании одинаковых проблем, связанных именословной практикой. К ним относятся интерференция, гиперкорректность, отождествление разных вариантов имен, разные подходы к записи фамилии графическими средствами другого языка, особенности

орфографии. Их возникновение объясняется тем, что близкородственные языки (белорусский и русский, итальянский и французский) пользуются одной графической системой.

Также сходства установлены в отсутствии закономерности при выборе того или иного языка для информационных знаков, оформления названий улиц. Это обусловлено тем, что существующие нормы определяют способ фиксации годонимов в реестрах и кадастрах, а их актуализация в урбанонимическом портрете города является зоной ответственности локальных властей и подрядных организаций.

Различия в годонимиконе обоих регионов, как правило, связаны с историческим развитием городов. Так в Витебске нумеративно-генитивный тип и генитивный тип с использованием фамилии являются наследием советского времени. Для Аосты специфичны названия, включающие имя и фамилию лиц, в честь которых названы улицы, и названия, которые содержат имена существительные, обозначающие католический сан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пантелеенко О. А. Лингвистический ландшафт мультилингвального города: региональная специфика (на материале итальянского города Аосты) // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2023а. № 3. С. 83–90.
2. Пантелеенко О. А. Ономастикон итальянского мультиязычного города Аосты: лингвокультурологический аспект // Весті БДПУ. Серія 1. 2023б. № 4. С. 101–104.
3. Мезенко А. М. Государственное белорусско-русское двуязычие и проблемы нормализации белорусской ономастики // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: язык и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 199–204.
4. Капылю І. Л. Нарматыўна-прававая база міжмоўнай перадачы беларускай, рускай, польскай тапаніміі // Беларуская-руская-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія: зб. навук. арт. 2013. С. 229–233.
5. Скребнева Т. В. Активные динамические процессы в антропонимиконе г. Витебска на протяжении XVII–XX вв. // Вестнік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава. 2009. № 2 (52). С. 94–98.
6. Дорофеев М. Л. Городское ономастическое пространство: основные компоненты (на материале внутригородских названий белорусского и французского городов) // Ученые записки ВГУ имени П. М. Машерова. 2020. Т. 31. С. 148–151.
7. Лукашанец А. А. Беларуская-руская двухмоўе і праблемы сучаснай іменаслоўнай практыкі // Рэгіянальная ономастыка: праблемы і перспектывы ісследования: зборнік навуковых артыкулаў. 2016. С. 180–184.
8. Haponienka I. Linguistics Transposition of Onomastic Elements of Slavic Languages into the Belarusian Language // Studia Białorusnistyczne. Linguistics. 2020. № 14. P. 297–312.
9. Revelli L. Toponimi e identità: la percezione dei parlanti valdostani // Education et sociétés plurilingues / Educazione e società plurilingui. 2013. № 35 P. 15–27.
10. Revelli L. Rivelazioni italofone dell'onomastica personale di trafilà francese: l'anticipazione dell'accento in Valle d'Aosta // Education et sociétés plurilingues / Educazione e società plurilingui. 2021. № 50. P. 27–35.
11. Raimondi G. Antroponimia plurilingue: storia della lingua e storia delle identità. Un progetto di ricerca sull'onomastica personale familiare in Valle d'Aosta // Education et sociétés plurilingues / Educazione e società plurilingui. 2015. № 38. P. 15–24.
12. Favre S. Gli antroponimi // Ayas. Antropologia di un territorio, luoghi, leggende, storie, fatti. 2020. P. 194–206.
13. Musso M. Processi di trasformazione e caratteri specifici dell'antroponimia ad Issime // Actes de la conférence annuelle sur l'activité scientifique du Centre d'études francoprovençales. L'onomastique gallo-roman alpine. 2007. P. 341–357.

REFERENCES

1. Panteleenko, A. A. (2023a). Linguistic landscape of a multilingual city: regional specificity (by the material of the Italian city of Aosta). *Journal of the Belarusian State University. Philology*, 3, 83–90. (In Russ.)
2. Panteleenko, A. A. (2023b). Onomasticon of the Italian polylingual city of Aosta: linguistic and cultural aspect. *Vestsi of Belarusian State Pedagogical University*, 1(4), 101–104. (In Russ.)
3. Mezenko, A. M. (2017). Belarusian-Russian state bilingualism and problems of normalization of Belarusian onomastics. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14(2), 199–204. (In Russ.)
4. Kapylou, I. L. (2013). Normative and legal basis for the international transmission of Belarusian, Russian, Polish toponymy. *Belaruska-ruska-pol'skaje supastaulial'naje movaznaustva, litaraturaznaustva, kul'turalogija* (pp. 229–233): Proceedings of the scientific conference. (In Belarus.)
5. Skrebneva, T. V. (2009). Active dynamic processes in the anthroponymy of Vitebsk during the XVII–XX centuries. *Vestnik of Vitebsk State University named after P. M. Masharov*, 2(52), 94–98. (In Russ.)
6. Dorofeenko, M. L. (2020). Urban onomastic space: main components (on the material of intracity names of Belarusian and French cities). *Uchenye zapiski of Vitebsk State University named after P. M. Masharov*, 31, 148–151. (In Belarus.)
7. Lukashanets, A. A. (2016). Belarusian-Russian biliteracy and problems of modern nominalisation practice. *Regional'naja onomastica: problemy i perspektivy issledovaniya* (pp. 180–184): The digest of scientific articles. (In Belarus.)
8. Haponienka, I. (2020). Linguistics Transposition of Onomastic Elements of Slavic Languages into the Belarusian Language. *Studia Białorutenistyczne. Linguistics*, 14, 297–312.
9. Revelli, L. (2013). Toponimi e identità: la percezione dei parlanti valdostani. *Education et sociétés plurilingues. Educazione e società plurilingui*, 35, 15–27.
10. Revelli, L. (2021). Rivisitazioni italofone dell'onomastica personale di trafilà francese: l'anticipazione dell'accento in Valle d'Aosta. *Education et sociétés plurilingues. Educazione e società plurilingui*, 50, 27–35.
11. Raimondi, G. (2015). Antroponimia plurilingue: storia della lingua e storia delle identità. Un progetto di ricerca sull'onomastica personale familiare in Valle d'Aosta. *Education et sociétés plurilingues. Educazione e società plurilingui*, 38, 15–24.
12. Favre, S. (2020). Gli antroponimi. In Ayas. *Antropologia di un territorio, luoghi, leggende, storie, fatti* (pp. 194–206).
13. Musso, M. (2007). Processi di trasformazione e caratteri specifici dell'antroponimia ad Issime (pp. 341–357): *Actes de la conférence annuelle sur l'activité scientifique du Centre d'études francoprovençales. L'onomastique gallo-roman alpine*. Saint-Nicolas.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пантелеенко Олеся Александровна

кандидат филологических наук, доцент
докторант кафедры речеведения и теории коммуникации
Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Panteleenko Alessia Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor
Doctoral Candidate of Speech and Communication Theory Department
Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	03.05.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.05.2025	approved after reviewing
принята к публикации	12.06.2025	accepted for publication

Информационный узел как средство реализации профессионального дискурса

О. И. Писарик

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ksyfrolova93@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – разработать и обосновать структуру информационного узла как средства реализации профессионального дискурса в сфере строительства. В качестве материала исследования взяты тексты подязыка строительства на русском и английском языках. В работе разграничиваются понятия институционального и профессионального дискурса, профессионального подязыка; уточняется специфика строительного дискурса как сложного поликодового образования. Обосновывается необходимость создания информационного узла для эффективного представления терминологической информации с учетом жанровых, синтаксических и контекстуальных особенностей профессиональной коммуникации. Выявлены основные компоненты информационного узла и продемонстрированы его возможности для создания семантических карт, цифровых лексикографических продуктов и онтологических ресурсов. Сделан вывод о высокой прикладной ценности информационного узла для изучения и развития профессиональных дискурсов в цифровую эпоху.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, профессиональный подязык, строительный дискурс, жанровая дифференциация, информационный узел, цифровой тезаурус

Для цитирования: Писарик О. И. Информационный узел как средство реализации профессионального дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 107–113.

Original article

The Information Node as a Tool for Implementing Professional Discourse

Oxana I. Pisarik

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ksyfrolova93@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to develop and substantiate a structure of the information node as a tool for implementing professional discourse in the field of construction. The research material consists of texts from the sub-language of construction in Russian and English. The study distinguishes between the concepts of institutional and professional discourse, as well as professional sub-language; it clarifies the specific features of construction discourse as a complex multi-code formation. The necessity of introducing the information node is substantiated for the effective representation of terminological information, taking into account the genre, syntactic, and contextual characteristics of professional communication. The main components of the information node are identified, and its capabilities for creating semantic maps, digital lexicographic products, and ontological resources are demonstrated. The study concludes that the information node has high practical value for the study and development of professional discourses in the digital age.

Keywords: professional discourse, language for specific purposes, construction discourse, genre differentiation, information node, digital thesaurus

For citation: Pisarik, O. I. (2025). The Information Node as a Tool for Implementing Professional Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 107–113 (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Сфера строительства испокон веков играет важнейшую роль в истории становления и развития человеческой цивилизации. Она не только формирует материальное пространство, но и отражает и сохраняет политические, экономические, культурные, религиозные и бытовые черты различных эпох. Созданные руками человека объекты физической среды становятся символами представлений о ценностях и идеях определенных исторических периодов.

С постепенным развитием научно-технической мысли возникла потребность не только передавать знания и умения от мастера к ученику в практической форме, но и фиксировать их вербально – для систематизации, стандартизации, сохранения и дальнейшего обучения новых специалистов. Таким образом, в языках стали выделяться особые языковые подсистемы – профессиональные подязыки. Подобная лексико-семантическая языковая подсистема появилась и в сфере строительства. Вопросом возникновения и развития языков профессионального общения в разные периоды времени занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи.

Сегодня овладение профессиональным подязыком означает не только знание терминов, но и умение оперировать ими в рамках различных функциональных речевых ситуаций. Следовательно, возникает необходимость в описании профессионального дискурса как процесса и результата коммуникативной деятельности в профессиональной сфере, включающего жанровое разнообразие, взаимодействие участников, цели и стратегии интеракции.

Предполагается решить следующие задачи:

- 1) дать определения и разграничить понятия «институциональный дискурс», «профессиональный дискурс» и «профессиональный подязык»;
- 2) сформулировать определение строительного дискурса и выявить его ключевые характеристики;
- 3) описать специфику жанров в профессиональной коммуникации и определить жанровые разновидности строительного дискурса;
- 4) разработать структуру информационного узла для хранения и представления профессиональных терминов.

Новизна работы определяется тем, что впервые осуществляется описание информационного узла как средства реализации профессионального дискурса.

Практическая ценность исследования заключается в том, что предложенная структура информационного узла может быть использована при формировании цифрового тезауруса в любой профессиональной сфере.

Актуальность работы обусловлена высоким интересом к проблеме создания и применения профессиональных информационных ресурсов, которые могут иметь иллюстративный характер [Горожанов, 2025], служить образовательным целям [Кондрашина, Мосина, Смирнова, 2024; Соловьева, 2022; Горожанов, 2024], использоваться в сфере медицины [Брызгалова, Армашевская, 2022].

Методами исследования являются анализ (задача 1), синтез (задача 2), обобщение и систематизация (задача 3), экспериментальное моделирование (задача 4) [Горожанов, 2022].

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Решая задачу определения и разграничения понятий «институциональный дискурс», «профессиональный дискурс» и «профессиональный подязык», мы будем опираться как на актуальные работы отечественных и зарубежных авторов, так и на собственные исследования.

Согласно типологии, разработанной В. И. Карасиком с позиции социолингвистики, существуют два типа дискурсов: личностно ориентированный, или персональный, и институциональный [Карасик, 2002]. В своем определении ученый описывает институциональный дискурс как «общение представителей того или иного социального института, понимаемого как нормативная система, функционирующая для выполнения определенных потребностей общества. Обычно к таким типам коммуникации относят политический, юридический, научный, религиозный, военный, педагогический, медийный, деловой, медицинский, рекламный, развлекательный и некоторые другие типы дискурса» [там же, 2002, с. 193].

Профессиональный дискурс, в свою очередь, определяется ученым как вид институциональной коммуникации, в которой участвуют специально обученные и квалифицированные люди, выполняющие социально значимую деятельность. Он отличается от непрофессионального дискурса, в котором взаимодействуют любые участники на любые темы, и от псевдопрофессионального, где лица, не обладающие достаточной квалификацией, коммуницируют с неподготовленной аудиторией, выдавая себя за экспертов [Карасик, 2024].

В современной лингвистике профессиональный подязык определяется как особая семиотическая подсистема, исторически сознательно

сформированная на основе общеупотребительного национального языка, черпающая из него общие характеристики на всех уровнях языковой системы, однако имеющая детерминирующие особенности, такие как специальная лексика и специфический синтаксис, вербализующая и репрезентирующая профессиональное знание, и ограниченная сферой употребления (онтологией) и участниками профессиональной коммуникации [Писарик, 2020; Писарик, Горожанов, 2021].

Таким образом, можно сделать вывод, что профессиональный дискурс является особым видом институциональной коммуникации, где важен процесс и результат общения специалистов определенной отрасли деятельности человека, а профессиональный подязык является структурным элементом, обеспечивающим его терминологическую и синтаксическую устойчивость.

Следующей задачей является поиск определения профессионального дискурса в строительной сфере. В современных дискурсивных исследованиях подязыков профессионального общения зачастую можно встретить такие термины, как архитектурный дискурс [Симоненко, 2009], дискурс строительства и архитектуры [Казакова, Фролова, 2010], архитектурно-строительный дискурс [Петрова, 2015], строительный дискурс [Варнавская, 2016]. В нашем исследовании мы остановимся на употреблении термина «строительный дискурс» по ряду следующих причин. Во-первых, архитектура уже включена в процесс строительства на этапе формирования идеи, создания эскиза и непосредственно самого проектирования будущего объекта. Во-вторых, понятие «строительный дискурс» отражает вовлеченность в процесс взаимодействия различных специалистов – инженеров, проектировщиков, подрядчиков, работников технадзора и пр. В-третьих, в реальных профессиональных практиках чаще говорят о строительстве как о прикладной отрасли, связанной с техническими нормами, регламентацией, логистикой, безопасностью и т. д. Это подчеркивает релевантность термина «строительный дискурс» с точки зрения анализа языковых особенностей профессионального общения в сфере строительства.

Под строительным дискурсом понимается сложноорганизованное полимодальное взаимодействие, осуществляемое в профессиональной среде строительства. Строительный дискурс выступает в качестве институционального типа общения, структурированного по иерархии ролей и функций в строительной отрасли. Он объединяет различные компоненты профессионального взаимодействия – от инженерно-технической и правовой коммуникации до научной, образовательной

и информационно-рекламной, что делает его многосоставным и междисциплинарным [Косицкая, Зайцева, 2015].

Кроме того, в рамках строительного дискурса могут быть зафиксированы элементы других типов речевых практик – например, экономических, экологических, историко-культурных и управленческих, что придает ему черты гибридности. Коммуникация в строительной сфере часто происходит с использованием разных знаковых систем, включая речевые формулировки, визуальные элементы (чертежи, схемы, изображения) и технические документы, что позволяет отнести данный дискурс к поликодовым формам общения.

Следовательно, строительный дискурс можно определить как тип профессиональной организованной коммуникации в сфере строительства, включающей в себя систему вербальных (например, термины) и невербальных (например, технические нормы, ролевое взаимодействие) средств, используемых участниками строительного процесса.

На сегодняшний день целостной картины компонентов, формирующих такое многослойное явление, как строительный дискурс, пока еще не наблюдается. В рамках изучения профессиональной коммуникации в данной отрасли мы постарались описать составляющие элементы строительного дискурса, а также представить в виде схемы их отношения. В отличие от административного дискурса, который описывает иерархию отношений между интеракторами одного социального института, профессиональный дискурс детально характеризует участников и регламент их институционального общения [Бейлинсон, 2009; Евтушенко, 2019]. Таким образом, строительный дискурс включает в себя как непосредственно саму вербальную коммуникацию специалистов, так и процесс ее творчества, восприятия и интерпретации в профессиональной среде. Жанровая дифференциация строительного дискурса является одной из важных проблем теории профессиональной коммуникации, так как требует выявления значимых параметров ситуаций профессионального общения. Будучи вербальным оформлением типической ситуации социального взаимодействия людей [Шмелева, 2007], речевой жанр привносит в речь и коммуникацию не только системность, стандарт и семиотическое начало (по Э. Бенвенисту), но и выступает гибкой категорией живого общения. В своем исследовании Е. И. Голованова выделяет следующие существенные критерии: цель и мотивы общения; статусно-ролевые характеристики коммуникантов; модальность, или тональность общения (официальное, нейтральное, дружеское); способ

коммуникации (устный / письменный, контактный / дистантный) [Голованова, 2013].

В рамках нашего исследования мы ограничимся обозначением нескольких специфических для строительного дискурса коммуникативных разрядов по целевому признаку, которые, в свою очередь, имеют собственные жанры: *нормативно-правовой* (тексты строительных норм, ГОСТов и других регламентирующих документов, определяющих обязательные требования к проектированию, строительству и эксплуатации объектов), *проектно-технический* (документация, сопровождающая процесс проектирования: чертежи, схемы, пояснительные записки, в которых отражаются конструктивные и инженерные решения), *образовательно-производственный* (реализуется в учебных курсах, методических материалах и практико-ориентированных пособиях, направленных на формирование профессиональных компетенций будущих специалистов), *экспертно-оценочный* (представлен в рецензиях, технических заключениях и отчетах, где осуществляется анализ соответствия проектов действующим требованиям и условиям). Отметим, что указанные разряды могут иметь сквозной характер относительно других типов профессионального дискурса.

Все указанные разряды с жанрами обладают рядом общих характеристик. Прежде всего это стабильность терминологического аппарата и широкое использование клишированных речевых конструкций, обеспечивающих точность и формализованность профессионального общения. Коммуникация, как правило, происходит в строго определенных ситуациях и в ограниченном круге специалистов, обладающих профессиональной компетентностью. Кроме того, строительный дискурс отличается высокой степенью имплицитности, выражающейся в предположении наличия у участников общих знаний, а также высокой плотностью технической информации, требующей специальной подготовки для ее интерпретации.

Центральным в нашем исследовании является также понятие информационного узла. По мнению Кормена и др., информационный узел, будучи концептуально оформленной единицей хранения данных, обеспечивает системную связь с другими элементами через встроенные референции на смежные узлы [Cormen, et al, 2001]. В контексте строительного профессионального общения под информационным узлом мы будем понимать своеобразную разветвленную реляционную структуру лингвистического знания о терминах и их функционировании в различных разрядах строительного дискурса. Такой узел объединяет несколько таблиц с записями, которые представляют термин с его

двуязычными (или полиязычными) эквивалентами, жанровую маркировку (указание на типы текстов, в которых данный термин используется), контекстуальные примеры из различных сфер строительной коммуникации, типичные синтаксические шаблоны употребления, а также связи с другими терминами через отношения синонимии, гиперонимии или ассоциативных связей [Писарик, 2021].

Приведем пример записи таблицы. Термином может служить понятие *foundation* – фундамент, который активно используется в проектно-техническом и нормативно-правовом разрядах строительного дискурса. В англоязычном проектном тексте возможно следующее употребление: *The foundation must be poured after the inspection is complete*. В русском нормативном документе аналогичный пример: *Заливка фундамента производится после осмотра технического надзора*. Связями данного термина могут стать такие понятия, как *load-bearing structure* – несущая конструкция и *soil type* – тип грунта и пр., которые, в свою очередь, будут иметь свои таблицы с записями и образовывать свои узлы.

Информационный узел позволяет структурировать знание о терминах, учесть их жанровую специфику и синтаксические особенности, что важно для описания сложных коммуникативных структур, таких как строительный дискурс, отличающийся высокой терминологической стабильностью, имплицитностью и насыщенностью специализированной информацией.

Информационный узел обладает значительным прикладным потенциалом для развития различных направлений современной лингвистики. Одной из ключевых возможностей его применения является создание семантических карт профессионального подязыка, которые визуализируют лексикосемантические связи терминов и отражают их функционирование в рамках специализированного дискурса. Информационные узлы могут служить основой для разработки цифровых лексикографических продуктов – терминологических словарей нового поколения, включающих не только дефиниции, но и контекстуальные примеры, жанровую маркировку, дискурсивные функции и структурные связи между терминами. Автоматизация анализа дискурсивных паттернов становится доступной благодаря четкой структурированности узлов, что существенно облегчает изучение типовых речевых конструкций в профессиональных коммуникациях. Интеграция информационных узлов в электронные корпуса текстов, терминографические базы и онтологические платформы позволяет повысить качество семантической разметки и углубить междисциплинарные исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе мы кратко рассмотрели возможность создания информационных узлов для описания терминологии строительного дискурса.

На наш взгляд, информационный узел представляет собой перспективную форму лингвистического описания, обеспечивающую целостное и многоаспектное представление функционирования терминов в специализированных сферах общения. Благодаря узловой структуре становится наглядной взаимосвязь между подязыком и

профессиональным дискурсом: термин обретает свое значение не в изоляции, а в живой коммуникативной практике, опосредованной жанрами, функциями и контекстами. В перспективе данная структура может стать основой для формирования цифрового дискурсивного тезауруса, который будет интегрировать термины, их значения, связи и функционирование в реальных профессиональных текстах, тем самым значительно расширяя возможности изучения и применения профессиональной речи в различных областях знания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горожанов А. И. Онлайн-ресурс лингвистических характеристик произведения художественной литературы: ключевые параметры и технология разработки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 1 (18). С. 128–134. DOI 10.30853/phil20250019. EDN WWCZEL.
2. Кондрашина Т. В., Мосина М.А., Смирнова И.В. Формирование инфографической грамотности в процессе изучения иностранного языка в техническом вузе // Педагогическое образование в России. 2024. № 4. С. 198–204. EDN TCTSNY.
3. Соловьева Р.А. Проблемы и перспективы развития дистанционного обучения как актуальной формы профессиональной подготовки студентов // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2022. № 4 (28). С. 74–82. EDN MUVJLL.
4. Горожанов А. И. Подготовка будущих преподавателей иностранного языка к работе в условиях обучающей виртуальной среды (на примере учебного пособия) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2024. № 1 (850). С. 38–43. EDN MXVJG.
5. Брызгалова О. Е., Армашевская О. В. Онлайн-ресурс как инструмент профилактических мероприятий при оказании медицинской помощи женщинам в период пандемии COVID-19 // Акушерство и гинекология. 2022. № 1. С. 113–121. DOI 10.18565/aig.2022.1.113-121. EDN ХНКЧГ.
6. Горожанов А. И. Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563. EDN JHBAVG.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
8. Карасик В. И. Профессиональный дискурс в цифровую эпоху // Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации: сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 04–05 апреля 2024 года / отв. ред. Т. Б. Радбиль. Нижний Новгород: НИ НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 110–120. EDN OWMNNC.
9. Писарик О. И. Появление и корреляция понятий «подязык» и «язык для специальных целей» // Современное педагогическое образование. 2020. № 6. С. 183–187. EDN UHPMHD.
10. Писарик О. И., Горожанов А. И. Доля английского профессионального подязыка в текстах учебных материалов для студентов строительных специальностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 3 (14). С. 928–932. DOI 10.30853/phil210082. EDN CIRARX.
11. Симоненко М. А. Архитектурная метафора в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009.
12. Казакова Е. В., Фролова О. В. Онимы как элемент дискурса строительства и архитектуры // Вестник МГСУ. 2010. № 4–5. С. 85–90. EDN RTUJLX.
13. Петрова Л. А. Архитектурно-строительный дискурс как самостоятельный объект лингвистического рассмотрения // Евразийский совет ученых (ЕСУ). Филологические науки. 2015. № 3 (12). С. 69–71.
14. Варнавская Е. В., Варнавская В. С. Национально-специфические характеристики терминологической лексики строительного дискурса // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 2. С. 88–96. EDN WAQOYD.
15. Косицкая Ф. Л., Зайцева И. Е. Архитектурный дискурс и его жанры в сфере профессиональной коммуникации (на материале французского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (157). С. 142–147. EDN TRJYJL.

16. Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы (на материале коммуникативной практики логопедов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009.
17. Евтушенко О. А. Административный дискурс: типы, субъекты, динамика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 2019.
18. Шмелева Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / отв. ред. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2007. С. 62–67.
19. Голованова Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 32–35. EDN PVPFPX.
20. Cormen T. H. et al. Introduction to algorithms / T. H. Cormen, C. E. Leiserson, R. L. Rivest, C. Stein. 2nd ed. Cambridge, MA: The MIT Press, 2001.
21. Писарик О. И. Принципы разработки базы данных подязыка предметной области «строительство» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 5 (847). С. 150–160. DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_150. EDN RKPNSU.

REFERENCES

1. Gorozhanov, A. I. (2025). Online resource of linguistic characteristics of literary works: key parameters and development technology. *Philology. Theory & Practice*, 1(18), 128–134. DOI 10.30853/phil20250019. EDN WWCZEL. (In Russ.)
2. Kondrashina, T. V., Mosina, M. A., Smirnova, I. V. (2024). Formation of infographic literacy in the process of learning a foreign language at a technical university. *Pedagogical Education in Russia*, 4, 198–204. EDN TCTSNY. (In Russ.)
3. Soloveva, R. A. (2022). Problems and prospects of distance learning development as a relevant form of students' professional training. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*, 4(28), 74–82. EDN MUVJLL. (In Russ.)
4. Gorozhanov, A. I. (2024). Training future foreign language teachers to work in a virtual learning environment (using a teaching manual as an example). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching*, 1(850), 38–43. EDN MXVJIG. (In Russ.)
5. Bryzgalova, O. E., Armashhevskaya, O. V. (2022). Online resource as a tool for preventive measures in providing medical care to women during the COVID-19 pandemic. *Obstetrics and Gynecology*, 1, 113–121. DOI 10.18565/aig.2022.1.113-121. EDN XHKCHG. (In Russ.)
6. Gorozhanov, A. I. (2022). Experimental database modelling of a balanced linguistic corpus. *Philology. Theory & Practice*, 15(10), 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563. EDN JHBAVG. (In Russ.)
7. Karasik, V. I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
8. Karasik, V. I. (2024). Professional discourse in the digital age. In Radbil', T. B. (Ed.), *Diskursivnye praktiki v tsifrovuyu epokhu: traditsii i innovatsii* (pp. 110–120): Proceedings of the International scientific conference, Nizhniy Novgorod, 2024, April 4–5. Nizhniy Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. EDN OWMNNC. (In Russ.)
9. Pisarik, O. I. (2020). Emergence and correlation of the concepts “sublanguage” and “language for specific purposes”. *Modern Pedagogical Education*, 6, 183–187. EDN UHPMHD. (In Russ.)
10. Pisarik, O. I., Gorozhanov, A. I. (2021). Share of English professional sublanguage in educational texts for students of construction specialities. *Philology. Theory & Practice*, 3(14), 928–932. DOI 10.30853/phil210082. EDN CIRARX. (In Russ.)
11. Simonenko, M. A. (2009). *Architectural metaphor in language and speech: PhD thesis in Philology*. Kursk. (In Russ.)
12. Kazakova, E. V., Frolova, O. V. (2010). Onimy kak element diskursa stroitel'stva i arkhitektury = Onyms as an element of construction and architectural discourse. *Vestnik MGSU*, 4–5, 85–90. EDN RTUJLX. (In Russ.)
13. Petrova, L. A. (2015). *Arkhitekturno-stroitel'nyy diskurs kak samostoyatel'nyy ob'ekt lingvisticheskogo rassmotreniya* = Architectural and construction discourse as an independent object of linguistic analysis. *Eurasian Union of Scientists (ESU). Philology*, 3(12), 69–71. (In Russ.)
14. Varnavskaya, E. V., Varnavskiy, V. S. (2016). *Natsional'no-spetsificheskie kharakteristiki terminologicheskoy leksiki stroitel'nogo diskursa* = National-specific characteristics of terminological vocabulary in construction discourse. *Crede Experto: transport, society, education, language*, 2, 88–96. EDN WAQOYD. (In Russ.)

15. Kositskaya, F. L., Zaitseva, I. E. (2015). Architectural discourse and its genres in professional communication (based on the French language). *Tomsk State University Journal*, 4(157), 142–147. EDN TRJYL. (In Russ.)
16. Beylinson, L. S. (2009). Professional discourse: features, functions, norms (based on speech therapy communicative practice): PhD thesis in Philology. Volgograd. (In Russ.)
17. Evtushenko, O. A. (2019). Administrative discourse: types, subjects, dynamics: PhD thesis in Philology. Maikop. (In Russ.)
18. Shmeleva, T. V. (2007). Zhanrovedenie? Genristika? Genologiya? = Genre studies? Generistics? Genology? In Sedov, K. F. (Ed.), *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* (pp. 62–67). Moscow: Labirint. (In Russ.)
19. Golovanova, E. I. (2013). Professional'nyy diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noy kommunikatsii: sootnoshenie ponyatiy = Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: correlation of concepts. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1(292), 32–35. EDN PVPFPX. (In Russ.)
20. Cormen, T. H., Leiserson, C. E., Rivest, R. L., Stein, C. (2001). *Introduction to Algorithms*. 2nd ed. Cambridge, MA: The MIT Press.
21. Pisarik, O. I. (2021). Principles of developing a database of sublanguage in the field of “construction”. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(847), 150–160. DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_150. EDN RKPNSU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Писарик Оксана Ивановна

младший научный сотрудник

лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pisarik Oxana Ivanovna

Junior Research Assistant

at the Laboratory for Fundamental and Applied Issues of Virtual Education

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.05.2025
25.05.2025
12.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Робин Гуд в зеркале Реформации: модификация образа на рубеже Елизаветинской и Яковинанской эпох

Е. И. Колосова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
kolosova@inion.ru

Аннотация. В свете традиционных представлений о Робине Гуде как йомене и защитнике беднейших сословий возникшая на рубеже Елизаветинской и Яковинанской эпох идея о его дворянском происхождении заслуживает более детального рассмотрения. При помощи историко-литературного и сравнительно-исторического методов в настоящей статье предпринимается попытка установить причины столь радикальной трансформации данного фольклорного образа, обратившись к двум пьесам английского драматурга Энтони Мандея (1560–1633) – «Падение Роберта, графа Хантингтона» (1601) и «Смерть Роберта, графа Хантингтона» (1601). Выбирая Робина Гуда в качестве центральной фигуры этих пьес, драматург одновременно отдавал дань своему первому учителю и демонстрировал универсальность данного образа в исторической перспективе, возможность через него говорить о животрепещущих темах своего времени.

Ключевые слова: Робин Гуд, Энтони Мандей, Реформация, балладная традиция, Елизаветинская эпоха, Яковинанская эпоха

Для цитирования: Колосова Е. И. Робин Гуд в зеркале Реформации: модификация образа на рубеже Елизаветинской и Яковинанской эпох // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901) С. 114–121.

Original article

Robin Hood in the Mirror of the Reformation: Transformation of the Image During the Elizabethan and Jacobean Eras

Ekaterina I. Kolosova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kolosova@inion.ru

Abstract. In light of the traditional view of Robin Hood as a symbol of the Yeomanry, the idea of his noble origins at the end of the Elizabethan era and the beginning of the Jacobean era deserves further exploration. Using comparative historical and literary-historical methods, this article attempts to identify the reasons for such a radical transformation of this image by examining two plays by the English playwright Anthony Munday (1560–1633) – *The Downfall of Robert, Earl of Huntington* (1601) and *The Death of Robert, Earl of Huntington* (1601). By making Robin Hood the central figure of these plays, the playwright not only honored his first mentor but also highlighted the enduring universality of this image within a historical context, while using it as a lens to explore the urgent issues of his era.

Keywords: Robin Hood, Anthony Munday, Protestant Reformation, Ballad tradition, Elizabethan era, Jacobean era

For citation: Kolosova, E. I. (2025). Robin Hood in the mirror of the Reformation: Transformation of the image during the Elizabethan and Jacobean eras. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7(901), 114–121. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

С момента возникновения самых ранних баллад о Робине Гуде («Робин Гуд и монах», «Робин Гуд и горшечник», «Робин Гуд и Гай Гисборн», «Смерть Робин Гуда» и др.) легенда о нем не переставала пользоваться популярностью в Англии, особенно после крупных крестьянских восстаний под предводительством Уота Тайлера (The Peasants' Revolt; Wat Tyler's Rebellion; the Great Rising, 1381) и Джека Кэда (Jack Cade's Rebellion, 1450–1451). Имя знаменитого предводителя лесных разбойников неразрывно связано со средневековой традицией «майских игр» (May Games), которые сопровождались народными гуляниями, обрядами и танцами. Отличительной чертой этих празднеств были повсеместные инсценировки коронации с участием костюмированных крестьян, причем фигура короля в них нередко заменялась на Робина Гуда [Hutton, 1996; Simeone, 1951]. Некоторые крестьяне шли дальше и во время народных гуляний так сильно входили в роль любимого персонажа, что впоследствии несли за это наказание. Например, в 1498 году Р. Маршалл (Robert Marshall of Wednesbury, Staffordshire) был осужден Звездной палатой (Star Chamber; чрезвычайный суд при короле Англии в 1487–1641) за то, что под маской Робина Гуда повел за собой более сотни людей во время празднования Дня Святой Троицы [Barczewski, 2000]. В 1502 году за государственную измену арестовали другого крестьянина – «парня, который напомнил о многочисленных историях о Робине Гуде» (a felowe, whych had renued many of Robin Hodes pagentes) [там же], и подобных примеров в Англии XV–XVI веков было бесчисленное множество.

Майские праздники, которые нередко заканчивались массовыми беспорядками, внушали опасение не только политическим, но и религиозным властям. Под влиянием идей Реформации в XVI веке «реформировался» и сам образ Робина Гуда, в котором протестанты видели серьезную угрозу распространению религиозного воспитания и образованности. Так, известный деятель английской Реформации Х. Латимер (Hugh Latimer, ок. 1485–1555) сетовал на то, что прихожан больше занимали не проповеди, а приготовления к празднованию Дня Робина, и видел в этом тлетворное влияние католической церкви [Latimer, 1869]; в предисловии к книге «Послушание христианина» («The Obedience of a Christen man», 1528) английский ученый-гуманист, протестантский реформатор У. Тиндейл (William Tyndale, ок. 1494–1536) обратился к печатным изданиям произведений о Робине Гуде, чтобы упрекнуть католическое духовенство в потворстве

безграмотности [Tyndale, 2000]. Во времена напряженной борьбы за внимание читательской аудитории протестантская критика легенды о предводителе лесных разбойников основывалась прежде всего на высокой востребованности текстов о нем. Но можем ли мы говорить о каком-то устойчивом образе Робина Гуда – йомене, который неизменно противостоял власти имущим и защищал интересы низших сословий?

Проанализировав религиозную полемику Тиндейла и Т. Мора (Thomas More, 1478–1535) в контексте культурных коннотаций образа Робина Гуда, исследовательница Х. Филлипс пришла к выводу, что отрицательное отношение к средневековому герою стало постепенно ослабевать на рубеже XVI–XVII веков [Knight, 2013], в частности, после публикации драм «Падение Роберта, графа Хантингтона» («The Downfall of Robert Earl of Huntington», 1601) и «Смерть Роберта, графа Хантингтона» («The Death of Robert Earl of Huntington», 1601) английского драматурга Энтони Мандея (Anthony Munday, 1560–1633). Сегодня эти произведения известны мало, однако именно они положили начало представлениям о личности «подлинного» Робина Гуда – утратившего свое положение аристократа. В свете традиционных представлений о герое как представителе сословия йоменов (англ. yeomen, yeomanry) возникшая на рубеже Елизаветинской и Яковинской эпох идея о его дворянском происхождении представляется примечательной и заслуживает более детального рассмотрения. Используя традиционные историко-литературный и сравнительно-исторический методы, попытаемся раскрыть причины столь радикальной трансформации, обратившись к двум пьесам Э. Мандея (которые нередко объединяют в один цикл). Соответственно, целью настоящего исследования является анализ пьес «Падение Роберта, графа Хантингтона» и «Смерть Роберта, графа Хантингтона» в контексте представлений о происхождении данного фольклорного персонажа в английской литературе на рубеже XVI–XVII веков.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОБИНА ГУДА В ПЬЕСАХ Э. МАНДЕЯ: ТЕМА ПРИМИРЕНИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЯ

Среди драматургов своего времени Э. Мандей был не первым, кто обратился к легенде о Робине Гуде. К моменту работы над «Падением Роберта, графа Хантингтона» и «Смертью Роберта, графа Хантингтона» (период между 1597–1598) была опубликована пьеса «Эдуард I» («Edward I», 1593) Джорджа Пила (George Peele, 1556–1596), где в одной из сцен образ валлийских повстанцев сближается с образом Робина Гуда и его окружения;

немногим позже увидела свет знаменитая пьеса «Полевой сторож Джордж Грин» («George a Greene the Pinner of Wakefield», 1599), приписываемая английскому драматургу и памфлетисту Р. Грину (Robert Greene, 1558–1592). По наблюдению исследователей Р. Б. Добсона и Дж. Тейлора, легенда о Робине Гуде также легла в основу несохранившихся пьес «Робин Гуд и Крошка Джон» («Robin Hood and Little John», 1594) и «Гроши Робина Гуда» («Robin Hood's Penn'orths», 1600) [Robin Hood: An Anthology ... 1999]. Однако, как видно из сюжета пьес «цикла о Робине Гуде», подход Мандея к народной традиции заметно отличается от используемого современниками.

В «Падении Роберта, графа Хантингтона» используется характерный для Елизаветинской эпохи прием «пьесы в пьесе». В первом действии и других частях произведения сэр Джон Элтем (Sir John Eltham; «исполняющий роль» Крошки Джона) и Джон Скелтон (John Skelton; «в роли» монаха Тука) обсуждают проблематику пьесы, которую они якобы представляют двору Генриха VIII – монарха, период правления которого, по свидетельствам английского хрониста Э. Холла [Hall, 1809], связан с деяниями Робина Гуда. В первом действии Скелтон знакомит зрителей с актерами и их персонажами, среди которых сам Робин Гуд – Роберт, граф Хантингтон, современник короля Ричарда I. В центре сюжета находятся отношения Роберта с дочерью лорда Фитцуотера Матильдой (она же Дева Мэриан), которым препятствуют брат короля принц Иоанн (Иоанн Безземельный, король Англии с 1199 по 1216 г.) и королева-мать Элинор. Любовный конфликт усложняется драматизмом общественных и внутрисемейных противоречий: следуя средневековому нарративу о Робине Гуде, представитель духовенства – настоятель церкви Св. Марии в Йорке Гилберт де Гуд, дядя Роберта – в пьесах Мандея выступает одним из главных противников главного героя, при этом морально-этический конфликт усиливается за счет семейных уз, которые связывают настоятеля с его племянником. Знаменитый благодаря балладной традиции шериф Ноттингема также появляется в пьесе в образе управляющего Уормана, который позднее получает свою административно-судебную должность. Вместе с Гилбертом де Гудом Уорман объявляет Робина Гуда преступником за неуплату долгов и расточительство. Став жертвой интриги своего дяди и его сообщника сэра Донкастера, Робин, сам того не ведая, принимает яд и умирает в конце пятой сцены «Смерти Роберта, графа Хантингтона». Примечательно, что изображение его гибели в произведении отличается от описаний смерти Робина Гуда в средневековых балладах:

в ожидании неизбежного конца герой пытается примирить своих приятелей и противников, которые враждовали друг с другом в обеих частях драмы. Финальные четыре акта посвящены Матильде, находящейся в напряженных отношениях с принцем Иоанном. В попытке противостоять наследнику трона и защитить Матильду ее дядя лорд Брюс обрекает своих близких на смерть в подземельях Виндзорского замка. Сама же Матильда находит убежище в аббатстве Данмоу, где ее отравляет Брэнд, приспешник принца Иоанна.

Как можно заключить из этого краткого описания сюжета, драматург обращается к народным балладам, «Малой Жесте о Робине Гуде» («Lytell Geste of Robin Hode») и одновременно от них дистанцируется. Он делает выбор в пользу усложнения средневекового нарратива и помимо произведений устной словесности опирается на труды историка Дж. Мейджора «История Великобритании, как Англии, так и Шотландии» («Historia Majoris Britanniae, tam Angliae quam Scotiae», 1521), летописцев Р. Графтона «Свод английских хроник» («An Abridgement of the Chronicles of England», 1563), У. Боуэра («Шотландская хроника», *лат.* Scotichronicon, XV в.) и др., в которых допускается существование исторического прототипа Робина Гуда. Идею о бедственном положении аристократа времен короля Ричарда I и принца Иоанна драматург заимствует у Дж. Мейджора, дополняя ее актуальной для своего времени социополитической проблематикой. Несмотря на то что основное действие пьесы относится к периоду правления Генриха VIII, предметом художественного осмысления здесь выступает сложный комплекс процессов церковных преобразований на протяжении всего XVI века, безвыходное положение простых жителей в период неурожая 1594–1598 гг., проблема налогового гнета, последствия принятых в 1597 г. законов о нищих и бродягах и др. Главными противниками Роберта / Робина Гуда выступают не только шериф Ноттингема и аббат церкви Св. Марии, как представлено в «Малой Жесте о Робине Гуде» и балладах, а целая система персонажей во главе с Гилбертом де Гудом и управляющим Уорманом, объединяющая коронованных особ, должностных лиц и представителей духовенства. При этом Робин Гуд в пьесах Мандея преодолевает ту недвусмысленную жестокость, на которую способен по отношению к своим противникам герой средневековых баллад, и выступает фигурой более пассивной. Показательнее всего об этом свидетельствует частотность упоминания его имени (Робин и Роберт) в обоих произведениях: из 1187 реплик «Падения» лишь 90 отводятся Робину Гуду, при этом его имя упоминается в

пьесе разными героями и в ремарках 106 раз. Из 472 реплик «Смерти» – всего 28 отводятся Робину Гуду, а его имя упоминается 53 раза.

Ранее уже подчеркивалось, что, будучи отравленным своим дядей, Робин Гуд предпринимает попытку примирить своих друзей и противников, и это обстоятельство наводит на мысль о том, что данный персонаж, в интерпретации Мандея, не находится в строгой оппозиции власти имущим, а напротив – выражает очевидную готовность к компромиссу. Тема примирения и объединения прослеживается в драме на разных уровнях. Так, сама попытка драматурга соотнести легенду о Робине Гуде с гипотезами историков и хронистов о подлинной личности фольклорного персонажа говорит о стремлении драматурга упорядочить разнообразные сведения, тем самым сконструировав цельный художественный образ Робина Гуда. Кроме того, используемый Мандеем прием «пьесы в пьесе» позволяет продемонстрировать преемственность и живучесть повествования о Робине Гуде в самых разных исторических реалиях (в контексте крестьянских восстаний, в период правления Генриха VIII, в Елизаветинскую и затем Яковинскую эпоху). На сюжетном уровне также находятся подтверждения в пользу данной гипотезы. В качестве примера приведем реплику разбойника Скарлета из девятой сцены «Падения Роберта, графа Хантингтона»:

*Its full seven years since we were outlawed first,
And wealthy Sherewood was our heritage.
For all those yeares we reigned uncontrolde,
From Barnsdale shrogs to Nottinghams red clifffes;
At Blithe and Tickhill were we welcome guests.
Good George a Greene at Bradford was our friend,
And wanton Wakefields Pinner lov'd us well.
At Barnsley dwels a Potter tough and strong,
That never brookt we brethren should have wrong.
The Nunnes of Farnsfield, pretty nunnes they bee,
Gave napkins, shirts, and bands to him and mee.
Bateman of Kendall, gave us Kendall greene,
And Sharpe of Leedes, sharpe arrowes for us made:
At Rotheram dwelt our bowyer, God him blisse.
Jackson he hight; his bowes did never misse.
This for our good, our scathe let Scathlocke tell,
In merry Mansfield, how it once befell.¹*

Прошло семь лет с тех пор, как нас впервые объявили преступниками,

¹Munday A. The Downfall of Robert, Earle of Huntington // Robin Hood and Other Outlaw Tales / Ed by S. Knight, T.H. Ohlgren. Michigan: Medieval Institute Publications, 1997. URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/downfall-of-robert-earle-of-huntington> (строки 1279–1295; дата обращения: 27.06. 2025).

*И богатый Шервуд был нашим достоянием.
Все те годы мы были [никому] неподвластны,
От гуц Барнсдейла до красных холмов Ноттингема;
В Блите и Тикхилле мы были желанными гостями.
Добрый Джордж Грин из Брэдфорда был нашим другом,
И полевой сторож-гуляка жаловал нас.
В Барнсли живет крепкий и удалой гончар,
Который никогда не терпел несправедливости по отношению к нам.
Монахи из Фарнсфилда, милейшие монахи,
Дарили нам платки, рубашки и повязки.
Бейтман из Кендалла давал нам зеленые [ливреи],
А Шарп из Лидса делал для нас острые стрелы:
В Ротереме жил наш лукодел, благослови его Бог.
Звали его Джексон; его луки всегда стреляли в цели.
Всё это было нашим, а про беду пусть расскажет Скетлок,
Что случилась с нами в оживленном Мэнсфилде.²*

Несмотря на то что подробные описания жизни героя в лесах Шервуда, Барнсдейла и Инглвуда в пьесах отсутствуют (лес в них становится эмблемой социального падения Роберта), в приведенной цитате очерчиваются территориальные границы, внутри которых происходили деяния Робина Гуда и его окружения из старинных баллад, а также затрагиваются особенности уклада средневековой разбойничьей жизни. Заметим, что на протяжении семи лет жизнь братьев Скарлета и Скетлока (последний является вымышленным Мандеем персонажем) была лишена постоянства, но ситуация меняется после знакомства с Робинем Гудом, которому удалось сплотить последователей вокруг себя. Обращает на себя внимание и употребление слова *наследие* (...And wealthy Sherewood was our **heritage**; наследие, достояние): через Скарлета Мандей демонстрирует собственное знание устных и письменных преданий о Робине Гуде, ставших уже в Елизаветинскую эпоху неотъемлемой частью английской культурной традиции.³

БИОГРАФИЯ Э. МАНДЕЯ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ «ЦИКЛА О РОБИНЕ ГУДЕ»

Исследователи Р. Б. Добсон и Дж. Тейлор утверждают, что пьеса Э. Мандея была, с одной стороны, «самой своевольной и бесцеремонной» в обращении с фольклорными сюжетами и,

²Здесь и далее перевод и начертания в шрифтах наши. – Е. К.

³Позднее это подтвердит М. Дрэйтон в своей знаменитой топографической поэме «Поли-Албион» («Poly-Olbion», 1612): *In this our spacious isle I think there is not one, / But he "of Robin Hood hath heard" and Little John* (На нашем просторном острове, я думаю, нет ни одного, / Кто бы не «слышал о Робине Гуде» и Маленьком Джоне).

«несомненно, самой влиятельной из всех драматических произведений о Робине Гуде» с другой [Dobson, Taylor, 1976]. С этим утверждением невозможно не согласиться: рассматриваемый цикл пьес если не полностью, то отчасти развеял негативные культурные коннотации, бытовавшие в период Реформации, и представил принципиально иную интерпретацию образа Робина Гуда. Возвысившись в социальном статусе, он стал носителем английских аристократических ценностей и воспитания, невзирая на последующее «падение». Таким образом, пьесы Мандея опровергают тезис реформаторов о том, что нарратив о Робине Гуде препятствовал распространению образованности и религиозного воспитания. В свете заметного влияния идей драматурга на реконструкции этого образа в XVIII–XX веках [Ritson, 1795; Hunter, 1852; Walker, 1944] возникает закономерный вопрос: почему именно Э. Мандей преобразил легенду о Робине Гуде? Ключ к разгадке кроется в биографии писателя и той культурной среде, в которой создавались рассматриваемые пьесы.

Первые годы ученичества Мандей провел у шотландского (по происхождению) книготорговца и типографа Дж. Олди (John Aldee/Alde, 1555–1592) [Transcript of the Registers ... 1950], который в 1560–1567 зарегистрировал права на публикацию народных баллад и альманахов. Несмотря на недостаток свободного времени, в 1576 году писатель начал интересоваться народной поэзией и переводить рыцарские романы в стихах. Известно, что один из первых своих литературных опытов – перевод французской жести (*chanson de geste*) «Гальен, восстановленный в своих правах» («Galiens li Restorés») – он отпечатал в типографии и подарил Эдуарду де Веру (Edward de Vere, 17th Earl of Oxford, 1550–1604) [Munday, 1579], благодаря которому вскоре был освобожден от обучения и отправился в свое первое путешествие по Франции и Италии. Результатом поездки стал роман-travelogue «Жизнь англичанина в Риме» («The English Romaine Lyfe», 1582), положивший начало представлениям о его разведывательной деятельности. Исследователь Дж. Д. Уилсон сообщает, что уже в 1578 году будущий драматург состоял на службе у правительства Елизаветы I и под маской новообращенного католика отправился в Рим [Wilson, 1909, с. 484]. Позднее, в 1582 году, Мандей стал одним из постоянных агентов, расследовавших папистские заговоры. Свои религиозные убеждения он изложил в целом ряде трудов: «Зеркало перемен» («Mirrour of Mutabilitie», 1579), «Задержание и казнь несговорчивого и своенравного предателя» («The Araigement, and Execution, of a Wilfull and Obstinate Traitour», 1581), «Находка

Эдмунда Кэмпiona» («The Discouery of Edmund Campion», 1582), «Лаконичный ответ» («A Breefe Aunswer», 1582), «Краткий и точный отчет о казни некоторых предателей» («A Brief and True Report of the Execution of Certain Traitors», 1582), «Предупреждение Англии» («A Watchwoord to England», 1584), сюда же можно отнести незавершенный роман «Зелауто: источник славы» («Zelauto: The Fountaine of Fame», 1580).

Далеко не все исследователи биографии и творчества Мандея сходятся во мнении, что драматург был ревностным протестантом: С. Т. Райт полагала, что поездка Мандея в Рим и его связи с книготорговцами Дж. Олди и Дж. Чарлвудом (John Charlewood) свидетельствовали о его скрытой симпатии католикам [Wright, 1959]; Т. Маккуг отмечал, что как «бывший католик» драматург не мог являться яростным защитником протестантизма [McCoog, 1993]. Известно, что в 1580-х Мандей по приказу правительства осуществлял наблюдение не только за католиками, но и радикально настроенными протестантами, что заставило его, по всей видимости, пересмотреть убеждения. Примечательно, что именно в это время он начинает карьеру драматурга.

Фрагментарные сведения о драматических произведениях Мандея дошли до наших дней в архиве театрального антрепренера и импресарио Ф. Хенслоу (Philip Henslowe, 1550–1616) и благодаря свидетельствам ирландского шекспироведа Э. Мэлоуна (Edmond Malone, 1741–1812). Из 18 пьес, написанных в период 1584–1602, сохранилось всего четыре, но они наглядно отражают постепенный переход драматурга к более умеренным религиозным взглядам. В 1584 году Мандей перевел итальянскую комедию «Фидель» («Il Fedele», 1576) Л. Паскуалиго (Luigi Pasqualigo, 1536–1576), озаглавив ее «Фидель и Фортунио» («Fedele and Fortunio», 1584), которая имела большой успех у английских зрителей. Позднее была опубликована драма «Джон Кент и Джон Камбер» («John a Kent and John a Cumber», точная дата публикации не установлена), в которой очевидная жестокость антикатолической политики оправдывается необходимостью государственного контроля. Рассматриваемые нами драмы «Падение» и «Смерть», а также утраченная – «Похороны Ричарда» («Funeral of Richard») созданы Мандеем по возвращении из Нидерландов, куда его отправили по службе.¹ Вероятнее всего, эти произведения изначально были объединены в одну пьесу, которую Мандей вместе с другим драматургом Елизаветинской эпохи Г. Четтлом (Henry Chettle, 1564–1606)

¹Подробнее об этом см.: Branyan R. Anthony Munday // Dictionary of Literary Biography / D. A. Richardson. Detroit: Gale, 1996. P. 173–180.

разделили для постановки в театре «Розы» [Meagher, 1966; Robin Hood: An Anthology ... 1999].

В «цикле о Робине Гуде» Мандей не отступает от критики католицизма. Гилберт де Гуд – символ католического духовенства в пьесах – открыто признает собственное лицемерие в третьей сцене «Смерти Роберта, графа Хантингтона»:

<i>Now for a face of pure hypocrisie. Sweete murder, cloath thee in religious weedes, Raigne in my bosome, that with helpe of thee, I may effect this Robins Tragedie¹</i>	Теперь перед лицом чистейшего лицемерия Сладостное убийство, облачен- ное в религиозные одежды, Ликуй в моей груди, чтобы с твоей помощью Я смог устроить падение [букв. 'трагедию'] Робина
---	--

Именно этот персонаж доводит до конца преступный замысел и отравляет собственного племянника. В результате призыв Робина Гуда к примирению и объединению оказывается неслышанным. Кроме этого, католическое духовенство демонстрирует неспособность помочь тем, кто больше всего нуждается в защите. Ближе к концу второй пьесы Матильда / Дева Мэриан бежит от принца Иоанна в аббатство, в надежде, что монахини помогут ей сохранить целомудрие, но настоятельница и монах, напротив, пытаются убедить героиню уступить наследнику престола. Возлюбленной Робина Гуда не остается ничего иного, кроме как отвергнуть возможность греховной связи и сделать выбор в пользу смерти (*Where shall I be hid? / O God, these ravens will seaze upon thy dove²*). Таким образом, драматург смещает акцент на трагическое положение героев, углубляя нравственно-этический заряд пьес «цикла о Робине Гуде».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было показано, разведывательная деятельность и глубокая осведомленность Энтони Мандея

¹Munday A. Excerpts from The Death of Robert, Earle of Huntington // Robin Hood and Other Outlaw Tales / Ed by S. Knight, T. H. Ohlgren. Michigan: Medieval Institute Publications, 1997. URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/death-of-robert-earle-of-huntington> (строки 236–240; дата обращения: 27.06.2025).

²Перевод: Где же мне укрыться? / О, Боже! Эти вороны растерзают твою голубку.

в вопросах католико-протестантских отношений легли в основу многих его произведений, включая рассмотренные нами «Падение Роберта, графа Хантингтона» и «Смерть Роберта, графа Хантингтона». Выбирая Робина Гуда в качестве центральной фигуры этих пьес, драматург одновременно отдавал дань уважения своему первому учителю Дж. Олди, который привил ему любовь к фольклору, и демонстрировал универсальность данного образа в исторической перспективе, возможность через него говорить о животрепещущих темах своего времени. С распространением идей Реформации в XVI в. Робин Гуд стал иначе восприниматься религиозными деятелями, особенно в свете традиции «Майских игр», однако Мандей, будучи знатоком баллад и рыцарских романов в стихах, почувствовал в народном герое совсем иной идейный заряд: его Робин Гуд – фигура трагическая, ставшая очевидной жертвой подкупленного католического духовенства. Такой герой больше не угрожал идеям Реформации и потому перестал восприниматься заклятым врагом власть имущих. К тому же, приписав Робину Гуду (вслед за историками и хронистами) знатное происхождение, Мандею удалось защитить его от упреков в аморальности и необразованности.

Рассмотренный в статье «цикл о Робине Гуде» оказал значительное влияние на последующие интерпретации данного фольклорного персонажа. Так, к нему неоднократно обращался создатель цельного и актуального по сей день образа Робина Гуда, английский литератор и антикварий рубежа XVIII–XIX веков Джозеф Ритсон (Joseph Ritson, 1752–1803). В его знаменитом поэтическом собрании «Робин Гуд: собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней» («Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which are Prefixed Historical Anecdotes of His Life», 1795) [Ritson, 1795] сведения о происхождении и социальном положении героя уходят корнями в пьесы Мандея и корпус текстов, на которые опирался драматург. И хотя ритсоновский Робин Гуд мало похож на героя Елизаветинской эпохи, сама идея Мандея об «универсальности» данного образа и его гибкость были восприняты литератором и вдохновили на собственную интерпретацию легенды о предводителях лесных разбойников [Колосова, 2023].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hutton R. The Stations of the Sun: A History of the Ritual Year in Britain. L.: Oxford University Press, 1996.
2. Simeone W. E. The May Games and the Robin Hood Legend // Journal of American Folklore. 1951. № 64. P. 265–274.

3. Barczewski S. *Myth and National Identity in Nineteenth-Century Britain: The Legends of King Arthur and Robin Hood*. L.: Oxford University Press, 2000.
4. Latimer H. *Seven Sermons before Edward VI, on Each Friday in Lent, 1549* / Ed. by E. Arber. L.: Alex Murray & Son, 1869.
5. Tyndale W. *The Obedience of a Christian Man*. L.: Penguin Classics, 2000.
6. Knight S. *Robin Hood in Greenwood Stood: Alterity and Context in the English Outlaw Tradition*. Turnhout: Brepols, 2013.
7. *Robin Hood: An Anthology of Scholarship and Criticism* / Ed. by S. Knight. Martlesham: Boydell & Brewer Ltd, 1999.
8. Hall E. *Hall's Chronicle: Containing the History of England, During the Reign of Henry the Fourth, and the Succeeding Monarchs, to the End of the Reign of Henry the Eighth*. L.: J. Johnson, 1809.
9. Munday A. *The Downfall of Robert, Earle of Huntington // Robin Hood and Other Outlaw Tales* / Ed. by S. Knight, T. H. Ohlgren. Michigan: Medieval Institute Publications, 1997. P. 303–402.
10. Munday A. *Excerpts from The Death of Robert, Earle of Huntington // Robin Hood and Other Outlaw Tales* / Ed. by S. Knight, T. H. Ohlgren. Michigan: Medieval Institute Publications, 1997. P. 402–441.
11. Dobson R. B., Taylor J. *Rymes of Robyn Hood: An Introduction to the English Outlaw*. L.: Heinemann, 1976.
12. Ritson J. *Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant, Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which Are Prefixed Historical Anecdotes of His Life*. L.: T Egerton, J. Johnson, 1795. Vol. I–II.
13. Hunter J. *The Great Hero of the Ancient Minstrelsy of England, "Robin Hood": His Period, Real Character, Etc. Investigated and Perhaps Ascertained*. L.: J.R. Smith, 1852.
14. Walker J. W. *Robin Hood Identified // Yorkshire Archaeological Journal*. 1944. Vol. 36. P. 4–46.
15. *Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London 1554–1640* / Ed. by E. Arber. N.Y.: P. Smith Co., 1950. Vol. 2.
16. Munday A. *The Mirrour of Mutabilitie, Or Principall Part of the Mirrour for Magistrates: Describing the Fall of Divers Famous Princes, and Other Memorable Personages*. L.: John Allde, 1579.
17. Wilson J. D. *Anthony Munday, Pamphleteer and Pursuivant // The Modern Language Review*. 1909. Vol. 4. № 4. P. 484–490.
18. Wright C. T. *Young Anthony Munday Again // Studies in Philology*. 1959. Vol. 56. № 2. P. 150–168.
19. McCoog T. M. "The Flower of Oxford": The Role of Edmund Campion in Early Recusant Polemics // *The Sixteenth Century Journal*. 1993. Vol. 24. № 4. P. 899–913.
20. Meagher J. C. *Hackwriting and the Huntingdon Plays // Elizabethan Theatre* / J. R. Brown, B. Harris. L.: Edward Arnold Publishers Ltd., 1966. P. 197–219.
21. Колосова Е. И. Прошлое как способ говорить о настоящем: «Робин Гуд: Собрание всех древних стихов, песен и баллад, сохранившихся до наших дней» Дж. Ритсона // *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2023. № 3. С. 100–104.

REFERENCES

1. Hutton, R. (1996). *The Stations of the Sun: A History of the Ritual Year in Britain*. London: Oxford University Press.
2. Simeone, W. E. (1951). The May Games and the Robin Hood Legend. *Journal of American Folklore*, 64, 265–274.
3. Barczewski, S. (2000). *Myth and National Identity in Nineteenth-Century Britain: The Legends of King Arthur and Robin Hood*. London: Oxford University Press.
4. Latimer, H. (1869). *Seven Sermons before Edward VI, on Each Friday in Lent, 1549*. Ed. by E. Arber. London: Alex Murray & Son.
5. Tyndale, W. (2000). *The Obedience of a Christian Man*. London: Penguin Classics.
6. Knight, S. (2013). *Robin Hood in Greenwood Stood: Alterity and Context in the English Outlaw Tradition*. Turnhout: Brepols.
7. Knight, S. (Ed.). (1999). *Robin Hood: An Anthology of Scholarship and Criticism*. Martlesham: Boydell & Brewer Ltd.
8. Hall, E. (1809). *Hall's Chronicle: Containing the History of England, During the Reign of Henry the Fourth, and the Succeeding Monarchs, to the End of the Reign of Henry the Eighth*. London: J. Johnson.

9. Munday, A. (1997). The Downfall of Robert, Earle of Huntington. In Knight, S., Ohlgren, T. H. (Eds.), Robin Hood and Other Outlaw Tales (pp. 303–402). Michigan: Medieval Institute Publications.
10. Munday, A. (1997). Excerpts from The Death of Robert, Earle of Huntington. In Knight, S., Ohlgren, T. H. (Eds.), Robin Hood and Other Outlaw Tales (pp. 402–441). Michigan: Medieval Institute Publications.
11. Dobson, R. B., Taylor, J. (1976). Rymes of Robyn Hood: An Introduction to the English Outlaw. London: Heinemann.
12. Ritson, J. (1795). Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads, Now Extant, Relative to That Celebrated English Outlaw: To Which Are Prefixed Historical Anecdotes of His Life. London: T. Egerton, J. Johnson.
13. Hunter, J. (1852). The Great Hero of the Ancient Minstrelsy of England, "Robin Hood.": His Period, Real Character, Etc. Investigated and Perhaps Ascertained. London: J. R. Smith.
14. Walker, J. W. (1944). Robin Hood Identified. Yorkshire Archaeological Journal, 36, 4–46.
15. Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London 1554–1640. (1950). Arber, E. (Ed.). N.Y.: P. Smith Co.
16. Munday, A. (1579). The Mirrour of Mutabilitie, Or Principall Part of the Mirrour for Magistrates: Describing the Fall of Divers Famous Princes, and Other Memorable Personages. London: John Allde.
17. Wilson, J. D. (1909). Anthony Munday, Pamphleteer and Pursuivant. The Modern Language Review, 4(4), 484–490.
18. Wright, C. T. (1959). Young Anthony Munday Again. Studies in Philology, 56(2), 150–168.
19. McCoog, T. M. (1993). The Flower of Oxford: the Role of Edmund Campion in Early Recusant Polemics. The Sixteenth Century Journal, 24(4), 899–913.
20. Meagher, J. C. (1966). Hackwriting and the Huntingdon Plays. In Brown, J. R., Harris, B. (Eds.), Elizabethan Theatre (pp. 197–219). London: Edward Arnold Publishers Ltd.
21. Kolosova E. I. (2023). The Past as a Way to Talk About the Present: "Robin Hood: a Collection of All Ancient Poems, Songs and Ballads that Have Survived to the Present Day" By J. Ritson. Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta, 3, 100–104. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колосова Екатерина Игоревна

кандидат филологических наук

научный сотрудник отдела литературоведения

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolosova Ekaterina Igorevna

PhD (Philology)

Researcher, Department of Literary Studies

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.05.2025
28.05.2025
12.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 821.111.09

Изучение творчества Дж. Р. Р. Толкина как методологическая проблема

М. М. Минц

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
mints@inion.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-методологические основы изучения творчества Дж. Р. Р. Толкина (прежде всего произведений, посвященных истории Средиземья). Цель работы – заложить необходимую базу для междисциплинарных исследований в данной области, а также для изучения вселенной Толкина как воображаемого мира. В решении этих задач автор опирается на современную методологию гуманитарного знания с учетом особенностей изучаемого материала (место первичного источника в гуманитарных исследованиях, изучение вымышленных миров). На этой основе рассматриваются такие вопросы, как природа толкиновского художественного наследия, соотношение между текстами и описанным в них миром, перспективы и возможные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: Дж. Р. Р. Толкин, легендарium, Средиземье, воображаемые миры, теория и методология

Для цитирования: Минц М. М. Изучение творчества Дж. Р. Р. Толкина как методологическая проблема // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 122–128.

Original article

The Study of J. R. R. Tolkien's Fiction as an Issue of Methodology

Mikhail M. Mints

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
mints@inion.ru

Abstract. The article deals with theoretical and methodological foundations of the study of J. R. R. Tolkien's fiction (first of all of the Middle-earth legendarium). The author's main goal is to lay a necessary basis for interdisciplinary research in the field, as well as for the study of Tolkien's universe as an imaginary world. His approach to these tasks is based on current methodology of the humanities taking into account the special aspects of the material under review (place and role of the primary source in a research, the study of imaginary worlds). From this viewpoint, such issues are considered as the nature of Tolkien's creative heritage, interrelation between the texts and the invented world they describe, perspectives and probable directions of further research.

Keywords: J. R. R. Tolkien, legendarium, Middle-earth, imaginary worlds, theory and methodology

For citation: Mints, M. M. (2025). The study of J. R. R. Tolkien's fiction as an issue of methodology. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 122–128. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Общее число научных работ, посвященных творчеству Дж. Р. Р. Толкина, уже настолько велико, что толкинистике с полным правом можно рассматривать как самостоятельную область исследований. Это подтверждает и наличие целого ряда специализированных рецензируемых журналов (прежде всего «Tolkien Studies» и «Journal of Tolkien Research», а также охватывающие более широкую проблематику «Mythlore», «Journal of Inklings Studies» и «VII: Journal of the Marion E. Wade Center»). В то же время теоретико-методологическая основа для таких исследований лишь начинает формироваться. В доступных на сегодня публикациях анализируются отдельные частные вопросы – такие как проблема внутреннего авторства [Barkley, 1995; Painter, 2016], вопрос о применимости понятия «канон» к произведениям Толкина [Larsen, 2022] и др. Базовые вопросы теории и методологии до сих пор рассматривались главным образом в любительских исследованиях, как правило, довольно поверхностно¹. Между тем, как будет показано ниже, в толкиноведении методологическая рефлексия особенно важна – по целому ряду причин, включая междисциплинарный характер исследований творчества Толкина, непростые отношения между профессиональной и любительской толкинистикой и, наконец, специфику толкиновской художественной вселенной как таковой.

Данное исследование представляет собой попытку частично восполнить этот пробел. Ввиду его сравнительно небольшого объема мы ограничились несколькими наиболее фундаментальными проблемами, включая природу толкиновского творческого наследия, соотношение между текстами и описанным в них вымышленным миром и использование методов различных гуманитарных дисциплин при изучении произведений Толкина. Анализ этих проблем опирается в числе прочего на ряд общих работ, посвященных специфике воображаемой реальности как таковой [Клейменова, 2012; Меерсон, 2009; Романова, 2008; Wolf, 2012]. Как следствие, исследование в целом носит по большей части общетеоретический характер, но без убедительного разрешения перечисленных вопросов более конкретные методологические построения вряд ли будут возможны. Ряд других, более узких тем (такие как космология толкиновской вселенной, представления самого писателя о природе собственного творчества, а также классификация

его произведений с точки зрения их отношения к миру Средиземья) нуждаются в отдельном более подробном исследовании, результаты которого, мы надеемся, еще будут опубликованы позже. Соображения, приведенные в данной статье, применимы ко всему корпусу произведений Толкина, прежде всего к так называемому легендарному – произведениям, непосредственно посвященным истории Средиземья.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Методологические аспекты изучения творчества Толкина представляют интерес по нескольким причинам. Во-первых, его художественное наследие чрезвычайно многогранно, и методов одного лишь литературоведения оказывается явно недостаточно для того, чтобы составить о нем сколько-нибудь целостное представление. Если перебрать существующую на сегодня литературу, то помимо сугубо филологических работ мы увидим и философские, и богословские, и историческую биографию, и культурологию, и многое другое. Лингвистические исследования толкиновских языков в общем массиве публикаций стоят немного особняком – видимо, в силу специфики предмета, но такое положение сложно признать оправданным, так как языки Толкина в действительности довольно тесно интегрированы и в его мифологию, и в целом в его вымышленную вселенную. Исследования его произведений, таким образом, междисциплинарны по самой своей природе, а для таких исследований, помимо всего прочего, требуется соответствующая теоретико-методологическая база.

Еще одна проблема состоит в том, что в существующей литературе по Толкину помимо сугубо профессиональных научных работ присутствует и значительный пласт любительских исследований; на английском языке большое количество таких работ опубликовано в журналах «Mallorn» и «Anor», на русском – в журнале «Палантир» и на нескольких тематических сайтах. Это давно сложившаяся тенденция, причем провести жесткую границу между профессиональной и любительской толкинистикой практически невозможно [Минц, 2022а; Минц, 2022б]. Любительские работы среди прочего интересны тем, что именно в них особенно активно исследуется «внутренняя» история толкиновского мира (история Средиземья глазами его обитателей). Профессиональные ученые чаще всего игнорируют эту проблематику как «недостаточно серьезную» или «недостаточно научную», но при ближайшем рассмотрении такое отношение оказывается довольно спорным. Во-первых, как еще будет сказано ниже, толкиновскую вселенную

¹См., например: Виноходов Д. Подходы к изучению текстов Толкина // Палантир. 2001. № 24. С. 30–32; Виноходов Д. Толкинистика: принципы и проблемы методологии // Палантир. 2002. № 30. С. 3–16; Baillie J. Approaches to Tolkien studies // Anor. 2014. No. 43. P. 18–21.

правильнее рассматривать как самостоятельное художественное произведение, а ее «внутреннее» время и «внутренняя» история – это по определению ее неотъемлемая составная часть. Во-вторых, Толкин и сам стилизовал многие свои тексты под подлинные исторические источники, возникшие непосредственно в Средиземье, так что своеобразная «игра в историю» явно входила в авторский замысел. Более того, известен по крайней мере один случай, когда рецензент издательства «George Allen & Unwin», прочитав рукопись «Лэо Лэйтиан», действительно принял ее за подлинный древний текст¹.

К изучению «внутренней» истории Средиземья примыкает и такая сугубо литературоведческая задача, как анализ субъектной организации произведения, включая субъективные представления и ощущения его персонажей, поскольку «то, как и что видят герои и различные рассказчики, становится тем, как и что видим мы, читатели, – то есть тем, что именно, в свою очередь, автор пытается передать (или навязать – в зависимости от нашего желания и способности сопротивляться) нам как свое видение» [Меерсон, 2009, с. 18]. Наконец, для понимания творчества Толкина и его мировоззрения важны не только конкретные его тексты, но и различные сквозные сюжеты, которые, собственно, и составляют «внутреннюю» историю Средиземья. К примеру, история тех же Колец Власти хронологически охватывает около пяти тысячелетий и полторы эпохи, но во «Властелине колец» излагается лишь частично; чтобы охватить ее целиком, нужно привлекать также письма Толкина и последнюю главу «Сильмариллиона».

С другой стороны, многие любительские исследования построены на так называемом «историческом подходе», основанном на предположении (хотя и «понарошку»), что мир Толкина существовал на самом деле и его произведения можно анализировать по аналогии с обычными «земными» историческими источниками². В таком случае исследование становится заведомо ненаучным, тем более что далеко не все произведения Толкина стилизованы под подлинные источники, а его представления о Средиземье неоднократно (и значительно) менялись со временем. Как результат, исследование фактически подменяется игрой в исследование. Само по себе желание поиграть в такие игры вполне естественно: Толкин прорабатывал внутреннее устройство своей вселенной чрезвычайно скрупулезно, включая астрономию, географию,

биологию, историю и даже лингвистику. Но во многом именно по этой причине изучение толкиновского мира «изнутри» до сих пор вызывает скепсис у профессиональных литературоведов. Необходим, следовательно, методологический инструментарий, позволяющий изучать этот мир, не покидая пределов строгой науки.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ: ВСЕЛЕННАЯ ТОЛКИНА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Разработку такой методологии, как представляется, было бы правильно начать с определения предмета толкинистики: как следует из самого названия, она изучает внутренний мир Толкина, его мировоззрение, убеждения, духовные искания и, наконец, его творчество – научное и художественное. В свою очередь, центральной составляющей его художественного наследия является сама его вымышленная вселенная. Строго говоря, у нее нет единого названия, поскольку толкиновская космология включает в себя три самостоятельных компонента: Чертоги Безвременья (Timeless Halls) – обиталище Бога (Эру Илуватара); Пустоту (the Void) – область не-существования («ничто») за пределами Эа и Чертогов Безвременья, куда был изгнан Моргот в конце Первой эпохи; и наконец, собственно тварный мир – Эа, история которого, по замыслу Толкина, представляет собой мифологическое прошлое «нашей» Вселенной. Центром Эа является Арда (Земля и окружающие ее небесные тела). Средиземье в этом мире соответствует «нашему» Старому Свету³.

Важная особенность творчества Толкина состоит в том, что в процессе работы над своей мифологией он довольно большое внимание уделял не только сочинению историй как таковых, но и максимально тщательной проработке самой вселенной, в которой эти истории разворачиваются. Результатом этой работы стал прежде всего обширнейший комплекс материалов, посвященных языкам Арды, но также и многочисленные тексты «научного» и «справочного» характера, в которых описываются ее космография, природа, культура и история народов Средиземья («Амбарканта», «Описание острова Нуменор», приложения к «Властелину колец» и др.). Вселенная Средиземья, таким образом, представляет собой более сложное явление, нежели то, что Г. И. Романова называет «миром произведения» [Романова, 2008]: в сущности, сама эта вселенная является самостоятельным художественным произведением. В. Ю. Клейменова использует для таких

¹Толкин Дж. Р. Р. История Средиземья. Т. III: Песни Белерианда / под ред. К. Толкина; отв. ред. [перевода] С. Лихачёва. М.: АСТ, 2020.

²Виноходов Д. О. Толкинистика: принципы и проблемы методологии // Палантир. 2002. № 30. С. 8–10.

³В данной статье термины «мир Толкина», «Арда» и «Средиземье» употребляются как взаимозаменяемые, поскольку подробный анализ толкиновской космологии требует отдельного исследования.

явлений термин «фикциональный мир» [Клейменова, 2012]; М. Дж. П. Вулф предпочитает выражение «воображаемые миры» (imaginary worlds), но употребляет и толкиновские термины «вторичные миры» и «вторичное творение» (secondary worlds, sub-creation) [Wolf, 2012].

Как и любой другой вымышленный мир, вселенная Толкина – это весьма необычное произведение, хотя бы уже по той причине, что оно полностью нематериально. В данном отношении воображаемые миры принципиально отличаются от большинства других произведений литературы и искусства, для которых характерна достаточно жесткая связь между авторской идеей и ее материальным воплощением. Международная библиотечная ассоциация, к примеру, различает *произведение* как комплекс идей, *выражение* как их конкретную реализацию в той или иной знаковой системе и *воплощение* как совокупность материальных носителей, содержащих отдельные экземпляры данного воплощения, полученные в результате одного и того же производственного процесса. При этом, однако, прямо оговаривается, что произведение «не может существовать без нынешнего (или существовавшего в прошлом) хотя бы одного выражения», как и выражение «не может существовать, если не существует (или не существовало в какой-либо момент в прошлом) хотя бы одно воплощение»¹. При изучении вымышленных миров данная модель может применяться лишь с существенной оговоркой, поскольку мир того же Толкина *описывается* его конкретными текстами, а также рисунками и картами, но вряд ли *исчерпывается* ими. Как следствие, изучать его мы можем лишь *посредством* созданных Толкином конкретных текстов и изображений, которые представляют интерес не только сами по себе, но и как источники для изучения его мира как целого. Следует также учитывать, что в этих источниках содержится дискретное и часто довольно фрагментированное описание вымышленного мира, хотя в представлении самого Толкина он существовал как неразрывный комплекс взаимосвязанных образов.

Будучи воображаемым миром, вселенная Толкина существует как бы параллельно в двух временных потоках. С одной стороны, представления самого писателя об этой вселенной эволюционировали в «нашем», «реальном» времени. С другой стороны – составной частью художественного

образа Арды является ее «внутреннее» время, в котором происходят события, описанные в книгах Толкина. Это позволяет нам исследовать как «внешнюю» ее историю, так и «внутреннюю»; доступные на сегодня тексты охватывают период времени продолжительностью около 55 тысяч лет², хотя наиболее подробно описаны лишь отдельные ее отрезки (сотворение мира, войны Белерианда, история Нуменора, события последних десятилетий Третьей эпохи).

Примечательно, что сам Толкин, по-видимому, неоднократно задавался вопросами о природе художественного творчества вообще и своих собственных произведений в частности. Его философия творчества изложена в эссе «О волшебных сказках»³, в то время как размышления о сущности его вымышленной вселенной можно найти в черновике письма Питеру Гастингсу⁴. В иносказательной форме эти же идеи присутствуют в сказке-притче «Лист кисти Ниггля», а также в «Сильмариллионе», где среди прочего приводится миф о сотворении гномов («Квента Сильмариллион», гл. 2). Насколько можно судить по этим текстам, Толкин считал Средиземье своим собственным «вторичным творением», но надеялся, что в основе своей его произведения всё же созвучны Первичному Миру (Primary World), т. е. нашей эмпирической реальности. Вероятно, он надеялся и на то, что в будущем Всевышний может даровать его миру самостоятельное бытие (подобно тому как Второй Голос в «Листе кисти Ниггля» делает картину умершего художника самостоятельным миром в преддверии рая).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В разработке собственно методологического инструментария для изучения толкиновской вселенной важной отправной точкой является современная методология истории, в рамках которой научным фактом считается не столько единичное событие, сколько единичный источник, тогда как ученый-историк рассматривается как активный субъект познавательного процесса, извлекающий информацию из источников путем целенаправленных усилий. Источником, в свою очередь, считается фактически любой продукт осознанной

¹Рива П., Ле Бёф П., Жумер М. Библиотечная и эталонная модель ИФЛА: концептуальная модель для библиографической информации / Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений, Консолидированная редакционная группа Рабочей группы ИФЛА по пересмотру FRBR; Российская национальная библиотека; пер. с англ.: Е. Л. Вороненкова, К. А. Эсман; под ред. В. В. Барсуковой, Н. К. Леликовой; рук. пер. С. Б. Голубцов. СПб., 2021. С. 29, 31–32.

²Tolkien J. R. R. Morgoth's ring: The later Silmarillion, Part One / ed. by Ch. Tolkien. L.: HarperCollins Publishers, 1994. P. 59–60; *Idem*. The lord of the rings: 50th Anniversary edition. London: Harper Collins Publishers, 2005.

³Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики и другие статьи / под ред. К. Толкина. М.: Elsewhere, 2006. С. 109–161.

⁴Толкин Дж. Р. Р. Письма / под ред. Х. Карпентера при содействии К. Толкина; пер. с англ. С. Лихачёвой; под ред. А. Хромовой и С. Таскаевой. М.: Эксмо, 2004. С. 216.

человеческой деятельности, поскольку любой такой артефакт неизбежно несет в себе ту или иную информацию о своем создателе и его эпохе – включая и такую, о которой сам автор даже не задумывался. При изучении творчества Толкина подобный подход позволяет заложить прочную основу для междисциплинарных исследований: мы можем, например, проследить и «внешнюю», и «внутреннюю» историю интересующего нас сюжета, извлекая из одного и того же текста как литературоведческую информацию, так и «исторические» сведения об описанных в нем событиях. Кроме того, как и в исторической науке, становится возможным комплексное изучение толкиновского наследия, включая не только собственно тексты, но и, например, рисунки. Можно отметить, в частности, следующие перспективные направления работы:

- Биографические исследования. Помимо прочего, их результаты позволяют вписать творчество Толкина в более широкий исторический контекст XIX–XX столетий, а также проследить, какое влияние его жизненный опыт оказывал на его произведения. В качестве примера можно привести ряд работ, посвященных периоду Первой мировой войны в жизни писателя [Garth, 2004; Garth, 2014; Гарт, 2019; Гарт, 2022; Mathison, 2012]. К биографическим работам, как таковым, примыкают публикации по истории его семьи.
- Изучение «внешней» истории Средиземья, т. е. эволюции образа этого мира в представлении Толкина. Базируется на текстологическом материале, но не тождественно ему, поскольку история текста и история мира произведения – это разные области исследований [Романова, 2008].
- Изучение «внутренней» истории толкиновской вселенной ставит перед исследователем отдельную задачу своеобразного источниковедческого анализа произведений Толкина с точки зрения их отношения к миру Средиземья, к другим компонентам его творческого наследия и в конечном счете с целью определения того, какая информация об этой вселенной может быть из них извлечена. Подобный подход открывает нам довольно широкие возможности, поскольку литературное наследие Толкина весьма разнообразно как в плане жанра, так и в плане содержания и включает в себя многочисленные тексты, стилизованные не только под подлинные источники, авторы которых сами жили в Средиземье, но и под современную прозу, написанную Толкином как «исследователем» Арды на основе подлинных источников

(«Хоббит» и «Властелин колец»), а также произведения, внутренними авторами которых являются земной путешественник («Книга утраченных сказаний») или земные визионеры («Утраченный путь», «Записки клуба „Мнение“»), и наконец, письма и рабочие заметки Толкина, где он выступает уже непосредственно как создатель Средиземья. Подобное «источниковедение вымышленного мира» на сегодня еще почти не разработано, хотя в имеющейся литературе можно встретить отдельные публикации на эту тему [Barkley, 1995; Painter, 2016].

- Классические литературоведческие исследования. Массив научных работ (особенно на английском языке), относящихся к данному направлению, чрезвычайно обширен и отличается значительным тематическим разнообразием.
- Анализ нетекстовых источников по истории Средиземья. На данный момент вышли уже несколько публикаций, посвященных рисункам Толкина; хочется надеяться, что эта работа будет продолжаться и дальше.
- Исследования вымышленных языков Толкина по сути являются составной частью изучения истории Средиземья (как «внешней», так и «внутренней»), но имеют свою специфику. Толкин не оставил систематизированного описания этих языков, так что для их реконструкции по имеющимся материалам приходится использовать методы сравнительной лингвистики. Комплекс неопубликованных черновиков Толкина, посвященных языкам, довольно обширен; работа по их публикации продолжается до сих пор¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что творчество Толкина как объект исследования обладает рядом существенных особенностей. Автор «Властелина колец» был не только писателем, но и профессиональным филологом; результаты его научных изысканий отразились на его художественном наследии. Его неоднократно упоминавшийся в литературе перфекционизм привел к тому, что значительная часть его произведений не была издана при его жизни или вовсе осталась

¹Так, в 2024 году вышел 23-й том выпускаемой Эльфийским лингвистическим содружеством (США) серии «Parma Eldalamberon», содержащий различные материалы 1940–1960-х годов, посвященные таким языкам, как квенья, синдарин, общий эльдарин, а также алфавиту Феанора. См.: Parma Eldalamberon 23. URL: <http://www.eldalamberon.com/parma23.html> (дата обращения: 10.03.2025).

незаконченной. Отсюда долгая и непростая история их посмертной публикации, которую приходится учитывать при работе с этими текстами. Толкин увлекался созданием искусственных языков и сам разрабатывал языки для своих персонажей, увязывая эту работу с сочинением историй как таковых, – в этом принципиальное отличие его языков от таких более поздних артлангов, как клингонский, дотракийский или валирийский, разрабатывавшихся на заказ для уже существующих вымышленных миров [Майорова, 2020]. Наконец, его собственная

вселенная проработана настолько подробно и тщательно, что является по существу самостоятельным произведением. Такой подход может стать важной отправной точкой для дальнейших изысканий, так как позволяет нам выстроить огромный массив источников в единую систему, проанализировать их под новым углом зрения и исследовать различные «исторические» сюжеты, которые могут просто ускользнуть от нашего взгляда, если рассматривать вселенную Толкина всего лишь как один из атрибутов его литературных произведений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Barkley Ch. Point of view in Tolkien // *Mythlore* 80. 1995. Vol. 21. Iss. 2. P. 256–262.
2. Painter J. “A honeycomb gathered from different flowers”: Tolkien-the-Compiler’s Middle-earth “sources” in “The Lord of the Rings” // *Tolkien studies*. 2016. Vol. 13. P. 125–147.
3. Larsen K. Nailing Jell-O to the Wall: canonicity in Middle-earth // *Journal of Tolkien research*. 2022. Vol. 15. Iss. 1. P. 1–7.
4. Клейменова В. Ю. Принципы конструирования фикционального мира волшебной сказки как возможного мира // *Studia linguistica*. 2012. Вып. XXI. С. 195–201.
5. Меерсон О. А. Персонализм как поэтика: литературный мир глазами его обитателей. СПб.: Пушкинский дом, 2009.
6. Романова Г. И. Мир эпического произведения как теоретико-литературная проблема. М.: Университетский, 2008.
7. Wolf M. J. P. Building imaginary worlds: the theory and history of subcreation. New York: Routledge, 2012.
8. Минц М. М. Библиография Средиземья: творчество Дж. Р. Р. Толкина и его изучение в России и за рубежом: указатель источников и литературы. М., 2022а.
9. Минц М. М. Международная научная конференция «Творчество Дж. Р. Р. Толкина в историко-литературном контексте» // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение*. 2022б. № 3. С. 106–119.
10. Garth J. Tolkien and the Great War: the threshold of Middle-earth. London: HarperCollins Publishers, 2004.
11. Garth J. Tolkien at Exeter College: how an Oxford undergraduate created Middle-earth. Oxford: Exeter College, 2014.
12. Гарт Дж. Толкин в Эксетер-колледже: как оксфордский студент создал Средиземье / пер. с англ. и доп. И. Хазанова; под ред. С. Лихачёвой. М.: [б. и.], 2019.
13. Гарт Дж. Толкин и великая война: на пороге Средиземья / пер. с англ. С. Лихачёвой. М.: АСТ, 2022.
14. Mathison Ph. Tolkien in East Yorkshire, 1917–1918: an illustrated tour. Newport (East Yorkshire): Dead Good Publications, 2012.
15. Майорова Е. В. Искусственные языки в художественной литературе, кино и видеоиграх: (обзор) // *Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература: реферативный журнал. Серия 6: Языкознание*. 2020. № 3. С. 164–180.

REFERENCES

1. Barkley, Ch. (1995). Point of View in Tolkien. *Mythlore* 80, 21(2), 256–262.
2. Painter, J. (2016). “A Honeycomb Gathered from Different Flowers”: Tolkien-the-Compiler’s Middle-earth “Sources” in *The Lord of the Rings*. *Tolkien Studies*, 13, 125–147.
3. Larsen, K. (2022). Nailing Jell-O to the Wall: Canonicity in Middle-earth. *Journal of Tolkien Research*, 15(1), 1–7.
4. Kleimenova, V. Iu. (2012). Printsipy konstruirovaniia fiktsional'nogo mira volshebnoi skazki kak vozmozhnogo mira = The Principles of Designing a Fictional World of a Fairy Story as a Possible World. *Studia linguistica*, 21, 195–201. (In Russ.)
5. Meerson, O. A. (2009). Personalizm kak poetika: Literaturnyi mir glazami ego obitatelei = Personalism as Poetics: Literary World as Viewed by Its Inhabitants. St. Petersburg: Pushkinskii dom. (In Russ.)

6. Romanova, G. I. (2008). Mir epicheskogo proizvedeniia kak teoretiko-literaturnaia problema = The World of an Epic Writing as a Problem of Literary Theory. Moscow: Universitetskii. (In Russ.)
7. Wolf, M. J. P. (2012). Building Imaginary Worlds: The Theory and History of Subcreation. New York: Routledge.
8. Mints, M. M. (2022a). Bibliografiia Sredizem'ia: tvorchestvo Dzh. R. R. Tolkina i ego izuchenie v Rossii i za rubezhom: ukazatel' istochnikov i literatury = The Bibliography of Middle-earth: Creative Heritage of J. R. R. Tolkien and Its Study in Russia and Abroad: An Index of Primary Sources and Research Literature. Moscow. (In Russ.)
9. Mints, M. M. (2022b). International Scholarly Conference "The Creative Heritage of J. R. R. Tolkien in the Historical and Literary Context". Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies, 3, 106–119. (In Russ.)
10. Garth, J. (2004). Tolkien and the Great War: The Threshold of Middle-earth. London: Harper Collins Publishers.
11. Garth, J. (2014). Tolkien at Exeter College: How an Oxford Undergraduate Created Middle-earth. Oxford: Exeter College.
12. Garth, J. (2019). Tolkien at Exeter College: How an Oxford Undergraduate Created Middle-earth. Moscow: [no publisher's name provided]. (In Russ.)
13. Garth, J. (2022). Tolkien and the Great War: The Threshold of Middle-earth. Moscow: AST. (In Russ.)
14. Mathison, Ph. (2012). Tolkien in East Yorkshire, 1917–1918: An Illustrated Tour. Newport (East Yorkshire): Dead Good Publications.
15. Maiorova, E. V. (2020). Iskusstvennye iazyki v khudozhestvennoi literature, kino i videoigrakh: (obzor) = Constructed Languages in Imaginative Writing, Cinema, and Video Games: (Review Article). Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura: Referativnyi zhurnal. Seriya 6: Iazykoznanie, 3, 164–180. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Минц Михаил Михайлович

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник

Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mints Mikhail Mikhailovich

PhD (History)

Senior Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	14.05.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.05.2025	approved after reviewing
принята к публикации	13.06.2025	accepted for publication

Соматическая топика в поэтическом сборнике Г. Адамовича «Чистилище»

К. Н. Перевертова

*Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
k.churzina@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию телесной образности в лирическом творчестве Г. Адамовича на материале сборника стихов «Чистилище». Категория телесности является одной из ключевых в поэтическом дискурсе акмеистов, в связи с этим цель настоящей работы – выявить доминирующие телесные черты поэтики творчества Г. Адамовича в соотношении с семантическим инвариантом акмеистической эстетики. Исследование ориентируется на структурный подход к интерпретации художественного произведения и базируется на сочетании структурного и мотивного методов анализа. Результаты исследования доказывают, что модели основных тропов конструируются на основе преимущественно перцептивной телесной образности и индивидуальных перцептивных впечатлений субъекта речи.

Ключевые слова: Г. Адамович, акмеизм, Серебряный век, соматическая топика, телесность, перцептивная образность

Для цитирования: Перевертова К. Н. Соматическая топика в поэтическом сборнике Г. Адамовича «Чистилище» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 129–137.

Original article

Somatic Topics in the Poetry Collection “Purgatory” by G. Adamovich

Kseniya N. Perevertova

*North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
k.churzina@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of corporeal imagery in the lyrical works of G. Adamovich based on his collection of poems “Purgatory”. The category of corporeality is one of the key categories in the poetic discourse of the Acmeists, in this regard, the purpose of this work is to identify the dominant corporeal features of the poetics of G. Adamovich's work in relation to the semantic invariant of Acmeist aesthetics. The study is focused on a structural approach to the interpretation of a work of art and is based on a combination of structural and motive methods of analysis. The results of the study prove that the models of the main tropes are constructed based mainly on perceptual corporeal imagery and individual perceptual impressions of the subject of speech.

Keywords: G. Adamovich, acmeism, Silver Age, somatic topics, corporeality, perceptual imagery

For citation: Perevertova, K. N. (2025). Somatic Topics in the Poetry Collection “Purgatory” by G. Adamovich. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 129–137. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Социально-исторические события первых десятилетий XX века (экономический кризис, Русско-японская и Первая мировая войны, революции 1905–1907 и 1917 годов, научно-технический прорыв, кризис веры и др.) оказали влияние на изменение традиционных представлений в области гносеологии и эпистемологии, изменение взглядов на физическую реальность, концептуальные «сдвиги» в художественной парадигме. Влияние всех указанных факторов испытала на себе и литература. Культовый художник и теоретик живописи первой половины XX века В. В. Кандинский, характеризуя данную социально-историческую формацию, отмечал: «Расщепление атома стало крахом всего мира. Внезапно рухнули крепчайшие стены. Все оказалось шатким, непрочным, аморфным. Я бы не удивился, если бы камень на моих глазах растаял в воздухе. Казалось, что наука уничтожена... Я будто бы видел, как искусство отдаляется от природы» [Цит. по: Человек и его символы, 2020, с. 259]. Действительно, искусство начала XX века стремительно удалялось от реальности, о чем свидетельствует доминирование абстракционизма в различных его областях.

В то же время можно говорить о существовании двунаправленной тенденции применительно к поэтической словесности: с одной стороны, лирическое творчество, бесспорно, становилось более абстрактным, иррациональным, отражающим жизнь «по ту сторону вещей», что катализировалось кризисом реализма конца XIX века. А с другой стороны, отметилась тенденция на возврат чувственной реальности, которую невольно наметил символизм. Данное литературное направление, сместив художественные акценты на мир идеальный, обострило внимание на бессознательное начало, на психопатическую сферу телесного бытия человека и его поэтическую репрезентацию. Таким образом, расширение границ «художественной впечатлительности», в частности, поэтической впечатлительности, продуцировало обращение поэтов к телесной сфере человеческого бытия.

Актуальность настоящей статьи обусловлена проблемой когерентности художественного метода Г. Адамовича как неклассического представителя акмеизма с поэтическими традициями данного течения в плане воплощения соматической образности и поэтики «телесного слова».

Цель настоящей работы – выявить доминанты репрезентации телесного кода поэтики творчества Г. Адамовича на материале сборника его стихов «Чистилище» в соотнесении с семантическим инвариантом акмеистической поэтики. Цель достигается решением следующих задач:

- 1) выявить и составить классификацию ключевых телесных образов и мотивов, определив их семантику и функцию;
- 2) выделить основные принципы организации соматосферы в лирике Г. Адамовича «Чистилище»;
- 3) рассмотреть структуру природного универсума в поэтической миромодели Г. Адамовича.

Указанные задачи решаются при помощи сочетания мифопоэтического, структурного, мотивного и интертекстуального видов анализа.

Материалом исследования является сборник стихотворений Г. Адамовича «Чистилище», написанный в 1922 году.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что материал и результаты исследования могут быть использованы в вузовском курсе истории литературы XX века, в спецкурсах и научных семинарах, посвященных изучению лирического творчества Г. Адамовича и принципов художественного миромоделирования.

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС В ПОЭТИКЕ ТЕЛЕСНОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ АКМЕИСТОВ

Акмеизм – течение, к которому формально относился Г. Адамович, – манифестировал проблему репрезентации телесного бытия в поэзии в программной статье Н. С. Гумилева под симптоматичным заголовком «Анатомия стихотворения». Лидер «Цеха поэтов» отразил концепцию поэтического «органицизма» в установлении корреляции между художественным словом и живым организмом: «Теория поэзии может быть сравнена с анатомией, а поэтическая психология – с физиологией. Стихотворение же – это живой организм, подлежащий рассмотрению: и анатомическому, и физиологическому» [Гумилев, 2013, с. 4]. Так, акмеистическая «любовь к организму и организации» предопределила специфику акмеистической поэтики «поэтического тождества и аналогии», репрезентованных в структурообразующих моделях: «тело – земля», «тело – растение», «тело – животное», «тело – пища», «тело – вещь», иллюстрирующие идею трансформизма всего сущего.

Художественная категория телесности традиционно включает в себя три основных аспекта: так называемая «изображенная объектная» телесность, предполагающая изображение человеческого тела, его строения, а также нормальные и патологические физиологические функции как часть образа (портрет, поведение, реакции, рецептивный эффект). Второй аспект связан с понятием *перцептивной телесности*, предполагающей

художественное исследование тела воспринимающего субъекта во всем многообразии чувственных впечатлений, ощущений (акустических, визуальных, одорических, тактильных, гастических) и его психических и эмоциональных реакций. «Текстуальная» телесность предполагает воспроизведение особенностей поэтического языка (топики, тропообразования), механизмы порождения художественного текста, превращения «соматики в эстетику».

«ИЗОБРАЖЕННАЯ» ТЕЛЕСНОСТЬ ПОЭТИКИ ЛИРИЧЕСКОГО СБОРНИКА Г. АДАМОВИЧА «ЧИСТИЛИЩЕ»

В начале 1914 года Г. Адамович официально «со всем церемониалом принят обоими синдикатами, Гумилевым и Городецким» в ряды акмеистов, где автор верно следовал уставам Цеха поэтов: «с футуристами не дружил, Бунина, как велено было, не любил, на символистов, если и косился, то втихомолку» (Адамович, 2005)¹. Однако поэтика лирического творчества Г. Адамовича обнаруживает заметное влияние двух эстетик – символизма и акмеизма. На первый взгляд, телесная образность носит условно-романтический характер, большинство стихотворных произведений сборника «Чистилище» бесплотны и в некоторой степени метафизичны, в них прослеживаются смысловые параллели с поэтическим наследием символизма.

Анатомическая топика находится на периферии художественного сознания и представлена традиционными для лирики образами – *руки* (18), *сердце* (8), *губы* (5), *глаза / очи* (5), *плечи* (2), *тело* (2), *грудь*, *волосы*, *брови*, *голова*, *лоб*, *грудь*.

Для творчества Г. Адамовича характерен отказ от прямой номинации соматизма с целью, во-первых, персонификации, материализации бестелесного объекта. Данные процессы демонстрируют способность анатомически телесных образов ощущать и переводить ощущения из области пространственных отношений в сферу аксиологически маркированного, эстетического:

Ты *Музу* видишь, и уже она
Оледеневшие целует губы

или

И смертная *печаль*
Здесь семечки лушит, да песню тянет,
И *плечи кутает* в цветную шаль.

¹Здесь и далее цит. по: Адамович Г. Полное собрание стихотворений / сост. подг. текста, вступ. ст., примеч. О. Коростелева. СПб.: Академический проект, Эльм, 2005.

Соматизмы, выступающие индикаторами телесности, предметности, антропоморфное олицетворение абстрактных объектов в составе метафорических конструкций позволяют аксиологически уравнивать калейдоскоп субъективных перцептивных ощущений, реалистические объекты и художественные абстракции. Вещественность олицетворенных образов десимволизирует их и являет собой пример реализации христианской формулы «Слово, ставшее плотью», которую в качестве ключевого тезиса взяли на вооружение теоретики акмеизма – Н. Гумилёв, С. Городецкий, О. Мандельштам.

Во-вторых, редкие соматизмы Г. Адамович использует для наделения нетелесных образов чертами, к примеру, хтонического существа. Так, в цикле «Воробьевы горы» военные исторические события имеют идейно-смысловые параллели с древнегреческим мифом о Трое. Описание батальной сцены мифологической части лирического повествования исполнено посредством развернутой телесно-предметной метафоры:

Когда *грудь* земли пылала
Златокованными щитами,
Гул гортанного рева несся.

Соматическая метафора (*грудь земли*) в аудиальном и визуально-тактильном перцептивно-образном контексте (*златокованными щитами, гул гортанного рева*) подчеркивает хтоническое начало и мощь образа земли, дику стихию земли, воспринимаемую как тяжелую живую массу, несущую деструктивный потенциал и способную на непосредственное участие в военном событии. Следовательно, соматизмы в данном произведении выводят мифологическое событие в план условной реальности, делают его осязаемым и воспринимаемым здесь и сейчас наряду с реально-историческими событиями Первой мировой войны, описанной в первой части стихотворения. Такая черта поэтики Г. Адамовича соответствует акмеистической формуле «А=А», которая демонстрирует поэтическое тождество, основанное на логическом равенстве или «симметрии», в которой «гетерогенные элементы текста, разные тексты, разные жанры (поэзия и проза), творчество и жизнь, все они и судьба – всё скреплялось единым стержнем смысла»².

Самый частотный соматизм в сборнике «Чистилище» – *рука*, семантико-функциональная емкость которого определяется следующим содержанием: психологическая и / или символично-психологическая функция (кодирует переживания субъекта речи):

²URL: <https://gumilev.ru/acmeism/8> (дата обращения: 25.03.2025).

Лишь оттого всегда поет о славе мира,
 Что *дребезжит в руках моих*
 Хоть и с одной струной, но греческая лира.

или же:

По кабинету от стены к стене
Лунатики, ломая руки, бродят.

В приведенных фрагментах соматизм *рука* несет в себе семантику психологического знака, элементом невербального жестового поведения манифестирующую внутренние переживания. В то же время жест, связанный с *рукой*, фиксирует образ в «его живой конкретности», что отражает акмеистический «культ реального бытия» в противовес мистическому символизму.

Телесный образ руки также может выполнять функцию образа-медиатора на стыке художественных топосов – условно-реального и мифологического:

Полусловом
 Речь оборвалась, *тяжелая*
Руки застыли...

На данном соматизме фиксируется лирическая психологическая кульминация и дальнейший переход к мифологическому хронотопу – повествование о Троянских событиях.

Образ руки в лирических текстах поэта выполняет контактирующую функцию, налаживая тактильную коммуникацию не только с объектами внешнего мира, но и внутреннюю связь со своими переживаниями:

И *руки* тянутся, *беспомощные руки*
 Блаженство наше удержать.

При этом, как видно из приведенного выше фрагмента, для поэта нередок повтор образа рук в пределах одного лексико-семантического ряда:

Поднимает он *белые руки*,
 А на *белых руках* кандалы.

Развернутое описание страдания арестованного (*Вижу, друг мой с моими врагами / В арестантском халате стоит*) замещено лаконичным соматическим повтором, направленным на визуальное восприятие рецептивного сознания и несущим сильный суггестивный заряд. «Стилистическое чутье» Г. Адамовича дозирует употребление объектных анатомио-физиологических телесных образов.

ТЕЛЕСНАЯ ФИЗИОЛОГИЯ В ЛИРИКЕ Г. АДАМОВИЧА

Акмеистское чувство «меры» в совокупности с присущим исследуемому автору «выразительному аскетизму» приближают его поэтику, выражаясь словами самого поэта, к стихам «без красок и почти без слов», но тем пронзительнее звучит телесная метафора его лирики: «Функция “наведения” сменилась у него функцией “пронзения”, т. е. он стремился не к околдовыванию ритмом, но к прояснению внутренней “музыки”, настраивающей душу на должный лад. Обе функции, несмотря на все различия, выполняли транзитивную роль, то есть текст стихотворения не был самоцелью, но должен был служить промежуточным звеном для передачи некоего высшего смысла, в самом стихотворении еще не заключающегося» (Адамович, 2005).

Так, редкие физиологизмы в лирике Г. Адамовича (*оледеневший, похолодевший, пересохший, постаревший, похудевший, расширенный, онемев, задышась*), выраженные в основном причастиями и реже деепричастиями, добавляют, помимо качественной характеристики определяемому слову, еще и некоторой динамики и процессуальности в образ лирического переживания. В то же время большинство вышеуказанных глагольных форм образовано единой словообразовательной моделью: от приставочных глаголов совершенного вида – *оледенеть, постареть, похудеть, онеметь* и т. д. Грамматическое значение глаголов выражает бесповоротную завершенность физиологического процесса, что дает возможность поэту «схватить» образ в его единичной, неразвернутой телесно-физиологической формации, реализуя тем самым акмеистическую «простоту и лапидарность стиля».

В лирике Г. Адамовича из «внутренних» соматических маркеров наиболее часто встречается *сердце*. Образ сердца в поэтике сборника «Чистилище», как правило, метафоризирует жизнь и витальные силы человека, эмоционально-чувственную сферу, а также лирического субъекта в целом. Соматизм *сердце* погружено в смысловое пространство, связанное с умиранием (*Огонь! Огонь! Я верно в сердце ранен*) и увяданием жизни (*И чтоб я жил, и чувствовать бы мог / На сердце лед и на деревьях иней; Считать года и сердце слушать, / Как тихо стариться оно*), что контрастирует с его отдельно взятым семантическим назначением в лирике поэта – знаком витального духа, проявление которого лирический субъект пытается подавить (*О, сердце, не бейся, не ной...*) за счет избыточных фиксаций художественного внимания на внутренних анабиозно-угнетенных состояниях. Соматизм *сердце* при этом выступает в качестве психофизического знака,

обнаруживающего, с одной стороны, переход, погружение субъекта речи в глубокую рефлексию; с другой, – метонимическим заместителем субъекта, его материально-телесным индексом:

Считать года и **сердце** слушать,
Как тихо старится оно.

или:

Так **сердце** учится покою
И учится труду рука.

Иными словами, *сердце* как телесный индекс поэтики является репрезентантом «размытости грани», отделяющей «объектное» от «субъектного», и эта самая «грань» в идейных представлениях В. Топорова детерминирует телесную картину мира, восходящую к синкретической архаике: «языковое воплощение первого («объектного»), – согласно гипотезе исследователя, – в силу некоей внутренней смежности может – и часто подсознательно – адресовываться и ко второму («субъектному»): каждое слово, выступающее как индекс мира и оповещающее о некоем важном его параметре, в этой ситуации может относиться и к «человеку», к субъекту поэтического текста и как бы продолжать архетипическое состояние исходной нерасчлененности сферы «субъектно-объектного» [Топоров, 1995]. С. Н. Бройтман рассматривает феномен нерасчлененности сферы «субъектно-объектного» не только на уровне субъектно-образного плана, но и шире – как один из ключевых миромоделирующих принципов художественного мышления поэтики начала XX века¹.

Третьим соматизмом по частотности употребления в сборнике «Чистилище» являются *губы / уста*. Губы в лирике поэта – традиционное для данного образа метонимическое определение поцелуя, а также часть тела, индуцирующая связь с речемыслительной деятельностью и отвечающая за изречение, рождение слова. В то же время лексико-семантическое сопряжение данного соматизма с физиологизмами:

- оледеневший (*Ты Музу видишь, и уже она / Оледеневшие целует губы*);
- похолодевший (*И бред летел с похолодевших губ*);
- пересохший (*Смотрит тихий месяц / И пересохшими губами / Повторяет имя Александра*);

¹Теория литературы: учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004. Т. 2: Бройтман С. Н. Историческая поэтика.

- пылающий (*«Навеки / Я с тобою!» – сказал Беляр / И пылающими губами / Он Ороля поцеловал*).

Автор придает соматизмам физиолого-динамические характеристики посредством преимущественно действительных причастий настоящего времени, имеющих схожий словообразовательный генезис (образованы от приставочных глаголов совершенного вида и суффиксов *-вш-*, *-ш-*, *-ющ-*) и выражающих неординарные или околосмертные переживания. При этом следует заметить, что во фрагментах, где губы ассоциируются с процессом говорения, речепорождения, используются эпитеты, семантизирующие патологические процессы тела – охлаждения, обезвоживания.

Следовательно, в соматическом пространстве лирики Г. Адамовича образ губ наделяется перимортальной семантикой. Данный художественный процесс находит подтверждение и в медицинской литературе. Так, согласно некоторым данным, «мозг в предсмертных состояниях по какой-то причине начинает продуцировать вещество, являющееся нейромедиатором, которое ответственно за возникновение состояния ясности сознания, непроизвольное воспоминание» [Князева, 2009, с. 51–52], то есть фактографические данные патологического состояния речемыслительной активности в поэтическом дискурсе Г. Адамовича получают художественное обоснование, а также, согласно акмеистическим воззрениям, «уменьшают разрыв между наличным миром и возможностями языка».

Смысловой потенциал поцелуя, реализованный в антонимичной паре характеристик – *оледеневший* и *пылающий* – напротив, наблюдает амбивалентную природу прочтения: традиционно-обрядовый посмертный поцелуй, ассоциирующийся с холодом и умиранием, и жаркий любовный поцелуй, что, вероятно, связано с двойственной природой сладострастия. Так, применительно к поцелуям интересное различие терминов предлагает Н. Бердяев: «Стихия сладострастия – огненная стихия. Но когда сладострастие переходит в разврат, огненная стихия потухает, страсть переходит в ледяной холод» [Бердяев, 2016, с. 417]. И хотя субъект речи Г. Адамовича не демонстрирует явные признаки полярных любовных состояний – разврата или сладострастия, то в указанных выше точечных физиологических характеристиках, фиксируемых в формах причастий, проявляется художественно осмысленные автором поэтические манифесты акмеизма: «четкость и графичность» и «простой и точный психологический эмпиризм», призванные зафиксировать образ в изображенной реальности поэтического высказывания, феноменологизировать и аксиологизировать его в плане

вещного бытия наряду с другими абстрактными, нетелесными объектами.

ПЕРЦЕПТИВНАЯ СФЕРА ПОЭТИКИ СБОРНИКА «ЧИСТИЛИЩЕ»

Аккеистическое «сцепление» мира души и мира идей» в качестве художественного преобразования символистского наследия актуализировало в лирическом творчестве Г. Адамовича внимание к психоэмоциональному аспекту поэтики телесности. Образ лирического переживания в произведениях сборника «Чистилище» конструируется на основе в большей степени перцептивных впечатлений. Так, автор концентрирует свое художественное внимание на аудиальной (*звон, звенит, шелестит, глухо, гул гортанного рева, рыдания, рокот, стон, крик, плеск, зов, дребезжит, дрогнуть, шумела, набат, поет, дребезжит, чирикают, звякнул; тишина* – *умолкнет, онемевший, тихо, безмолвный*), визуальной (цвета и цветовые производные вариации – *синий / синеватый / прозрачно-синий / голубой / темно-голубой / голубеть; красный / кровавый / багровый / розовый / розовело / малиновый; зеленый / бледно-зеленый / лазурный; желтый / желтеет / золотой; белый / дымно-белый / фарфоровый; темный / смуглый; серый / серебристый / стальной; ржавый; черный / почернел; прозрачный*), тактильной (материал и фактура – *тяжелый, ледяной, лакированных (башмаках), грязное (сукно, орехи), сталь, медь, бархат, шелк, железо, гранит, смолистое (весло), кружева*), реже обонятельной (*медом пахнущие плечи*) лексико-семантических точках приложения эстетической перцепции.

Визуальный модус поэтического восприятия репрезентован в большей степени цветовой картиной мира. Наиболее частотны обозначения, называющие цветовые оттенки *синего, белого, черного, зеленого, красного, желтого, серого*. Колоративы в поэзии Г. Адамовича можно условно разделить на семь микрополей, каждое из которых, помимо базового тона, как было указано выше, включает производные цветообразования.

В сборнике «Чистилище» перцептивная образность продуцирует специфику лирического конфликта, который создается за счет контрастной комбинации модусов восприятия. Особенно ярко это представлено в сюжетных прозаизированных произведениях, например, «По темно-голубому небу мчались...» (1916). Лирический сюжет, изображающий ожидание петроградской толпой выезда императора Николая II, построен в перцептивном плане на чередовании сюжетных компонентов с антиномичной модальностью впечатлений – молчания, тишины, звучания. Так, цветообраз (*По темно-голубому*

небу; сверкая сталью; темными рядами) с приглушенной общей звуковой тональностью (мотив тишины, повторы глухих согласных – *т, к, ш*) и редкими вкраплениями лексико-семантических аудиальных компонентов (*Крик нестройный / Рожком летящего автомобиля / Прорезывался издали*) сменяется звукообразами и мотивами звучания (*...и тишина / Сменила сразу гул и общий говор...*). Кульминацией произведения служит фрагмент, реализующий постепенное развертывание звукообраза (*И вдруг протяжно, будто бы на дне / Огромной пропасти, запели трубы, / И медь литавров дрогнула...*), представленный как на фонетическом (преобладание звонких согласных в лексемах – *б, м, л, р, з, н* и аллитерационных комплексах – *вр, др, пр, пр, зн*) и лексико-семантическом (обилие слов, изображающих событие в его звуковом исполнении), так и на идейно-образном (описание батальной сцены в мифопоэтическом хронотопе) уровнях, и далее по тексту концентрация аудиальных впечатлений идет на спад.

Комбинаторно-контрастный характер в репрезентации перцептивного аспекта бытия тела наблюдается не только в структуре отдельно взятого модуса (к примеру, звукового, как было рассмотрено выше), но и в структуре полимодального, в особенности звукового и цветового, чувственного впечатления. Так, в стихотворении «Вагнер» (1916 год) автор конструирует предметно-чувственную картину посредством сочетания звуко- и цветообразов. В первом двустишии (*Падают снег, звенят телефоны, / Белое небо глядит в окно*) образ падающего снега, имеющий естественную цветовую ассоциацию с белым цветом и настраивающий на идиллический и медитативный лад, контрастирует с фонообразом звонящих телефонов. Психолог П. В. Яньшин в диссертационном труде «Психосемантика цвета» говорит о том, что семантические взаимосоответствия модусов чувственного восприятия генетически детерминированы, корреляция между разномодальными ощущениями имманентна человеку и имеет фиксированный механизм синестезий [Яньшин, 2001]. В первую очередь, как отмечает исследователь, это касается цветовой, обонятельной и вкусовой синестезии, именно цвето-вкусовые и цвето-обонятельные соответствия для перцепции человека наиболее естественны.

Г. Адамович нарушает естественно-органическую модель восприятия, синтезируя в структуре образа цвет и звук. Колоратив *белый* и его ассоциативный инвариант – снег, семантизирующие мотивы умирания (*Есть только смерть*) с элементами, напоминающими похоронную обрядовость (*Дьячки, поклоны, / Не страшно, – розы к ногам*), тишины / молчания (*Тихо качнет муфтой серой*), контрастно соплагаются в одном смысловом ряду

со коррелирующими звукообразами и звуками-эйдосами, т. е. образами, воплощающими обобщенную идею звучания (*звонят телефоны; небо бьет в окно; постучится в дверь; над крышей, трубой, ржавой, зеленой*). Семантика цветообозначений мотивирована смысловой связью с чувственно ощущаемыми, воспринимаемыми объектами, которые «рассматриваются как своеобразный аспект видения “картины мира” писателя, поэта, отраженной в его конкретном произведении через восприятие этого мира автором» [Горожанов, Шевцова, 2023].

В этой связи особый интерес представляет пространственно-временная организация стихотворения «Вагнер». Синкретический, напоминающий символистский дуалистический хронотоп: мифопоэтическое (аллюзия на оперу Р. Вагнера «Тристан и Изольда», идейно-смысловые переключки с биографической любовной историей самого композитора) и медитативно-элегическое начала произведения синхронно сосуществует в едином смысловом пространстве с бытовой реальностью, представленной, в первую очередь, звуковой организацией поэтического высказывания, и восстанавливают в структуре поэтического образа акмеистический «культ реального бытия», лежащий в основе перцептивной образности Г. Адамовича. Таким образом, специфика перцептивной образности Г. Адамовича обнаруживает, во-первых, синкретично-контрастирующий характер акустического и визуального (цветового) компонента образа, а во-вторых, образы с вышеназванной особенностью придают ему в русле акмеистического прочтения наглядно-чувственную, «живую конкретность», освобожденную от «мистической зашифрованности».

Реже поэт употребляет сложные, раздвоенные эпитеты, содержащие цветовой компонент: (*по*) *темно-голубому (небу)*, *бледно-зеленым (заревом заката)*, *зеленоструйной (воды)*, *торжественно-нежный (сон)*, *печально-желтая (луна)*, (*над*) *бледно-неверной (волной)*, (*у*) *дымно-белых (ворот)*, *тревожно-радостных (ночей)*. Размытая колористика соответствует онейристическому хронотопу. Вариативный повтор языковых единиц, входящих в лексико-семантическую группу «сон» (*сон тяжелый, баюкает, дремлет, полусонно, умирая, угасая*), позволяет говорить о специфике конструирования онейристического хронотопа, в контексте которого обыденное превращается в нечто непостижимое и таинственное. Импрессионистская техника исполнения фиксирует динамику «ускользающего» образа и создает отсутствие четких границ между идеальным и реальным.

Некоторые эпитеты сочетают в себе синестетические комбинации: *печально-желтая, торжественно-нежный, бледно-неверной, горестный*

бархат. Такая необычная сочетаемость призвана детализировать полноту чувственного ощущения окружающего мира, передать цельность индивидуального восприятия личности при всей его противоречивости.

Телесность художественного сознания раскрывается посредством онейристических мотивов (*сон глубокий; тяжесть сна; и трижды видел я во сне; незабываемый сон*), пограничных состояний сознания (*и бред летел с похолодевших губ*), погруженность в сферу глубоких чувственно-эмоциональных переживаний (*печаль, грустно, тревога, страсть, радость, мученье*). Лиминальное состояние лирического хронотопа, репрезентующего расплывчатую границу между условной реальностью поэтического представления и онейристическим, мифопоэтическим пространством относительно, к примеру, символистской или романтической пространственно-временной характеристики, выражает ориентацию на «сознательное изгнание хаоса», что в акмеистической перспективе выражается в воспроизведении значимых в чувственном плане деталей, разительно выступающих на фоне романтически-мистического пейзажа.

Например, в стихотворении «По Марсову полю» (1918) чувственно выписанная деталь (*И замеченная, в снегу, сирень, / Быть может, шелестела, расцветая или И лик луны / Насмешливо смотрел и хмурил брови*) продуцирует полимодальную перцептивную лирическую рецепцию. Художественная деталь – *сирень* – на фоне белого снега вызывает целокупный ассоциативный образ, сопряженный с ярко выраженным цветовым и осязательным (форма, размер) компонентами. Или же олицетворенный образ луны, имеющий в своей структуре соматическую составляющую, призван как бы возвращать абстрактной, нетелесной картинке бытийную конкретность, служить связующим звеном между реальным и мифологическим планами. При этом нарушение логики (естественно-биологической – замеченная в снегу *сирень расцветает* – или семантико-стилистической – книжное выражение *лик луны* совершает сниженное и противоположное по своему значению действие – *насмешливо смотрел и хмурил брови*) в образной структуре являет собой акмеистское ее понимание, согласно которому она «есть царство неожиданностей», что, в свою очередь, подчеркивает и обостряет парадоксальность явлений и событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В творчестве Г. Адамовича объектная телесность представлена рядом образопорождающих констант – *руки, сердце, губы, глаза / очи, плечи, тело, грудь, волосы, брови, голова, лоб, грудь*, которые

продуцируют систему соматических индикаторов, лежащую в основе лирического восприятия мира как чувственного топоса. Редкие морбуальные образы *чахотки, головокружения, раненого сердца* раскрывают авторскую концепцию умирающего тела. Функционально-семантический потенциал телесных маркеров фиксирует образ в условной реальности поэтического высказывания, придает ему феноменологичности в плане вещного бытия и равный аксиологический статус наряду с другими абстрактными, нетелесными объектами, что соответствует акмеистическому «культу равновесия».

Телесность художественного сознания в лирическом творчестве Г. Адамовича раскрывается в

большей степени посредством перцептивного модуса телесности, который в соответствии с традициями акмеизма выполняет функции детализации полноты чувственного ощущения мира и передачи индивидуально-авторского смыслообразования во всей его противоречивости, а также обращенности к лиминальным состояниям сознания субъекта речи, позволяющим глубоко погрузиться в мир чувственно-телесных впечатлений и продуцирующим синтетический (условно-реальный, онейрический, мифопоэтический) лирический хронотоп, нацеленный на акмеистическое «сознательное изгнание хаоса», на воспроизведение значимых в чувственном плане деталей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Человек и его символы / К. Г. Юнг, М.-Л. Франц, Дж. Л. фон Хендерсон, И. Якоби, А. Яффе ; под общ. ред. С. Н. Сиренко. М.: Медков С. Б., 2020.
2. Гумилев Н. С. Анатомия стихотворения. М.: Проспект, 2013.
3. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995.
4. Князева Е. Н. Телесная природа сознания // Телесность как эпистемологический феномен. М.: ИФРАН, 2009. С. 31–54.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. Мирозерцание Достоевского. М.: Изд-во «Э», 2016.
6. Яншин П. С. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001.
7. Горожанов А. И., Шевцова В. А. Технология определения цветовой характеристики текста художественного произведения (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 63–68. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_63.

REFERENCES

1. Jung, K. G., Franz, M. L., Henderson, J. L., von, Jacobi, I., Jaffe, A. (2020). Man and his symbols. Under the general editorship of S. N. Sirenko. Moscow: Medkov S. B. (In Russ.)
2. Gumilev, N. S. (2013). Anatomiya stikhotvoreniya = Anatomy of a poem. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
3. Toporov, V. N. (1995). Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe = Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of the mythopoeic: Selected. Moscow: Progress Publishing Group. (In Russ.)
4. Knyazeva, E. N. (2009). The Embodied Nature of Consciousness. The Embodiment as an epistemological phenomenon (pp. 31–54). Moscow: IFRAN. (In Russ.)
5. Berdyaev, N. A. (2016). Russkaya ideya. Mirosozertsanie Dostoevskogo = The Russian Idea. Dostoevsky's World-view. Moscow: E. (In Russ.)
6. Yanshin, P. S. (2001). Psikhosemanticheskii analiz kategorizatsii tsveta v strukture soznaniya sub"ekta = Psychosemantic analysis of colour categorization in the structure of subject's consciousness. Senior Doctoral thesis in Psychology. Moscow. (In Russ.)
7. Gorozhanov, A. I., Shevtsova, V. A. (2023). Technology for determining the colour characteristics of the text of a fiction work (on the material of the German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 63–68. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перевертова Ксения Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
докторант Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Perevertova Ksenia Nikolaevna
PhD (Philology), Associate Professor
Doctoral candidate, North Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию	12.05.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	27.05.2025	approved after reviewing
принята к публикации	12.06.2025	accepted for publication

Репрезентация конфликта в содержании белорусских средств массовой информации для женской аудитории

О. В. Смирнова¹, В. Н. Бойко², Д. С. Ильченко³

^{1,2,3}МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹smirnova.olga.msu@yandex.ru

²vera.efimowich@yandex.ru

³ilchenkod@yandex.ru

Аннотация. Авторы анализируют особенности конфликтной тематики в журналах для женской аудитории в Республике Беларусь. Цель исследования – в определении частотности распространения данной тематики и наличия связи с ценностными аспектами. С помощью количественных и качественных методов было проанализировано 150 текстов из изданий «ЖЖ. Женский журнал» и «Город женщин». Результаты показали, что журналы отвечают основным интересам белорусских женщин, уделяя внимание психолого-социальным проблемам, семейным конфликтам и проблемам на работе. В материалах о конфликтах проявляется миротворческая функция СМИ, так как эти материалы направлены на разрешение сложных ситуаций.

Ключевые слова: журналы для женщин, медиасистема Республики Беларусь, конфликт, медиаконфликтология, социокультурные аспекты конфликтов

Благодарности: Опубликовано в рамках гранта НОШ МГУ №23-Ш02-16 «Конфликт и медиа: теоретические, исторические, социокультурные и коммуникативные аспекты»

Для цитирования: Смирнова О. В., Бойко В. Н., Ильченко Д. С. Репрезентация конфликта в содержании белорусских средств массовой информации для женской аудитории // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 138–145.

Original article

Representation of the Conflict in Belarusian Media for the Female Audience

Olga V. Smirnova¹, Vera N. Boyko², Daniil S. Ilchenko³

^{1,2,3}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹smirnova.olga.msu@yandex.ru

²vera.efimowich@yandex.ru

³ilchenkod@yandex.ru

Abstract. The article presents an analysis of the features of conflict in women magazines in the Republic of Belarus. The purpose of the study was to determine the frequency of distribution of this topic and the presence of a connection with value aspects. Using quantitative and qualitative methods, 150 texts from the publications “Women’s Magazine” and “City of Women” were analyzed. The results showed that these magazines meet the main interests of Belarusian women, paying attention to psychological and social problems, family conflicts and problems at work. It is also possible to trace how the peacekeeping function of the media is manifested in materials about conflicts, since these materials are aimed at resolving difficult situations.

Keywords: women’s magazines, media system of the Republic of Belarus, conflict, media conflictology, socio-cultural aspects of conflicts

Acknowledgments: Published within the framework of the grant of the Moscow State University School of Economics No. 23-Ш02-16 “Conflict and Media: Theoretical, Historical, Sociocultural and Communicative Aspects”

For citation: Smirnova, O. V., Boyko, V. N., Ilchenko, D. S. (2025). Representation of the conflict in Belarusian media for the female audience. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 138–145. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Развитие национальных медиа и журналистики обусловлено в первую очередь общественными интересами. Для Республики Беларусь, которая имеет богатую историю и активно развивается сегодня, наличие устойчивой ценностной парадигмы является важнейшим фактором общественного развития. Ценностные парадигмы формируются под влиянием прежде всего национальных особенностей и аксиологических императивов конкретного общества, что и создает условия для бесконечного их разнообразия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения ценностных представлений в обществе, одним из важных индикаторов которых является их освещение в СМИ, особенно в условиях противоречий и конфликтов разного уровня и этимологии.

Также важно подчеркнуть, что формирование общественной, культурной, социальной, политической и экономической идентичности людей в современном мире находится под тотальным влиянием процессов медиатизации [Вартанова, 2023; Antipova, Rabeson, Smirnova, 2021]. Исследователи отмечают, что динамика медиатизации конфликта подвержена влиянию двух основных векторов: активной роли медиа в усилении напряженности конфликта и наоборот, миротворческой, конструктивной роли СМИ [Vartanova, 2023]. В статье анализируются особенности позиционирования конфликтной тематики в СМИ для женской аудитории в Республике Беларусь, на материале которых возможно рассматривать не только отражение явных конфликтов в сфере политики, но также проследить присутствие латентных конфликтов, формирующихся на индивидуальном, межгрупповом и межличностном уровнях. Цель исследования – в определении особенностей репрезентации конфликтной тематики в журналах для женщин и наличия связи с ценностными аспектами. Для этого решаются следующие задачи:

- выявление доли медиатекстов, освещающих конфликтную тематику;
- выявление среди этих медиатекстов распределения по тематике;
- определение частотности понятий, связанных с термином «конфликт».

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КОНФЛИКТНОЙ ТЕМАТИКИ В СМИ

В современной российской конфликтологии всё чаще конфликт рассматривается в широком смысле – как противоборство нескольких субъектов,

осознающих противоположность своих целей и интересов, их несовместимость друг с другом [Вартанова и др., 2022].

В рамках медиасистемного подхода исследователи обращаются к анализу актуальных черт национальных медиасистем, медиаполитики и регулирования в области СМИ, традиций профессиональной журналистской культуры и др. При таком подходе важной задачей становится поместить исследуемый материал в контекст текущих характеристик глобальной медиасреды и геополитических тенденций [Вартанова, Дунас, Гладкова, 2023]. Другое направление связано с изучением влияния медиарепрезентации конфликтов на общество: исследователи сосредотачивают внимание на взаимодействии и взаимовлиянии медиа и конфликтов, роли медиа в репрезентации социальных конфликтов, смыслов, ценностей в социуме.

Междисциплинарный характер медиаконфликтологии позволяет использовать методологию различных дисциплин, проводя исследования на стыке филологии, психологии и журналистики, в частности, можно провести анализ лексической составляющей конфликтной тематики в СМИ. Так, разработана система ключевых тематических и категориальных индикаторов конфликтности содержания спортивных СМИ и сферы спорта в целом [Конфликт в содержании спортивных СМИ, 2022], проанализировано влияние пандемии и инфодемии на жизненный мир повседневности [Смирнова, Шкондин, Стебловская, 2022], проведено описание комбинированных языковых средств функционально-семантического поля «конфликт» в российском медиадискурсе [Денисова, Смирнова, Антипова, 2022]. Кроме текстов традиционных СМИ, изучается и более широкое поле медиа, например мемы [Смирнова и др., 2022].

В работах белорусских исследователей базовое определение конфликта сформулировано следующим образом: «Под конфликтом в журналистике целесообразно понимать процесс, в котором два или более субъекта полагают, что у них есть несовместимые цели, ведут борьбу в виде любых действий, направленных на оппонента с тем, чтобы он отказался от своих целей или изменил их...» [Герасимович, 2015]. Белорусские исследователи также отмечают важную роль медиа в конфликте, в свою очередь, обращая внимание на уровень медиатизации конфликта: «...Медиа изменили условия, в которых зарождаются и протекают столкновения в различных сферах жизни общества: ... большее число акторов может быть вовлечено в конфликт, включено в его контекст, сочувствовать его сторонам, разделять их идентичности» [Новицкая, 2021, с. 66–67]. О. П. Герасимович подчеркивает возможности конструктивного влияния СМИ на конфликт

в форме создания «журналистских материалов, включающих информацию, которая может способствовать конструктивным явлениям в конфликте» [Герасимович, 2015, с. 4]. Инструментами деэскалации он видит рефлексивную речь, привлечение экспертного мнения, соответствие текста законодательству страны.

МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании мы сосредоточим внимание на лексико-семантическом анализе, который позволяет выявить «ключевые социальные смыслы и интегрированную в них конфликтную терминологию» [Денисова, Смирнова, Антипова, 2022, с. 136]. Объектом исследования стали белорусские издания «ЖЖ. Женский журнал» и «Город женщин», выбор которых был обусловлен в первую очередь доступностью их полнотекстового архива в системе мониторинга и анализа СМИ «Интегрум». Кроме того, данные издания входят в топ-3 в категории «женские журналы» в Республике Беларусь¹. Хронологические рамки исследования охватили 7 лет (2017–2023).

Для определения частотности распространения конфликтной тематики в журналах для женщин было выявлено как общее количество медиатекстов исследуемых СМИ, находящихся в базе данных (выборка $B_0=3695$), так и количество медиатекстов, содержащих признаки конфликта (выборка $B_1=150$, поиск по ключевому слову *конфликт*). Далее работа проходила с выборкой B_1 .

Для того чтобы определить, какой тематике принадлежит большинство текстов, был произведен поиск по ключевым понятиям каждой из тематических сфер – военной, политической, психолого-социальной, семейной, профессиональной, экономической, относящейся к сфере науки и технологий, культуры, образования, религии и личной сфере [Семантическая экспликация концепта «конфликт» в функциональном терминологическом поле, 2024]. Список был расширен для его адаптации к тематике журналов для женщин, были

выявлены рубрики, присутствующие в обоих журналах, и из этих названий сформирован запрос для аналитического сервиса Wordstat.Yandex.ru. Самые популярные запросы были добавлены к соответствующим сферам. Например, в категории «Психолого-социальные конфликты» поиск в текстах производился по словам *человек**, *персон**, *личн**, *межличн**; в категории «Религиозные конфликты» – *религ**, *конфес**, *традиц** и т. д., всего 255 слов. Следующим этапом исследования стал контент-анализ по следующим категориям: объект конфликта, масштаб распространения конфликта в обществе, сфера обозначения конфликтной обстановки, основные участники конфликта [Социальные индикаторы конфликта в контексте медиа и журналистики, 2021]. На заключительном этапе был проведен частотный анализ публикаций из этой выборки с помощью программы, написанной на языке программирования Python², позволяющей определить частоту появления отдельных слов в тексте. Для удобства топ-50 лексем был визуализирован с помощью сервиса WordClouds.com в формате «облака слов», в котором параметры шрифта отражают популярность слова.

Первая поставленная задача – проанализировать выраженность конфликтной тематики в материалах изданий в целом. Как видно из таблицы 1, подобные материалы встречаются редко, в процентном соотношении – всего 4 %.

Это подтверждает гипотезу о том, что конфликтная тематика – не приоритетная для журналов для женщин. Однако более интересным вопросом представляется распределение материалов по темам.

Наибольшую долю занимают психолого-социальные (42 %), семейные (12 %) и профессиональные (7,7 %) конфликты. Несмотря на то что последние не так сильно преобладают над личными и связанными с культурой конфликтами, представляется важным, что журналы активно освещают эту тему, так как рабочие отношения являются неотъемлемой частью жизни большинства современных женщин в Беларуси³.

²Код программы доступен по ссылке: <https://habr.com/ru/articles/517410/> (дата обращения: 04.04.2025).

³В Беларуси работают 84,5 % женщин в трудоспособном возрасте: статобзор к 8 марта от Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ СО СЛОВОМ «КОНФЛИКТ» И ОБЩЕГО ЧИСЛА МАТЕРИАЛОВ

Выборки B_0 и B_1	Количество публикаций (абс.)	Кол-во публикаций (в %)
Общее число публикаций (B_0)	3695	100
Публикации, содержащие слово «конфликт» (B_1)	150	4

Таблица 2

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СОСТАВ КОНЦЕПТА «КОНФЛИКТ» В БЕЛОРУССКИХ СМИ ДЛЯ ЖЕНСКОЙ АУДИТОРИИ

Тематическая категория	Частота упоминаний ключевых слов по каждой категории (абс.)	Частота упоминаний ключевых слов по каждой категории (%)
Психолого-социальные	1358	42
Семейные	390	12,1
Профессиональные	249	7,7
Личные	217	6,7
Культурные	206	6,4
Образование	188	5,8
Наука и технологии	184	5,7
Военные	159	4,9
Экономические	134	4,1
Религия	99	3,1
Политические	46	1,4

Таблица 3

АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ»

Категория анализа	Параметр анализа	Количество упоминаний (абс.)
Объект конфликта	Отношения	26
	Внутренний конфликт	18
	Взгляды на жизнь	13
	Рабочие процессы	11
	Власть	2
	Территория	1
Масштаб конфликта	Частный	45
	Локальный	8
	Мировой	1
	Национальный	1
Сфера обозначения конфликтной обстановки	Внутрисемейная	30
	Профессиональная	17
	Личностная	15
	Образование	5
	Общественная	2
	Политическая	1
Основные участники конфликта	Группа	45
	Человек	11
	Страна	1

Самыми распространенными являются тексты, содержащие признаки конфликта психолого-социальной категории. Под психолого-социальным конфликтом мы понимаем различные межличностные столкновения, травмы, проблемы с коммуникацией, отношения полов и поколений, сложности, касающиеся эмоциональной сферы.

Рассмотрим подробнее результаты проведенного контент-анализа (табл. 3).

Типичным в этой категории будет конфликт, относящийся к сфере отношений, частный, внутрисемейный. Несколько реже встречаются материалы о конфликтах внутренних или вызванных различием взглядов на жизнь. Видно, что чаще рассказывается

Таблица 4

АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «СЕМЕЙНЫЕ КОНФЛИКТЫ»

Категория анализа	Параметр анализа	Количество упоминаний (абс.)
Объект конфликта	Отношения	24
	Взгляды на жизнь	7
	Рабочие процессы	7
	Внутренние конфликты	6
	Власть	2
Масштаб конфликта	Частный	33
	Локальный	3
Сфера обозначения конфликтотенной обстановки	Внутрисемейная	25
	Образование	8
	Профессиональная	6
	Личностная	5
Основные участники конфликта	Группа	33
	Человек	4

Таблица 5

АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ»

Категория анализа	Параметр анализа	Количество упоминаний (абс.)
Объект конфликта	Рабочие процессы	14
	Отношения	8
	Внутренние конфликты	4
	Взгляды на жизнь	4
	Власть	1
	Территория	1
	Финансы	1
Масштаб конфликта	Частный	20
	Локальный	4
	Мировой	1
	Национальный	1
Сфера обозначения конфликтотенной обстановки	Профессиональная	17
	Внутрисемейная	7
	Личностная	1
	Политическая	1
	Экономическая	1
Основные участники конфликта	Группа	23
	Человек	3
	Страна	1
	Общество	1

об отношениях между членами семьи, реже – на работе, очень редко – в целом в обществе. Это объясняет и масштаб подавляющего большинства конфликтных ситуаций – частный. Что касается функций журнала в репрезентации конфликта, то они выполняют миротворческую функцию: разъясняют причины конфликтов и предлагают пути решения. Для этого активно используется традиционный для женских журналов жанр советов, часто с привлечением экспертов: психологов, юристов.

Следующая по распространенности категория – конфликты внутри семьи (табл. 4, с. 142).

Популярность данной темы объясняется как социодемографическими показателями, так и ценностными: семья (77,6 %) и дети (74,2 %) занимают второе и третье место среди наиболее важных в жизни женщин¹. Объекты конфликта в большинстве материалов – отношения, реже встречаются противоречия во взглядах на жизнь и рабочих процессах, масштаб конфликта – частный, участники – группа (семья). В отличие от предыдущего блока, куда могли входить разные объекты и участники конфликта, эта сфера более однородна и затрагивает либо отношения родителей и детей, либо супружеские отношения. Логично, что на второе место в этом разделе среди сфер конфликтогенной обстановки выходит образование, так как многие материалы посвящены проблемам детей в школе. Функция журнала также миротворческая: авторы дают советы, как правильно себя вести в конфликтах, как их разрешать.

Следующая тема – материалы, посвященные работе и карьере (табл. 5, с. 142).

Объектом являются рабочие процессы, частные конфликты. Сфера конфликтогенной обстановки – профессиональная, основные участники – группа. Стоит отметить, что в выбранных текстах внимание уделяется больше разрешению проблемных ситуаций в коллективе, чем внутренним конфликтам, которые могут возникнуть в процессе профессиональной деятельности, например, если предмет обсуждения – выбор карьерной траектории или удовлетворение от работы.

Также были проанализированы результаты частотного анализа слов (топ-50), связанных с понятием «конфликт» в обоих журналах (см. рис. 1).

Как видно из рисунка 1, наибольшее внимание уделяется внутреннему миру человека, экзистенциальным вопросам, отношениям, семье и детям, работе. Данные семантического анализа подтверждают результаты количественного анализа предметно-тематического распределения материалов.

¹URL: <https://www.sb.by/articles/belstat-soobshchil-o-kolichestve-semyey-v-belarusi.html> (дата обращения: 04.04.2025).

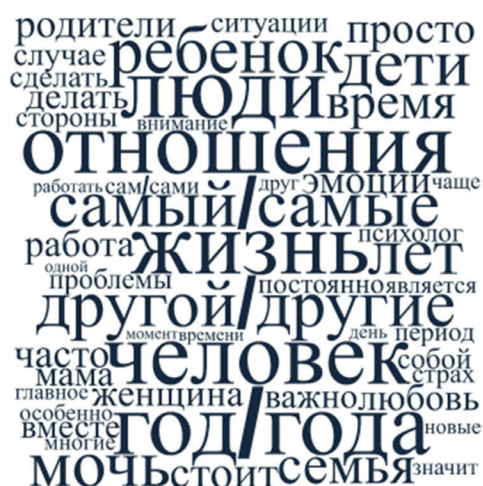

Рис. 1. «Облако слов»,
связанных с понятием «конфликт»

Таким образом, можно сделать вывод о том, что материалы с присутствием конфликтной тематики, опубликованные в двух ведущих журналах для женщин Республики Беларусь, – «ЖЖ. Женский журнал» и «Город женщин» – отвечают основным интересам белорусских женщин. Здесь уделяется внимание психолого-социальным проблемам, семейным конфликтам и проблемам на работе. В материалах о конфликтах проявляется еще одна функция – миротворческая, так как эти материалы направлены на разрешение сложных ситуаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам исследования можно сделать вывод, что конфликтная проблематика занимающая небольшую часть от общего количества текстов, представлена разнообразными тематическими направлениями. Подтвердилась гипотеза о том, что тематика конфликтов относится, в частности, к личной сфере человека: имеются в виду взаимоотношения полов, отношения детей и родителей, внутренние конфликты. Однако наличие достаточного количества материалов, сопряженных с конфликтами на работе, свидетельствует, что проблематика не ограничивается только частной жизнью. Журналисты изданий, опираясь на мнения экспертов, стараются предложить варианты разрешения конфликтов в разных сферах. Вопросом для дальнейших исследований остается анализ конкретных приемов, подходов к решению конфликтов, которые предлагаются в журналах, а также изучение того, как читательницы взаимодействуют с контентом о конфликтах через социальные сети.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вартанова Е. Л. Медиасистема в контексте общественных процессов: переосмысление теоретической конструкции // Меди@льманах. 2023. Вып. 2. С. 8–19.
2. Antipova A. S., Rabeson M. D., Smirnova O. V. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse // Training, Language and Culture. 2021. Vol. 5. № 2. P. 73–89.
3. Vartanova E. L. Media representations of social conflicts: Identifying theoretical foundations for typology // World of Media: Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2023. Vol. 2. P. 26–45.
4. Вартанова Е. Л. и др. Социальный конфликт в отечественных медиаисследованиях: эмпирический анализ дискурса научных журналов (2014–2021) / Е. Л. Вартанова, И. А. Асланов, А. А. Гладкова, Д. В. Дунас // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. Вып. 3. С. 429–452.
5. Вартанова Е. Л., Дунас Д. В., Гладкова А. А. Медиаконфликтология как поле междисциплинарного анализа социальных конфликтов // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. Вып. 4. С. 601–618.
6. Конфликт в содержании спортивных СМИ: теоретические и методологические подходы к исследованию / О. В. Смирнова и др. // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2022. Т. 1. Вып. 1 (37). С. 120–128.
7. Смирнова О. В., Шкондин М. В., Стебловская С. Б. Инфодемия в контексте социальных конфликтов и поляризации общества // Журналист. Социальные коммуникации. 2022. Вып. 1. С. 11–23.
8. Денисова Г. В., Смирнова О. В., Антипова А. С. Динамика семантики и прагматики конфликтогенных текстов российских массмедиа 2020–2021 годов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. Вып. 6. С. 136–143.
9. Смирнова О. В. и др. Индикаторы конфликтности в российском медиадискурсе: анализ интернет-мемов / О. В. Смирнова, М. В. Шкондин, Г. В. Денисова, С. Б. Стебловская // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Вып. 1. С. 41–58.
10. Герасимович О. П. Средства массовой информации в разрешении конфликта: конструктивный потенциал: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2015.
11. Новицкая Т. Е. Коннективное действие в условиях медиатизированных конфликтов // Философско-гуманитарные науки: сборник научных статей. Минск: РИВШ, 2021. С. 64–71. (Научные труды Республиканского института высшей школы; Вып. 20. Ч. 2. Философские науки. Экономические науки).
12. Герасимович О. П. Средства массовой информации в разрешении конфликта: конструктивный потенциал: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2015.
13. Денисова Г. В., Смирнова О. В., Антипова А. С. Динамика семантики и прагматики конфликтогенных текстов российских массмедиа 2020–2021 годов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. Вып. 6. С. 136–143.
14. Семантическая экспликация концепта «конфликт» в функциональном терминологическом поле (на материале российских и зарубежных СМИ) / Г. В. Денисова и др. // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Вып. 1 (13). С. 34–51.
15. Социальные индикаторы конфликта в контексте медиа и журналистики: анализ содержания российских СМИ / О. В. Смирнова и др. // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Вып. 3. С. 422–436.

REFERENCES

1. Vartanova, E. L. (2023). Media system in the context of social processes: rethinking the theoretical construct. *Medi@lmanakh*, 2, 8–19. (In Russ.)
2. Antipova, A. S., Rabeson, M. D., Smirnova, O. V. (2021). Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse. *Training, Language and Culture*, 5(2), 73–89.
3. Vartanova, E. L. (2023). Media representations of social conflicts: Identifying theoretical foundations for typology. *World of Media: Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2, 26–45.
4. Vartanova, E. L., Aslanov, I. A., Gladkova, A. A., Dunas, D. V. (2022). Social conflict in domestic media studies: an empirical analysis of the discourse of scientific journals (2014–2021). *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 11(3), 429–452. (In Russ.)
5. Vartanova, E. L., Dunas, D. V., Gladkova, A. A. (2023). Media conflictology as a field of interdisciplinary analysis of social conflicts. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 12(4), 601–618. (In Russ.)
6. Smirnova, O. V. et al. (2022). Conflict in the content of sports media: theoretical and methodological approaches to research. *Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev*, 1(1), 120–128. (In Russ.)

7. Smirnova, O. V., Shkondin, M. V., Steblovskaya, S. B. (2022). Infodemic in the Context of Social Conflicts and Polarization of Society. Zhurnal. Socialnye kommunikacii, 1, 11–23. (In Russ.)
8. Denisova, G. V., Smirnova, O. V., Antipova, A. S. (2022). Dynamics of semantics and pragmatics of conflictogenic texts of Russian mass media in 2020–2021. Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 6, 136–143. (In Russ.)
9. Smirnova, O. V., Shkondin, M. V., Denisova, G. V., Steblovskaya, S. B. (2022). Conflict indicators in Russian media discourse: analysis of Internet memes. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki, 1, 41–58. (In Russ.)
10. Gerasimovich, O. P. (2015). Sredstva massovoj informacii v razreshenii konflikta: Konstruktivnyj potencial = Mass media in conflict resolution: constructive potential: abstract of Senior Doctoral thesis in Philology. Belarus State university. (In Russ.)
11. Navitskaya, T. E. (2021). Connective action in the context of mediatized conflicts. In Filosofsko-gumanitarnye nauki (vol. 20, part 2, pp. 64–71): collection of papers. Minsk: National Institute for Higher Education. (In Russ.)
12. Gerasimovich, O. P. (2015). Sredstva massovoj informacii v razreshenii konflikta: Konstruktivnyj potencial = Mass media in conflict resolution: constructive potential: abstract of Senior Doctoral thesis in Philology. Belarus State University. (In Russ.)
13. Denisova, G. V., Smirnova, O. V., Antipova, A. S. (2022). Dynamics of semantics and pragmatics of conflictogenic texts of Russian mass media in 2020–2021. Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 6, 136–143. (In Russ.)
14. Denisova, G. V. et al. (2024). Semantic explication of the concept “conflict” in the functional terminological field (based on Russian and foreign media). Theoretical and Practical Issues of Journalism, 1(13), 34–51. (In Russ.)
15. Smirnova, O. V. et al. (2021). Social indicators of conflict in the context of media and journalism: analysis of the contents of Russian media. Theoretical and Practical Issues of Journalism, 3, 422–436. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой цифровой журналистики
факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

Бойко Вера Николаевна

научный сотрудник кафедры цифровой журналистики
факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

Ильченко Даниил Сергеевич

научный сотрудник кафедры цифровой журналистики
факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smirnova Olga Vladimirovna

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of Digital Journalism
Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

Boyko Vera Nikolaevna

Research Fellow in the Department of Digital Journalism,
Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

Ilchenko Daniil Sergeevich

Research Fellow in the Department of Digital Journalism
Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.05.2025
25.05.2025
14.06.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Концепт «любовь» в русской и китайской лингвокультурной традиции

Хань Цзясин¹, Лю Шижао², В. Д. Таказов³

¹Синьцзянский университет, Урумчи, Китай, Jiaxing_han@mail.ru

²МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, shiraoliu@gmail.com

³Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Российская академия естественных наук
Москва, Россия, forum59@mail.ru

Аннотация. В статье выявляются сходства и различия китайской и русской лингвокультурных традиций с целью содействия межкультурному пониманию. Авторы анализируют значения любви на китайском и русском языке, свидетельствуя, что на примере концепта «любовь» можно изучить особенности реализации концептосферы китайской и русской лингвокультур. Рассмотрены семантическое многообразие и культурные особенности понятия, отражение различных культурных контекстов и социальных ценностей. Подчеркивается разнообразие и сложность понятия «любовь» в языковых культурных традициях России и Китая. Исследование способствует пониманию русскоязычными читателями китайского языка и культуры, предоставляя рекомендации для специалистов в области образования и перевода при работе с межкультурными текстами.

Ключевые слова: концепт, любовь, межкультурная коммуникация, русский язык, китайский язык

Благодарности: Исследование поддерживается проектом для молодых докторов наук «Тяньчи таланты» Автономного района Синьцзян Уйгурский (5105240150f); Поэтапные результаты программы университетского внутреннего культивирования в области философии и социальных наук за 2024 год (24BPY005).

Для цитирования: Цзясин Х., Шижао Л., Таказов В. Д. Концепт «любовь» в русской и китайской лингвокультурной традиции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 7 (901). С. 146–154.

Original article

The Concept of “Love” in Russian and Chinese Linguocultural Traditions

Han Jiaxing¹, Liu Shirao², Valery D. Takazov³

¹Xinjiang University, Urumqi, China, Jiaxing_han@mail.ru

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, shiraoliu@gmail.com

³Peoples' Friendship University of Russia, Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia, forum59@mail.ru

Abstract. The article focuses on identifying similarities and differences between Chinese and Russian linguistic and cultural traditions to foster intercultural understanding. The authors analyze the meanings of love in the Chinese and Russian languages, demonstrating that the concept of “love” serves as an example to explore the specific characteristics of the conceptual spheres in Chinese and Russian linguoculture. The study examines the semantic diversity and cultural peculiarities of the concept, as well as its reflection of various cultural contexts and social values. The article emphasizes the diversity and complexity of the notion of “love” in the linguistic and cultural traditions of Russia and China. The research contributes to enhancing Russian-speaking readers' understanding of the Chinese language and culture, offering recommendations for educators and translators working with intercultural texts.

Keywords: concept, love, intercultural communication, Russian language, Chinese language

Acknowledgements. The research is supported by the Xinjiang Uygur Autonomous Region's “Tianchi Talent” Young Doctoral Project (5105240150f); progressive results of the university internal cultivation programme in philosophy and social sciences 2024 (24BPY005).

For citation: Jiaxing, H., Shirao, L., Takazov, V. D. (2025). The concept of “love” in Russian and Chinese linguocultural traditions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(901), 146–154. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Как отмечают В. Н. Телия и другие ученые, лингвокультурология, одним из базовых понятий которой является понятие «концепт», ставит перед собой цель исследовать и характеризовать взаимосвязи между языком и культурой, языком и этнической принадлежностью, а также языком и национальным мировосприятием [Ангелова, 2004; Телия, 1996]. Концепт как объект лингвокультурного изучения представляет собой сложное ментальное образование, отражающее культурно-специфическое восприятие мира и играющее важную роль в формировании языковой картины мира.

Данное понятие в России определяется как лингвокультурное явление в рамках лингвокогнитологии (в работах С. А. Аскольдова, Ю. С. Степанова, В. А. Масловой, С. Г. Воркачёва, В. И. Карасика, В. Н. Телия и др.).

В китайской лингвистике и когнитивной науке исследование концепта – это также активно развивающаяся область, в которой работает ряд ученых – среди них Шэнь Цзясюань (沈家煊 [Шэнь Цзясюань, 2016], Ван Инь (王 寅) [Ван Инь, 2005], Чжао Яньфан (赵艳芳) [Чжао Яньфан, 2001] и др.

В современной лингвистике существуют разные подходы к пониманию понятия «концепт». К примеру, Ю. С. Степанов¹ рассматривает концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека». Он подчеркивает, что концепт – это не только мыслительная единица, но и то, посредством чего человек сам входит в культуру и влияет на нее. В. И. Карасик определяет концепт как «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [Карасик, 2002, с. 129], а С. Г. Воркачёв предлагает рассматривать концепт как «единицу коллективного знания / сознания, отправляющую к высшим духовным ценностям, имеющую языковое выражение и отмеченную этнокультурной спецификой» [Воркачёв, 2003, с. 10].

Таким образом, несмотря на различия в формулировках, большинство исследователей сходятся в том, что концепт представляет собой сложное ментальное явление, отражающее культурно-специфическое восприятие мира и играющее ключевую роль в формировании языковой картины мира определенного этноса.

Выбор концепта «любовь» как объекта исследования обусловлен его многогранностью, культурной значимостью и потенциалом для углубления

понимания национальных особенностей восприятия мира.

Концепт «любовь» уже был предметом изучения многих исследователей в области лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Однако данное исследование обладает новизной, которая заключается в его комплексном, сопоставительном характере и актуальности для современного этапа развития российско-китайских отношений. В работе проводится детальное сравнение концепта «любовь» в русской и китайской лингвокультурах, что позволяет выявить как общие черты, так и существенные различия в понимании и выражении этого концепта в двух культурах.

Концепт «любовь» как любой концепт, характеризующий нравственную сторону жизни человека, является многогранным лингвистическим и культурологическим явлением, понимание глубинных смысловых значений которого позволяет лучше понять менталитет и особенности нации [Pan, 2016].

В теоретическом плане данное исследование может помочь выявить общие черты и различия между культурными системами народов России и Китая, а также является полезным дополнением к сопоставительным исследованиям в области русского и китайского языка. С точки зрения практической значимости исследование может быть полезно в преподавательской практике специалистам, преподающим русский язык китайским студентам и китайский язык – русскоговорящим учащимся.

В работе использован сопоставительный метод исследования как один из важнейших методов исследования языка, поскольку через сопоставительное изучение разных языков можно четче обозначить уникальность языковых единиц и их семантики в соответствующих национальных культурах, а также индуктивный и дедуктивный методы исследования.

В 1990-е годы в лингвокультурологии возник целый ряд синонимичных терминов, таких как «концепт», «лингвокультурема», «логоэпистема». В настоящее время наиболее жизнеспособным термином из вышеперечисленных является «концепт» [Воркачёв, 2004]. Несмотря на то, что этот термин широко используется в лингвистических и культурологических исследованиях не только в России, но и в Китае, в научной среде Китая до сих пор не существует единого понимания и определения концепта, сам термин «концепт» не имеет однозначного общепринятого перевода на китайский язык.

Термин «концепт» как русский лингвистический термин впервые был введен С. А. Аскольдовым

¹Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 18.

в статье «Концепт и слово». Рассматривая когнитивные процессы, Аскольдов подчеркивает, что концепты выполняют функцию замещения, представляя собой ментальные конструкции, которые в ходе мыслительной деятельности человека выступают в качестве заместителей для множества однородных объектов [Аскольдов, 1997]. С тех пор изучение концептов в отечественной лингвистике принято разделять на два основных направления: лингвокультурологическое и когнитивное. В данной статье в основном используется определение концепта, предложенное В. А. Масловой, которое подчеркивает культурные предпосылки возникновения концептов, принимая во внимание их когнитивные атрибуты¹.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Являясь движущей силой нравственного поведения человека, любовь представляет собой значимое понятие в формировании его морального сознания и нравственной рефлексии. Данное понятие отражает основные нравственные установки и ценности нации. Раскрывая семантическую структуру концепта «любовь» в русской и китайской культурах с точки зрения лингвокультурологии, можно исследовать глубинное понимание любви русским и китайским народами, изучать различия в культурном коде обоих народов.

Современное русское слово «любовь» произошло от древнерусского слова «любъ» (милая, любимая)². Слово «любъ» может употребляться и как прилагательное – «любъ», «люба», «любо», и как наречие – «любо», и как существительное³. Корень «любъ», «люб», происходит от общеславянского корня **ljub-*, который основан на индоевропейском корне **leubh-*. Этот индоевропейский корень имеет два значения: (1) заблудиться, ошибиться, запутаться и (2) тосковать по кому-л. или чему-л. Он привел к образованию ряда современных русских слов, таких как «улыбнуться», «любовь» и др.⁴

Поскольку слово «любъ» исчезло из современного русского языка, отдельные ученые считают, что любовь происходит от однокоренного глагола «любить»⁵. Ю. С. Степанов утверждает, что глагол «любить» мотивирует личность что-то делать. Так, форма

глагола *любити* с древнеиндийского *lobhanti* означает «заставлять любить».

Согласно Ю. С. Степанову, семантическая эволюция глагола *любить* делится на три этапа. Изначально глагол *любить* был императивным глаголом, т. е. имел значение «заставить кого-то выполнить соответствующее действие». Ю. С. Степанов предполагает, что путь эволюции глагола *любить* берет свое начало от древнерусского *любити* < общеславянского **ljubiti* < индоевропейского **leubh-ei-[e]-ti* < древнеиндийского *lobhayati*, что означает «пробуждать, провоцировать, заставлять» (например, «влюбиться в...»). Соответствующее активное поведение выражалось в древнеиндийском языке глаголами *lubhati* и *lubhyati*, означающими «желать кого-л.», «преследовать кого-л.». Однако в современном русском, да и в славянских языках в целом, соответствующего слова нет, и его значение выражается глаголом *любить*.

Ю. С. Степанов предпринял попытку сконструировать древнерусское слово для активного значения действия, а именно **льбнути[ся]* (это означает «влюбиться»), что является вторым этапом эволюции любви. Наконец, третий этап эволюции слова представлен древнерусским словом **льбити* или *любити*, которое означает «нравиться, любить»⁶. Глагол *любить* в современном русском нормативном языке объединяет все три значения и примиряет тонкие семантические различия между ними.

Исходя из вышеописанной семантической эволюции глагола *любить*, можно предположить, что семантическая коннотация существительного *любовь*, являющегося однокоренным глаголу *любить*, также в определенной степени эволюционировала по модели взаимоотношений двух людей. Иными словами, концепт любви в русском национальном сознании – это результат чередования инициаций, циклических взаимодействий.

Итак, внутренняя форма любви состоит из трех семантических элементов:

- 1) сходство между двумя людьми и сравнение друг с другом;
- 2) воля и акт любви, вызванные этим сходством и сравнением;
- 3) акт «сравнения» реализуется в режиме «циклического общения», т. е. два участника становятся субъектом и объектом друг для друга и впадают в состояние взаимного обожания.

В своем исследовании В. В. Колесов обращает внимание на лингвистическую трансформацию: переход от архаичной именительной формы *любовы* к форме винительного падежа *любовь*.

¹Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004.

²Фасмер М. Р. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986.

³Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический проект, 2004.

⁴Там же.

⁵Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1994.

⁶Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры.

По мнению ученого, это изменение указывает на смещение смыслового акцента в понимании любви, где центральное место занимает объект чувства, а не его носитель [Колесов, 2004].

В китайском языке этимология слова *любовь* различается в словарях. Согласно «Шуовэнь цзецзи» (说文解字), *любовь* – это форма иероглифа. Значение слова *любовь* – «благодетельность, благосклонность и щедрость», слово *любовь* также может быть глаголом, означающим «оказывать благодетельность людям»¹. Согласно «Многофункциональному словарю Синьхуа», *любовь* – это идеограмма, означающая «истинное чувство, идущее от сердца и заставляющее человека совершать интимные действия»². Согласно «Словарю происхождения и течения китайских иероглифов», *любовь* – это форма-звук и идеограмма, означающая «бродить с сердцем, привязанным к чему-либо»³.

Толкование слова *любовь* в словаре «Канси» (康熙字典) гораздо сложнее, чем в древнекитайском словаре «Шуовэнь цзецзи» (说文解字), и делится на четыре основных значения:

1. Это то же самое, что и иероглиф «*сю*», который является воплощением доброжелательности, с сердцем в качестве формы и без звука, а также обозначает близость, благосклонность, доброжелательность, милосердие, баловство, предпочтение, счастье, скупость, восхищение и сокрытие.

2. В классической конфуцианской литературе «Комментарий к главе о наставлении и возражении» в «Классике о фильтрации» (孝经谏诤章疏) о филиальном благочестии говорится, что любовь – это общий термин для обозначения почитания своего начальника.

3. В «Сы Фа» [溢法], официальном руководстве, использовавшемся в древнем Китае для определения посмертных имен умерших императоров и знати, упоминается, что скупость на вознаграждения называется *любовью*, что подразумевает, что для тех, кто был слишком скуп, чтобы щедро одаривать других при жизни, слово *любовь* будет включено в их посмертные титулы, чтобы отразить их черты характера.

4. «Любовь» может быть фамилией⁴.

В Древнекитайском словаре (《古代汉语词典》) слово *любовь* имеет несколько значений:

¹ Сюй Шэнь, Дуань Юцай. Комментированное издание аналитического словаря китайских иероглифов. Шанхай: Изд-во Шанхайских древних книг, 1981.

² Цао Сяньчжо. Многофункциональный словарь Синьхуа / Комитет многофункционального словаря Синьхуа. Пекин: Изд-во иностранных языков, 2011.

³ Гу Янькуй. Словарь происхождения и течения китайских иероглифов. Пекин: Изд-во Хуася, 2003.

⁴ Чжан Юйшу. Словарь Канси. Шанхай: Изд-во Шанхайской книжной лавки, 1988.

1) благоволишь; 2) уважать; 3) акт взаимной любви между мужчиной и женщиной; 4) благожелательность; 5) забота; 6) лелеять; 7) быть скупым; 8) быть жадным; 9) охранять, защищать; 10) неясность, сокрытие; 11) личная фамилия человека⁵

Эти значения фиксируют богатые коннотационные оттенки слова *любовь* в древнекитайском языке, охватывающие широкий спектр эмоций, моральных установок и поведения.

В «Современном китайском словаре» у слова «любовь» пять значений:

1) испытывать глубокие чувства к человеку или вещи; 2) нравиться; 3) лелеять, любить и заботиться; 4) часто вести себя определенным образом, быть склонным к определенного рода поступкам; 5) личная фамилия человека⁶

Как видим, современное китайское слово «любовь» сохранило лишь малую часть своих значений, характерных для древнекитайского языка. Отдельные оттенки значения слова *любовь* в современном китайском языке выражаются близкими по значению словами: *уважение, благосклонность, обожание*. Кроме того, у современного китайского *любить* появляется новое переносное значение – субъективное нежелание говорящего делать что-либо, например, *любить плакать, любить уставать* (а субъектом может быть либо человек, либо тело человека, либо конкретная вещь).

Итак, первоначальное значение слова *любовь* – это благодетельность, доброжелательность и щедрость, оно может использоваться и как глагол для выражения благосклонности к людям («Ай» *сю*). В древнекитайском языке глагол *любить* использовался для выражения глубоких чувств к людям или вещам, а также поведения, связанного с этими чувствами. Глагол *любить* в китайском языке приобрел множество значений: «обожать», «уважать», «предпочитать», «лелеять», «заботиться», «умиляться» и т. д. Исследование терминологической составляющей слова *любовь* доказывает, что его этнографическая особенность основывается на семантическом содержании воспевающей сути восприятия окружающего мира и смысла любви.

Значимость слова *любовь* во всем мире измеряется определенными лексемами и фразеологическими единицами. Именно через них из поколения в поколение передаются и копятся

⁵ Цзэн Линь. Словарь древнекитайского языка. Чэнду: Изд-во словарей Сычуань, 2021.

⁶ Люй Шусян, Дин Шэншу. Словарь современного китайского языка / Институт лингвистики, Китайская академия общественных наук. Пекин: Изд-во Коммерческий печатный двор, 2016.

человеческие знания. В литературе достаточно много фразеологизмов, пословиц и поговорок, говорящих об этом.

В русском языке высокое духовное начало чувства любви часто поляризуют с чувством противоположного значения – ненависти, гармонии – дисбаланса, истины – лжи. Вспомним пословицы: «От любви до ненависти один шаг», «Любовь без ссоры, что суп без соли».

Исходя из разных значений концепта «любовь» выделим 12 смысловых групп этого понятия, рассмотрим их и найдем аналоги и их сходства и различия в китайском языке:

1. «Любовь – высшая ценность для человека».
2. «Любовь – счастье для человека; любовь неизбежна и непредсказуема».
3. «Нельзя любить по принуждению».
4. «Любовь в отношениях мужа и жены – это единение».
5. «Любовь всё преодолает».
6. «Материальные блага, комфорт не играют существенной роли в любви».
7. «Любовь всегда связана с печалью, мукой, в ней есть место измене, раздражению, злобе».
8. «Внешность (красота) – не главное в любви».
9. «Если любовь проходит, то уже ничего нельзя сделать, любовь не подчиняется воле и разуму человека».
10. «Любовь вечна».
11. «Любовь приходит со временем».
12. «Любящие должны подходить друг другу по финансовому и социальному положению, выбор любимого должен быть одобрен родителями».

С перечисленными выше группами в китайском языке можно соотнести следующие группы: в группе 4 «**Любовь в отношениях мужа и жены – это единение**» обозначено единение двух полов в семье, где мужчина играет ключевую роль:

- 相敬如宾 xiāng jìng rú bīn – муж и жена относятся с уважением друг к другу подобно тому, как гости уважают друг друга.
- 相濡以沫 xiāng rú yǐ mò – муж и жена прилагают все усилия, чтобы поддержать друг друга и оказать взаимовыручку в разных жизненных ситуациях.
- 伉俪情深 kàng lì qíng shēn – муж и жена не могут жить друг без друга.

Дружба и любовь в концепте китайской лингвистики и культуры очень близки по значению. Языковеды приходят к выводу о том, что в китайском сознании любовь исходит и зарождается из дружбы. Концепт «любовь» предполагает

обязательное длительное продолжение отношений и заключение брака. А большая часть китайских пословиц о любви рассматривают отношения возлюбленных не с позиции любовных отношений противоположных полов, а с позиции «муж и жена». В китайском толковании любви прослеживается одна особенность: любовь возникает со временем и обязательно между схожими людьми. Понятие 志同道合的人 (zhìtóng dàohé de rén, «друг») означает человека, имеющего с любимым человеком общие цели, идеалы, представления. Уместно вспомнить следующие выражения:

- 日久生情 rì jiǔ shēng qíng – совместно прожитые дни рожают любовь;
- 情深意重 qíng shēn yì zhòng – выражение описывает серьезность и глубину чувств влюбленных людей.

Многозначность слова «любовь» порождает разные уточнения, сходства, различия между фразеологизмами, пословицами и поговорками в обоих языках. К группе 7 «**Любовь всегда связана с печалью, мукой, в ней есть место измене, раздражению, злобе**» относят такие выражения:

- 厢情愿 yīxiāng qíngyuàn – каждый думает о себе, опираясь на личные предпочтения.
难舍难分 nán shě nán fēn – говорит о неразлучности влюбленных друг в друга людей, привязанности друг к другу.

К группе 9 «**Если любовь проходит, то уже ничего нельзя сделать, любовь не подчиняется воле и разуму человека**»:

- 破镜重圆 pò jìng chóng yuán. – Разбитое зеркало – снова целое.

Эта метафора означает примирение влюбленных после разлуки.

В китайском языке выражениям о любви свойственна снисходительная или равнодушная оценка людских любовных отношений. Одновременно в китайском языке периодически можно встретить слова о высоком духовном чувстве любви. Отнесем такие фразы к группе 10 «**Любовь вечна**»:

- 天长地久 tiān cháng dì jiǔ – означает верность влюбленных друг другу – до тех пор, пока есть небо и земля;
- 坚韧不拔 jiān rèn bù bá – смысл выражения в твердости и неколебимой воли влюбленных людей –

и к группе 12 **«Любящие должны подходить друг другу по финансовому и социальному положению, выбор любимого должен быть одобрен родителями»:**

- 青梅竹马 qīng méi zhú mǎ – как синяя слива и бамбуковый конь.

Источники китайских идиом принято разделять на два вида. Одни из них основываются на совокупном опыте коренного китайского народа. А вторые заимствуются из лингвистики других государств. К основным из них относят басни, мифы и легенды, исторические рассказы, произведения художественной литературы, идиомы, заимствованные из культуры других стран.

По своей форме басни излагаются коротко и емко, скрывают в себе глубокий философский смысл, чаще всего с элементами иронии или сарказма. Героями басен чаще становятся животные, растения, явления природы, которые могут быть скрыты художественными средствами выразительности. Цель басни – показать разные взгляды человека на жизнь, высмеять какие-то пороки человека, используя метафорические или сравнительные словесные формы. Также целью басни может быть критика в чей-либо адрес или литературная подача жизненного урока читателю, скрывающая искренние человеческие ценности, такие как доброта, сострадание и милосердие. Такие басни – источник китайских идиом, например, таких как «利令智昏». Она сформировалась из басни под названием «Лу Ши Чунь Цю» (吕氏春秋).

История этой басни гласит о жаждущем золота молодой человеке, который искал его по всему свету. Когда он увидел другого человека, у которого была целая кладезь золота, тот спросил, зачем ему столько золота, когда вокруг столько бедных и нуждающихся людей. Тогда владелец золота ответил, что он был настолько ослеплен, что не увидел никого. Суть басни в том, что жаждущий наживы человек ослеплен и не видит ничего вокруг.

К мифам и легендам человечество обращается вновь и вновь – они всегда актуальны. В китайском языке они также стали источником устоявшихся идиом. Популярным выражением в Китае служит «чинить небо и купаться в солнце». Эта идиома основывается на сюжете одного из мифов, где герой Нува чинил небо с помощью разноцветных камней, а также об истории купания героини Сихэ в солнце. Этот сюжет также лег в основу выражений о связи людей и природы.

Исторические рассказы также являются источниками идиом. Известная идиома «Новичок» означает, что человек сталкивается с чем-то в

первый раз. Сейчас это слово используется и в том значении, что человек недостаточно компетентен в каком-либо вопросе из-за недостатка опыта. В китайский язык идиома пришла из романа «Романтика Троецарствия» (《三国演义》第三九回, автор – Мин Луо Гуаньчжун) [Li,Yu, 2021].

Китайский язык богат выражениями, которые пришли в современный мир из древних писем и стихов. Переходя из века в век, фразы укрепились и стали идиомами. В качестве примера можно привести выражение «красные абрикосы, выходящие из стены». Когда-то эта фраза означала красные цветы абрикосового дерева, просачивающиеся сквозь стену, что знаменовало приход весны. Сейчас эта фраза стала метафорой, описывающей женщину, у которой есть отношения с противоположным полом [Дун, 2019]. Происхождение этой идиомы связывают со строчками из произведения «Подробный сад не стоит того» (автор – Е Шаовэнь) – «Весенние краски не могут быть закрыты от сада, красный абрикос выходит из стены».

Стоит также отметить, что история появления некоторых китайских идиом также отсылает нас к иностранным культурам, что подтверждает обмен опытом между разными этническими группами с древнейших времен.

Различия в семантической структуре русского и китайского значения слова «любовь» отражают отличия в понимании и восприятии этого концепта двумя народами. Предпосылками таких отличий являются: специфика языка, география, история, культура и многие другие факторы.

Прежде всего русский и китайский языки принадлежат к разным языковым семьям: русский – к индоевропейской, а китайский – к сино-тибетской, китайские слова состоят из китайских иероглифов, сочетающих в себе образ, звук и значение. Таким образом, этимология слова «любовь» для обоих языков не одинакова. Во-вторых, глубокая религиозность является характерной чертой русского народа – православная церковь оказала глубокое влияние на формирование и развитие характеров, культуры и ценностей русского народа. Поэтому понимание русским народом концепта «любовь» тесно связано с православным христианством. Прежде всего это отражается в акценте на религиозный характер любви в старославянском и древнерусском языках, где нерелигиозная, светская любовь считалась лицемерной и греховной, и только в современном русском языке исключительно религиозное значение любви постепенно исчезло. Однако душевная, а тем более плотская любовь, оценивается и по сей день как менее возвышенная, чем духовная.

В отличие от России, в Китае нет доминирующей религии, такой как православное христианство, в китайской культуре в целом преобладают конфуцианство, даосизм и буддизм. Поэтому китайское слово «любовь» всегда было антропоцентричным. Кроме того, в простом понимании любви всё ещё присутствуют некоторые феодальные идеи, основанные на конфуцианстве, такие как: «семья должна соответствовать семье», «женщина не должна быть слишком старой», «от женщины требуется верность» и т. д. Хотя общественно-политический строй современного Китая социалистический, феодализм существовал в Китае тысячи лет, и он пропитал все аспекты повседневной жизни, кодексы поведения и образ мышления населения. Кроме того, буддизм в определенной степени повлиял на китайский взгляд на любовь и объясняет круговорот живых существ через теорию двенадцати причинно-следственных связей [Ли, 2021].

Другое отличие в восприятии китайцами и русскими любви заключается в следующем: русские люди считают, что любовь приносит больше негативных переживаний, чем позитивных, что связано с их историческим прошлым (например, Великая Отечественная война). Китайцы, напротив, относятся к любви как к сугубо положительному явлению.

Помимо этого, русским людям свойственно самопожертвование, открытость по отношению к близким, поэтому, влюбившись, они охотно выражают свою любовь. Напротив, китайцы, находящиеся под влиянием конфуцианства и даосизма, более сдержанны, поэтому склонны хранить эмоции глубоко в сердце.

Следующее отличие в понимании любви обусловлено климатическим и географическим факторами. Климат в Китае, более теплый, флора и фауна разнообразны, поэтому любовь часто символизируется птицей с двумя крыльями, двумя летающими ласточками, веткой лианьянь и т. д. Климат в России, как правило, холодный, поэтому любовь ассоциируется с теплом, защитой от холода, очагом: «Мороз любви не остудит».

Наконец, китайцы предпочитают думать, что атрибутом любви является «инь». «Инь и ян» – ключевая философская доктрина древнего Китая, представляющая собой базовое единство противоположностей всего сущего. Атрибуты *инь* и *ян* не абсолютны, а относительны: небо – ян, земля – инь; солнце – ян, луна – инь; мужчина – ян, женщина – инь; жесткое – ян, мягкое – инь и т. д. Любовь ассоциируется с инь, поэтому китайцы часто соотносят ее с образами воды, луны, женщины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование лингвистических особенностей понятия «любовь» показало, что многогранное слово «любовь» включает в себя множество значений, которые формируют общечеловеческую лингвистическую картину вселенной. Это обуславливает необходимость правильного и точного усвоения национальных особенностей этого концепта для развития российско-китайской коммуникации и межкультурных языковых компетенций.

Анализ представлений русской культуры о любви показывает, что эта тема затрагивает все сферы жизни русского народа и имеет огромное значение в его культуре. Исследуя объекты русской культуры, можно отметить, что «любовь» в произведениях русской литературы и искусства преподносится как живое существо, часто ассоциируется с птицами или растениями. Для русского человека любовь – это уникальная ценность, важнейшее явление в жизни, которое обладает невероятной силой, воздействием на все другие жизненные процессы (любовь может ассоциироваться со стихией, огнем, водой, воздухом в русской поэзии, музыке, искусстве).

Отличительная особенность русского концепта «любовь» в том, что в него включается понятие «душа». Это особенная часть концепта, которая требует дополнительных разъяснений и специальной трактовки.

В китайской и русской лингвокультурах наблюдаются различия значений концепта «любовь». Китайское понимание концепта «любовь» означает выражение почтительности к родственникам и, особенно, к родителям и государю (сегодня – главе государства). Концепт «любовь» не сводится в первую очередь к понятию отношений между мужчиной и женщиной. Центральной составляющей концептуального поля «любовь» в китайской культуре является понимание любви как почитания родственников и уважаемых людей.

Из всего этого следует, что в китайской лингвокультуре концепт «любовь» гораздо уже. Практически полностью из китайской культуры вытеснены личностные отношения мужчины и женщины, включая любые отношения – эмоциональные, духовные, физические.

Исследование концептосферы – одно из самых значимых звеньев в усвоении языка и повышении межкультурной коммуникации. Понимание и применение неочевидных значений того или иного слова придает языковую выразительность, своеобразие, колорит и четкость, делая их разнообразными в эмоциональном отношении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ангелова М. М. Концепт в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. 2004. Вып. 3. С. 3–10.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996.
3. Шэнь Цзясян. Существительные и глаголы. Пекин: Коммерческая пресса, 2016. (На кит. яз.)
4. Ван Инь. Исследование в области когнитивной лингвистики. Чунцин: Чунцинское издательство, 2005. (На кит. яз.)
5. Чжао Яньфан. Введение в когнитивную лингвистику. Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков, 2001. (На кит. яз.)
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Воркачëв С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. М., 2003. Вып. 24. С. 5–12.
8. Pan H. The concept of love in Chinese culture: A historical and comparative perspective // Journal of Chinese Philosophy. 2016. Vol. 43. No. 2. P. 217–234.
9. Воркачëв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004.
10. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–280.
11. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.
12. Li Xiao, Yu Yiqi. An Analysis of the Translation of Romance of the Three Kingdoms From the Perspective of “Three-Dimensional Transformation” // US-China Foreign Language. 2021. Vol. 19. No. 11. P. 327–331.
13. Дун Минцзе. Анализ народных верований Линаня времён Южной Сун – на примере «Цзин И Сяо Цзи» Е. Шаовэня // Исследования региональной культуры. 2019. С. 59–64. (На кит. яз.)
14. Ли Гэсинь. Глубокие чувства и цивилизация – сравнение взглядов на любовь и желание у Шелера и в буддизме // Современная философия. 2021. Т. 2. С. 113–119. (На кит. яз.)

REFERENCES

1. Angelova, M. M. (2004). Concept in modern linguoculturology. Aktual'nye problemy anglijskoj lingvistiki i lingvodiaktiki, 3, 3–10. (In Russ.)
2. Teliya, V. N. (1996). Russian phraseology: semantic, pragmatic, and linguistic-cultural aspects. Moscow. (In Russ.)
3. Shen, Jiaxuan. (2016). Nouns and verbs. Beijing: Commercial Press. (In Chinese)
4. Wang, Yin. (2005). Research in the field of cognitive linguistics. Chongqing: Chongqing Publishing House. (In Chinese)
5. Zhao, Yan-fang. (2001). Introduction to cognitive linguistics. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press. (In Chinese)
6. Karasik, V. I. (2002). Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
7. Vorkachyov, S. G., Karasik, V. I. (2005). Anthology of concepts. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)
8. Pan, H. (2016). The concept of love in Chinese culture: A historical and comparative perspective. Journal of Chinese Philosophy, 43(2), 217–234.
9. Vorkachyov, S. G. (2004). Happiness as a linguocultural concept. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
10. Askol'dov, S. A. (1997). Concept and word. Leningrad: Academia. (In Russ.)
11. Kolesov, V. V. (2004). Language and mentality. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ.)
12. Li Xiao, Yu Yiqi. (2021). An Analysis of the Translation of Romance of the Three Kingdoms From the Perspective of “Three-Dimensional Transformation”. US-China Foreign Language, 19(1), 327–331.
13. Dong Mingjie. (2019). Analysis of folk beliefs in Linan during the Southern Song Dynasty – on the example of “Jing Yi Xiao Ji” by Ye Shaoweng. Issledovaniya regional'noy kul'tury (pp. 59–64). (In Chinese)
14. Li Gexin. (2021). Deep feelings and civilization – a comparison of views on love and desire in Scheler and Buddhism. Sovremennaya filosofiya, 2, 113–119. (In Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хань Цзясин

кандидат филологических наук
старший преподаватель факультета журналистики и коммуникаций
Синьцзянского университета

Лю Шижао

соискатель
преподаватель Высшей школы перевода (факультета)
МГУ имени М. В. Ломоносова

Таказов Валерий Дзантимирович

доктор филологических наук
член-корреспондент Российской академии естественных наук
профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Han Jiaxing

PhD (Philology)
Senior Lecturer at the Faculty of Journalism and Communications
Xinjiang University

Liu Shirao

PhD student
Lecturer at Higher School of Translation and Interpreting
Lomonosov Moscow State University

Takazov Valery Dzantemirovich

Doctor of Philology
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences
Professor of the Department of Mass Communications, Philological Faculty
Peoples' Friendship University of Russia

Статья поступила в редакцию	12.05.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.05.2025	approved after reviewing
принята к публикации	14.06.2025	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 7 (901)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 7 (901)**

Ответственные за выпуск

А. В. Белова,
кандидат филологических наук, доцент
Е. С. Шмелева
кандидат филологических наук

Executive editors

Anna V. Belova
PhD (Philology), Associate Professor
Ekaterina S. Shmeleva
PhD (Philology)

Редакторы: Н. Г. Павлова, М. М. Сингал
Разработка макета и верстка: А. В. Алымов

Editors: Nataliya G. Pavlova, Marina M. Singal
Layout: Andrew V. Alymov

Подписано в печать 20.07.2025
Усл. печ. л. 19,4
Формат 60х90/8
Заказ № 53/25

Signed for print: 20.07.2025
Conventional printed sheets: 19,4
Layout format 60x90/8
Order 53/25

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

© FSBEI HE MSLU, 2025

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».